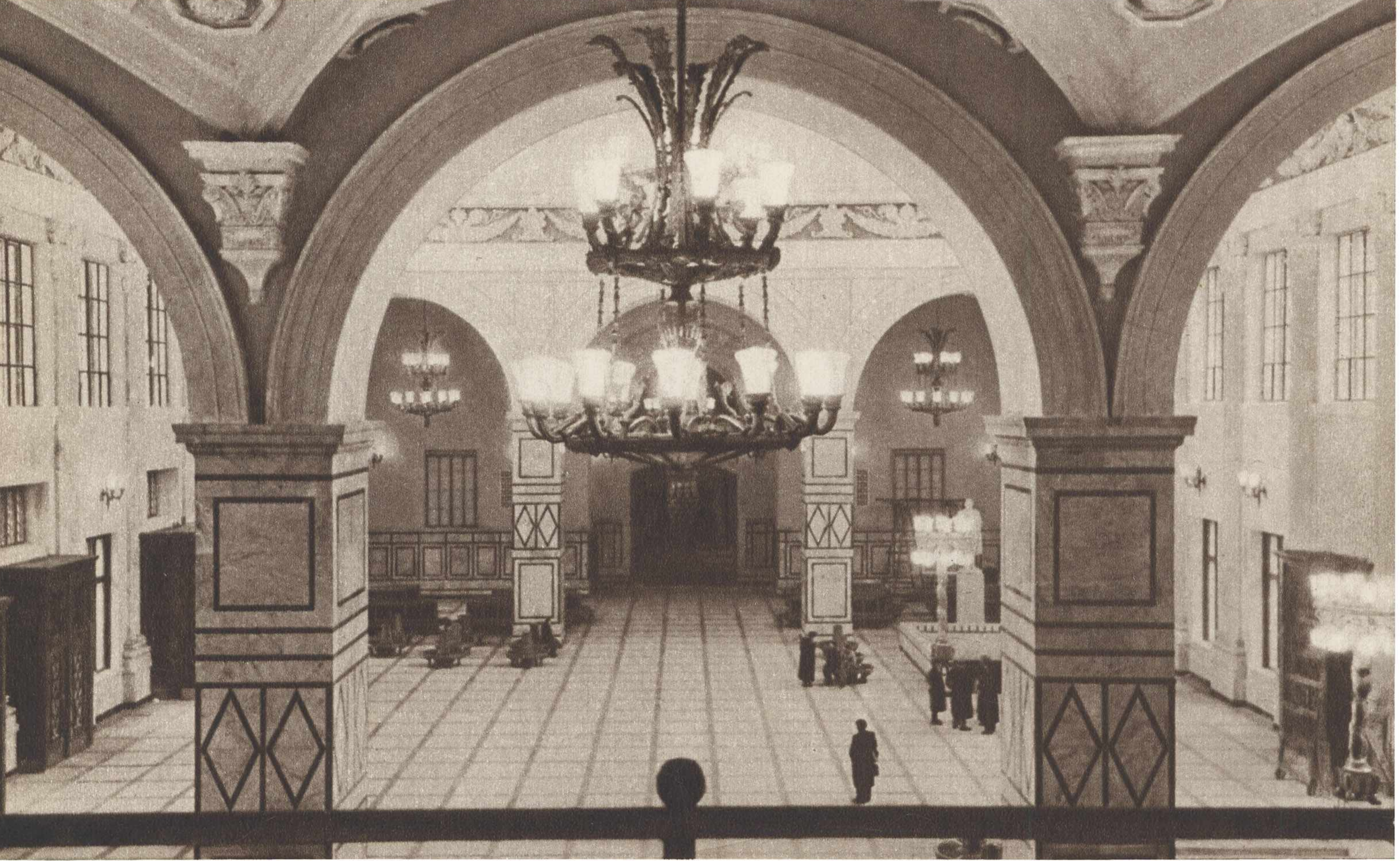

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НОВЫЙ ХАРЬКОВСКИЙ ВОКЗАЛ

Недавно один из крупнейших железнодорожных узлов страны — Харьков — обогатился новым вокзалом. Это — одно из красивейших сооружений города. Массивная колоннада подпирает портик, на котором установлены скульптурные группы. По бокам возвышаются две ажурные башни, где разместились различные службы вокзала, а также почта, телеграф, сберкасса, читальный зал и агитпункт. Все здание снаружи облицовано инкерманским камнем-известняком.

Большое впечатление производит центральный зал, потолок которого имеет самый крупный в стране крестовый свод. Потолок украшен фресками. Стены отделаны естественным мрамором, цветными камнями, украинской керамикой, богатой лепкой. На высоте 26 метров укреплена большая люстра.

Весь нижний этаж и два тоннеля, ведущие на платформы, облицованы белыми глазированными плитками. Камеры хранения багажа имеют свой транспортный тоннель, по которому автокары доставляют грузы к вагонам.

Одно из помещений вокзала отведено под комнаты отдыха гостиничного типа.

Новое здание построено по проекту архитекторов Г. Волошинова, Е. Лимаря, Б. Мезенцева и инженера-конструктора С. Филинова.

На снимках: вверху — общий вид вокзала; внизу — главный зал.

Фото Н. Гурова

На первой странице обложки: Лучшая доярка колхоза «Победа», Семикаракорского района, Ростовской области, Вера Соколова.

Рисунок П. Голубь.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

№ 51 (1332) 14 ДЕКАБРЯ 1952

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА БЛАГО ЧЕЛОВЕКА!

Еще года не прошло с момента окончания войны, еще пол-Европы лежало в развалинах и страшная нужда ходила по рабочим окраинам Лондона и Парижа, Рима и Гааги, а в Москве, в сердце страны, больше других пострадавшей от фашистского нашествия, 9 февраля 1946 года просто и убедительно прозвучали слова И. В. Сталина: «Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары...»

Как всегда, советские люди знали: сталинские слова — это боевая программа нашей жизни. И вот нынче советский народ отмечает пятилетие отмены карточной системы. Пятилетие, на протяжении которого пять раз происходило снижение цен!

Цифры всегда убедительны. И если мы знаем, что сейчас на 50 рублей советский человек может купить столько же, сколько в конце 1947 года на 100 рублей, то понятно, как много сделало для нас наше государство.

В директивах XIX съезда партии приводится радостная для всех советских людей цифра: в новой пятилетке реальная заработная плата рабочих и служащих, с учетом снижения розничных цен, снова возрастет не менее чем на 35 процентов.

Что́ могут противопоставить этому агрессивные правители Америки или маршаллизованные марионетки Франции и Италии? В этих странах реальная заработная плата рабочих составляет половину довоенной. Что́ может предложить англичанам правительство Великобритании, бьющейся в тисках военной экономики? Очередное сообщение о сокращении норм выдачи продуктов...

Мы снижаем цены, открываем новые магазины. Советские люди могут это делать: основным экономическим законом социализма является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества; наша экономика — экономика мира, а не гонки вооружений; вся грандиозная программа созидания в Советском Союзе направлена на благо человека.

На снимке: в новом магазине молодого района столицы, на Новопесчаной улице.

Фото Е. Умнова

ДЛЯ ВАС, ДРУЗЬЯ-СОГРАЖДАНЕ!

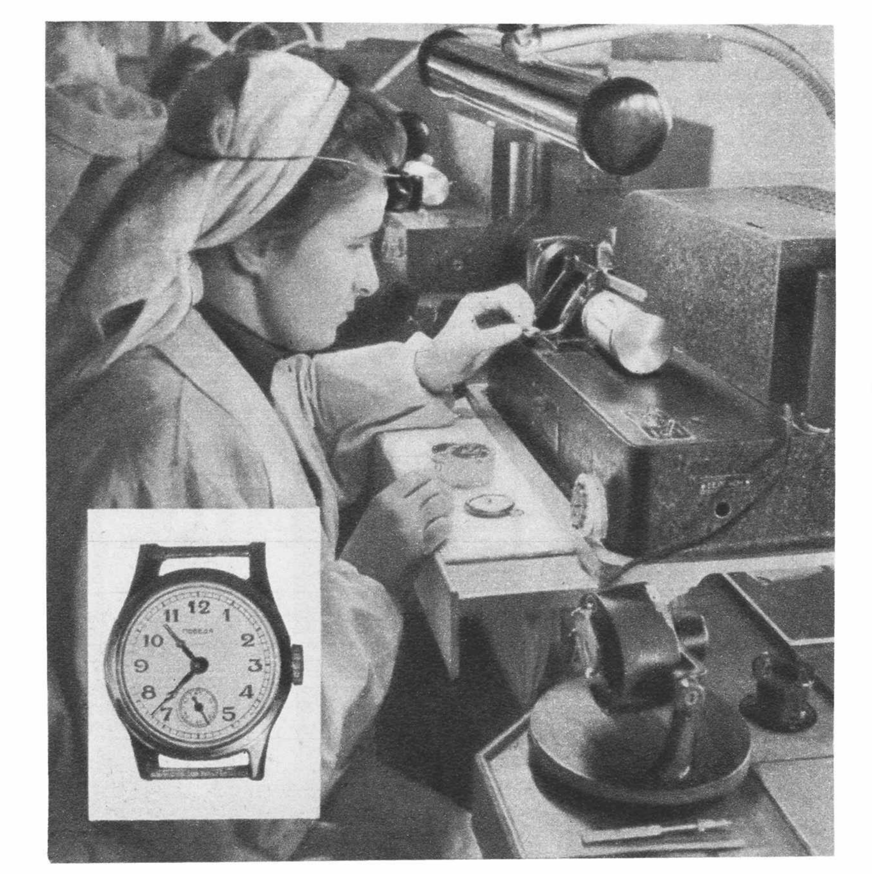
Фотоочерк Г. ШЕРГОВОЙ и Е. УМНОВА

Для каждого первые годы жизни вдвоем, когда рука об руку выходишь на жизненную дорогу, до конца дней остаются самыми светлыми и волнующими. И приятно прикоснуться к этому счастью молодости.

Такое ощущение не покидало нас, когда мы знакомились с тремя молодыми семьями рабочих московского завода «Борец». Наверно, им было не до нас: Виктор и Мария Кирилловы, Николай и Татьяна Митины, Виктор и Лидия Тишины были заняты радостными хлопотами. Семьи токаря, фрезеровщика и слесаря вселялись в новые квартиры. Это были их первые «собственные семейные» квартиры, куда въезжали вместе с ними годовалая Танечка Кириллова и месячный Вова Тишин, начинающий жизнь одновременно с новым домом.

Никто не может остаться безучастным, глядя на еще не обставленные комнаты молодоженов, где воочию ощущаешь прекрасное слово «начало».

Вглядываясь в радостные мелочи их жизни, мы увидели, как целая армия советских людей заботливо работала для того, чтобы молодым друзьям было хорошо и удобно, чтобы их счастье не было омрачено... Вдумываясь в радостные события их жизни, мы ощутили, как каждый шаг нашей страны подчинен заботе о человеке. «...Благо советского человека, — сказал товарищ Маленков на XIX съезде партии, — процветание советского народа является для нашей партии высшим законом».

Нина Щербина видит, как в этом аппарате за полминуты «протекают сутки». ←

1

Наступило утро. Его приход возвестил заливистый звон будильника. Он напомнил, как много надо сделать сегодня и что для всего этого надо выкроить время.

Чтобы счет времени был точен, на Втором московском часовом заводе, где сделали будильник, сосредоточенно склонились над столом рабочие.

Здесь изготовляют не только будильники, но и стенные часы, карманные — «Молния», ручные — «Победа» и «Звезда». В этом году завод оснащен новыми сложными аппаратами. За полминуты прибор проверяет суточный ход часов: взглянув на ленту, рабочий видит, на сколько секунд в сутки отстают или спешат часы.

В будущем году, когда выпуск часов увеличится на 25 процентов, будут введены в действие и другие аппараты, контролирующие точность.

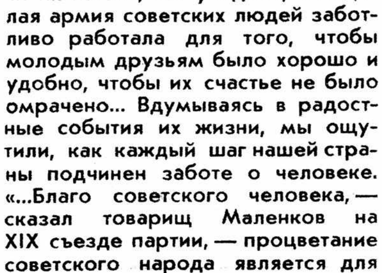
Нам нужны очень точные и хорошие часы. Нужны они и токарю Виктору Кириллову, который мечтает резать металл на таких скоростях, что не обойдешься без секундомера. И для таких, как он, часовой завод начнет выпускать секундомеры, фиксирующие доли секунды.

А на Первом часовом заводе расширяется выпуск герметических противоударных часов «Победа»; такие часы можно уронить в воду, но их работа не нарушится.

2

Это очень ответственная вещь — пирог. И многие «начинающие» хозяйки поймут волнение наших молодых приятельниц. У Лиды Тишиной, когда она присела перед духовкой, в глазах была такая сосредоточенность, которой мог бы позавидовать опытный сталевар, наблюдающий за кипением металла.

Но волнение Лиды понимают не только тысячи ее молодых «соратниц». О нем знают и на московском заводе «Газоаппарат», изготовляющем газовую аппаратуру. 500 тысяч газовых плит вышло за послевоенный период с завода: 4-конфорочные и 2-конфорочные, маленькие «таганки» и плиты для общественных столовых. Чтобы легче было хозяйке, выпускаются плиты, снабженные термометрами, плиты с равномерным распределением пламени. Конструкторы не прекращают исканий. Продолжая совершенствовать духовой шкаф, они заняты созданием «беспламенных» горелок с керамической накладкой. Такая горелка обеспечивает полное сгорание газа.

«Газоаппарат» выпускает также холодильники. Это аппараты с водно-аммиачным охлаждением. Конструкция, созданная на заводе, обладает способностью автоматически понижать мощность тока для экономии электроэнергии. Здесь конструируется холодильник с камерой емкостью уже не в 45, а в 65 литров. Он будет потреблять энергии не больше, чем существующий, а стоимость его не превысит сегодняшней стоимости маленького холодильника.

Этим не исчерпывается продукция «Газоаппарата». Уже выпущены газовые горелки для голландских печей, сконструирована стиральная машина, облегчающая домашний труд.

3

Но вот готов обед, удался ответственный пирог, и, накрывая на стол, Лида перетирает тарелки. Мы хотим предложить ей взглянуть на фабричную марку, оттиснутую на фарфоре «Дулево», — значится там.

В ста километрах от Москвы, на Дулевском фарфоровом заводе, изготовлялась посуда, которая стоит сейчас на столе у Тишиных, и те обеденные и чайные сервизы, которые им еще предстоит завести.

120 лет существует этот завод. Но мировой славы он достиг в со-

Вот они, камеры «микроклимата», помогающие нам в хозяйстве.

Накрывайте столы, украшайте квартиры! Дулевские фарфористы постарались для вас.

ветские годы. Почти 20 лет завод возвращается неизменным победителем со всех международных выставок, увозя золотые медали из Парижа и Бомбея, из Германии и Чехословакии.

Здесь делают не только посуду, но и фарфоровую скульптуру. И так как наших молодых хозяек, безусловно, заботит уют в квартире, мы рады сказать им, что в будущем году ассортимент скульптур расширится. Они смогут украсить комнату и статуэткой охотника с беркутом, и причудливыми сюжетами бажовских сказов, воплощенных в скульптуре, и фигурками танцовщиц, где в фарфоре запечатлен пламенный порыв пляски.

Сейчас завод готовится к международной выставке в Китае. Русским мастерам есть что показать даже на «родине фарфора». Особенно можно блеснуть росписью. Дулевцы используют самые различные приемы росписи посуды. Тут и высокохудожественная роспись, когда художник в процессе работы создает узор, и разрисовка по кальке, и работа пульверизатором, и печать. Есть посуда, которую работницы расписывают по 60—80 пар в день, а есть и такая, над одним экземпляром которой художник трудится месяц.

4

Между тем стрелки часов продолжают свое движение, и вот уже вечер занавесил синевой окна. Это субботний вечер, и супруги Кирилловы решили провести его в театре. Маша уже одета. Она последний раз делает перед зеркалом «генеральный смотр» и слегка душит волосы. Маше хочется, чтобы аромат духов подольше жил в ее волосах. Но она не знает, сколько усилий затрачено создателями духов для решения этой «технической задачи». Она не знает, что в научно-исследовательском институте парфюмерной промышленности люди бились над конструированием специального прибора, фиксирующего летучесть духов.

В этом же институте путем сложного анализа и синтеза люди создают душистые вещества, подобные существующим в природе. Тут в колбах и пробирках рождаются запахи розы, фиалки, свежего сена, тропических цветов. Из их смеси потом возникнут духи. Но чтобы духи были стойкими, чтоб запах их был благородным, «округлым», как говорят парфюмеры, в них нужно добавлять особые мускусные вещества, добываемые из желез редких животных. Это очень сложно — добывать такие вещества. А вот сейчас в институте получен искусственный препарат — вещество во много раз сильнее мускуса.

Институт — только первый этап. Потом химические и эфиро-масличные заводы делают душистые вещества и эфирные масла, которые поступают на парфюмерную фабрику.

Здесь, скажем, на фабрике «Новая заря», парфюмеры путем сочетания в разных пропорциях душистых веществ творят новый запах. А душистых веществ около двухсот! И все запахи парфюмер должен знать наизусть. Конечно, ни Маше, ни многим нашим читателям не приходит в голову, что, например, духи «Красная Москва» содержат (включая промежуточные сочетания) более 70 составных частей.

Сейчас «Новая заря» выпускает до 150 наименований. Фабрика работает над новыми ароматическими композициями. Опыты научно-исследовательского института претворяются в практику.

...Вот что потребовалось для того, чтобы от волос Маши Кирилловой шел нежный весенний аромат.

5

Воскресенье посвящено хозяйственным делам и хождению по магазинам. Сегодня Кирилловы и Митины отправились в мебельный магазин. Те, кто раньше наших приятелей начал «обзаведение», могут приобрести здесь стильные гарнитуры. А так как нашим молодоженам предстоит сразу слишком много покупок, они купят самое необходимое. Остальные вещи можно приобрести и попозже: фабрики Латвии, например, выпускают отдельные предметы с одинаковым оформлением, чтобы гарнитур собирался «по частям».

Этот сложный агрегат контролирует летучесть ароматических веществ.

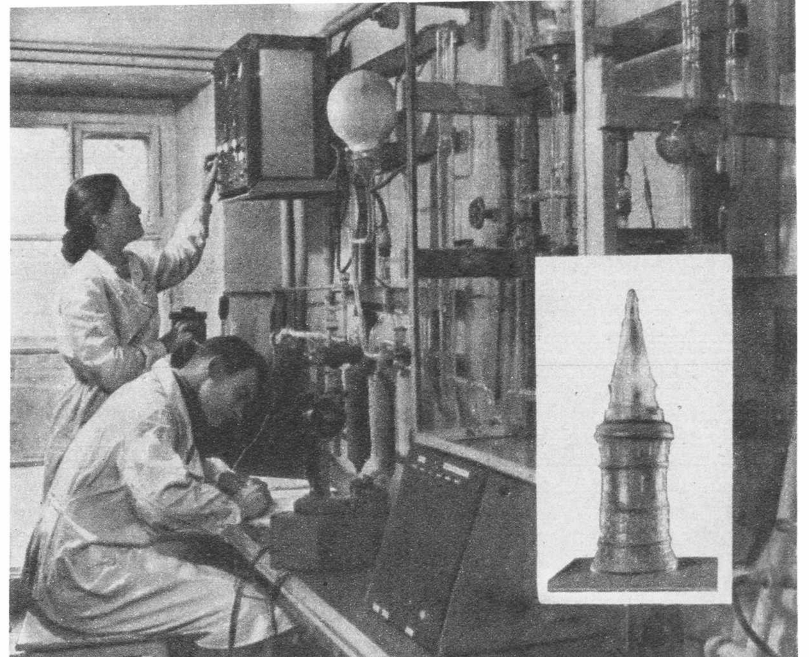
6

Итак, мебель будет приобретена. Но хочется еще повесить гардины на окна и двери, постелить коврик, положить на кровать покрывало. Пока Таня Митина связала их сама, но это так, «времянка». Она отправляется в магазин драпировочных тканей — присмотреть что-нибудь интересное. Возможно, в этот день ей не удастся ознакомиться со всем ассортиментом. Поэтому мы проводим ее на фабрику имени Маркова, где выпускают такие ткани.

Недавно фабрика получила новое сложное оборудование, что дало ей возможность наладить выпуск плюшевых, ковровых, гобеленовых тканей. На фабрике около 100 станков, и на каждом делается ткань своего рисунка — так разнообразен ассортимент. Отсюда поступают ткани для высотных домов, и художники изучают архитектурные особенности зданий, чтобы драпировки гармонировали с их стилем. Начат выпуск покрывал, стенных ковриков, бархатных скатертей. Фабрика за-

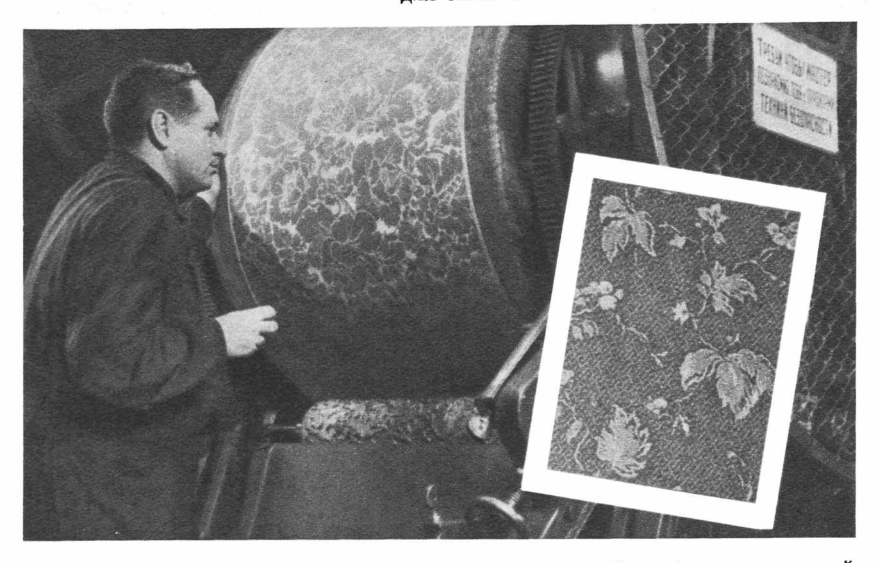
Виктор и Мария Кирилловы в затруднении: какой выбрать шкаф? Их мы видим на первом плане. Правее — Николай и Татьяна Митины.

На фабрике имени Маркова. Художники выбирают лучшие рисунки для тканей.

Вот на этой пятикрасочной машине, за которой наблюдает старший мастер Чупаков, были напечатаны обои для вашей комнаты товарищ Тишин. Вы узнаете их?

В Доме моделей сегодня демонстрируют свою работу моделисты разных городов.

нята созданием специальных тканей для гарнитуров — это будет обивка для диванов, кресел, стульев, а также портьеры с одинаковыми сюжетными изображениями.

Текстильщики заботятся не только об оформлении квартир. Обивочные ткани для пароходов Волго-Дона, цельнометаллических вагонов, новый занавес для Большого театра — это все для наших друзей, для нас с вами.

7

Если бюджет Тани Митиной не позволит сделать все покупки для дома сейчас, пусть она не огорчается. Гобелены на ее стене может временно заменить бумажный коврик, отпечатанный на московской обойной фабрике. Коврики сделаны так искусно, что кавказские, русские, украинские орнаменты на них кажутся вытканными.

Здесь же производятся самые различные обои, отвечающие любому вкусу, — от гладких, будто замшевых, синих до ярких, украшенных живым цветением букетов — 500 рисунков в расцветках.

35 миллионов кусков обоев выпустит фабрика в будущем году. Среди них и гофрированные, похожие на ткани, и бронзовые, заменяющие окраску, и специальные детские, с забавными рисунками.

8

В то время как Таня Митина рассматривала драпировочные ткани, Маша Кириллова потащила Виктора в общесоюзный Дом моделей. Дело в том, что по специальности Маша — мастер-швея и сама обшивает семью. В Доме моделей она приобретает выкройки, смотрит новые модели, получает консультации.

В этот день в Доме моделей проходила всесоюзная конференция, где говорили о работе иногородних домов моделей, намечали моды будущего года. Десятки искусствоведов, модельеров, портных обсуждали, как лучше и красивее одеть наших приятельниц.

Текстильные фабрики тесно связаны с Домом моделей. Здесь разрабатывают не только модели платьев, но и расцветки тканей, отделки, методологию пошива.

И так как Таня Митина и Лида Тишина сами не шьют, для них красивые платья будут изготовлены на фабриках по образцам, созданным Домом моделей.

9

Снова начинается день, снова заводы и фабрики работают для того, чтобы быт наших людей стал еще красочней и богаче.

Пока на заводах трудятся люди, в квартирах тоже идет своя трудовая жизнь хозяек дома. Но вот приготовлен обед, убрана комната, спит безмятежным сном месячный гражданин Владимир Тишин, и юная мать, ожидая мужа с работы, села у окна с книгой. Виктор Тишин сегодня задерживается: у него занятия политкружка. В этот час он тоже склонился над книгой.

Лида и Виктор входят в увлекательный мир книги, и она раздвигает для них границы познания. Сколько таких же пытливых читателей откроют в этот вечер книгу!

Пожалуй, именно книги больше всего раскрывают духовный облик страны.

Велика у нас жажда знаний. Непрерывен поток новых книг. 250—300 тысяч книг и брошюр ежедневно печатаются только в столичной Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. В будущем году около 100 миллионов экземпляров книг выйдет в свет с маркой этого крупного полиграфического предприятия.

Мы видим русско-китайский словарь и книги для Тувы. Рядом с классиками художественной литературы 15 миллионов стабильных учебников. В два раза больше, чем до войны, печатается здесь книг. Уже переведен на поток и механизирован печатно-брошировочный цех, строятся новые цехи. Это нужно стране, где свободен человеческий дух, где мысли труженика не заняты заботой о куске хлеба.

Работница раскрывает книгу, и, глядя из-за ее плеча, мы видим титул: «И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР».

Мы берем эту книгу и перечитываем мудрые сталинские слова:

«...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, — это **цель** социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, — это **средство** для достижения цели.

Таков основной экономический закон социализма».

Это величественный закон нашей действительности. Он властно живет и будет жить в каждой мелочи наших буден.

Пока эти книги проходят по переплетному цеху типографии. Завтра над ними склонятся тысячи новых читателей.

Пески зацвели

Семенники лука на орошаемом участке Приаральской опытной станции по освоению песчаных пустынь.

В этом году валовой урожай зерна в нашей стране составил 8 миллиардов пудов.
«Таким образом зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»,— сказал с трибуны XIX съезда партии товарищ Г. М. Маленков под бурные аплодисменты делегатов.
Решая эту проблему, мы подняли наше земледелие на новую, высшую ступень. Оно стало качественно иным, чем раньше. Значительно выросли посевные площади под техническими, огородно-бахчевыми и кормовыми культурами. Наше земледелие стало более квалифицированным, более продуктивным.
Отходит в прошлое деление наших областей на «потребительские» и «производящие». В решении зерновой проблемы приняли участие все области страны. И в этом невиданном урожае, достигшем 8 миллиардов пудов зерна, есть доля Украины и Урала, Казахстана и Подмосковья, Рязанской области и Якутии. Хлеб и овощи продвинулись далеко на юг и на север. Картофель, огурцы, арбузы выращиваем мы за Полярным кругом. Колосится пшеница и зеленеют сады среди желтых песков пустыни.
Так осуществляется указание товарища Сталина о том, что «...каждая область должна завести у себя свою сельскохозяйственную базу, чтобы иметь свои овощи, свою картошку, свое масло, свое молоко и в той или иной степени — свой хлеб, свое мясо,— если она не хочет попасть в затруднительное положение».

Глеб ГОЛУБЕВ

Фото автора

...Знойным летом в Москву прибыл вагон арбузов. Полосатые, крутобокие, они вызвали веселое оживление среди покупателей, появившись на прилавках столичных магазинов.

Выбрав арбуз покрупнее, знаток умелым взмахом ножа развалил его надвое и крякнул от восхищения:

— Камышинские! Первый сорт!

Алая, сочная мякоть, казалось, сохранила в себе прохладу волжской волны...

Но знаток ошибся. Арбузы были действительно первоклассные, но вовсе не камышинские.

Уравнение со многими неизвестными

Почти двадцать лет назад на маленькой станции Челкар, затерявшейся в песках Западного Казахстана, сошел с поезда пассажир. Дежурный по станции окинул его недоуменным взглядом. Командировочный?.. Но кто ездит в командировки с двумя тяжелыми чемоданами и большим мешком за плечами? Приехал погостить к родственникам? Но кто едет отдыхать в пустыню?..

Дежурный по станции удивился бы еще больше, узнав, что объемистые чемоданы прибывшего наполнены семенами различных растений: от пшеницы до арахиса и люцерны.

Оставив на вокзале багаж, приезжий зашагал по пыльной улице поселка к зданию районного комитета партии.

То были славные годы победного завершения первой сталинской пятилетки. Свежий ветер великих преобразований ворвался и в пустынные степи. Ломая вековой уклад своей жизни, казахский народ переходил от кочевья, с его вечной угрозой голода, к оседлости, к новым, высшим формам хозяйства и общественной жизни.

Огромные пространства никогда не знали земледелия. Только на севере, на границе со степью, на небольших поливных участках выращивалось просо. «Сюк» — особым образом поджаренное пшено — заменял казахам и хлеб, и кашу, и угощение к неизменному чаю...

Людям пустыни нужно было дать хлеб и овощи. Вот почему научный сотрудник Всесоюзного института растениеводства Евгений Александрович Малюгин очутился в тот весенний день на маленькой станции Челкар. На северной окраине песков Большие Барсуки было решено заложить опытную станцию по освоению пустынь. Средств на первое время было отпущено маловато. Штат опытной станции состоял из двух работников — директора и завхоза...

С песками Малюгин был знаком с детства, когда драчливым хлопчиком играл среди песчаных бугров на берегу тихого Дона. Подростком он помогал деду обрабатывать тощую песчаную пашню; юношей, уйдя добровольцем в Красную Армию, бил врангелевцев среди солончаков и сыпучих песков Перекопа, а потом пошел учиться в Донской институт сельского хозяйства и мелиорации. Темой его дипломной работы стало облесение донских песков. Блестяще защитив ее, Малюгин отказался от аспирантуры и поехал в Туркмению озеленять пески и угрюмые предгорья Копет-Дага. Впоследствии за эту работу ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата наук.

Малюгин повидал всякие пески: голые, сыпучие и полузаросшие; бугристые и плоские, как степь; пески серые, желтые, оранжевые, кирпично-красные и молочно-белые. Он хорошо знал, что пески вовсе не так мертвы и страшны, как представляется человеку, никогда не бывавшему в пустыне.

Но тем отчетливее представлял он все трудности поставленной задачи. В ней было множество неизвестных. Все авторитеты согласно утверждали: неполивное, богарное земледелие возможно лишь там, где выпадает не меньше 250 миллиметров осадков за год.

В Челкаре их выпадало всего-навсего 150 миллиметров, и летом термометр изо дня в день упрямо показывал 40 градусов в тени.

К этим непременным климатическим признакам пустыни прибавлялись еще дополнительные трудности, присущие пустыням северным, казахстанским: сорокаградусные морозы и ураганные ветры, сметающие последний снег с земли и поднимающие тучи песка. Летом песок нагревался так, что в нем можно было варить яйца — всмятку или вкрутую, по желанию,— а зимой песчаная почва промерзала на два метра в глубину...

— Ну, что же гадать? Будем сеять! — упрямо сказал Малюгин.

Раздобыв пару верблюдов с плугом, директор и завхоз опытной станции начали первую посевную.

Год начался удачно. Прошли дожди, и Малюгин с волнением наблюдал, как зазеленели молодые всходы. И вдруг с юга, из глубины пустыни, налетела саранча. Она летела черной тяжелой тучей, закрывая солнце. Она шла по земле сплошным хрустящим потоком — серый, живой, страшный ковер из мириадов прожорливых насекомых. Ни глубокие канавы, ни хитроумный огнемет, который сгоряча изобрел Малюгин, не могли остановить это ужасное нашествие. Малюгину оставалось только наблюдать, как гибнут всходы. Но даже тут он остался ученым-исследователем, сделав в отчете об этой катастрофе примечание:

«...Интересно отметить, что в первую очередь были съедены люпин, подсолнечник, топинамбур; меньше всего привлекали внимание просо и сорго...»

Все пришлось начинать почти заново. Почти — потому, что уцелели некоторые овощи на поливном участке, меньше пострадавшем от саранчи. Это уже было большой радостью.

Осенью в Челкаре открылась первая сельскохозяйственная выставка. Целыми днями толпились люди возле конторских столов, наскоро превращенных в витрины. Стояли и не могли оторвать глаз от румяных томатов, белых кочанов капусты, полосатых арбузов, от огурцов и дынь. Их было немного. Но ведь они выросли здесь, в пустыне! Из дальних аулов спешили вчерашние кочевники взглянуть на это чудо.

На следующий день после открытия выставки рано утром к Малюгину пришли дети. Они принесли ярко и пестро раскрашенные рисунки. По жанру всё натюрморты: овощи, овощи, арбузы. Нарисованы они были очень неумело: «художники» видели эти плоды впервые в жизни, но они так поразили их, что лучшего выражения своим чувствам, чем рисунки, они не нашли...

Глядя на такие искренние в своем восхищении детские лица, Малюгин думал, что овощи в пустыне будут, хотя бы этому ему пришлось посвятить всю жизнь. Ну, а хлеб?..

Директор Приаральской опытной станции лауреат Сталинской премии П. А. Малюгин и бригадир Муса Мамбетов на картофельном «поле», расположенном в траншее.

Лаборатория без стен и крыши

Вырастить хлеб без полива было труднее. Обычная, общепринятая агротехника оказалась неприменимой в пустыне: или бешеный весенний ветер уносил верхний слой легкой песчаной почвы вместе с посевами, или их сжигала летом засуха. Надо было создавать новую агротехнику. Этим занялся вместе с Малюгиным его товарищ и однокашник по Донскому институту Анатолий Иванович Миловзоров.

Была в характере этого коренастого, полнеющего человека замечательная черта — нелюбовь к легкой, спокойной жизни. Эта постоянная готовность идти навстречу трудностям и в преодолении их находить счастье и полноту жизни заставила Анатолия Ивановича отказаться от всех удобств работы в Алма-Ате, где он заведовал Ботаническим садом, и заняться богарным земледелием в песчаной пустыне.

Новая агротехника была наступательной, активной. Она рождалась в результате пытливых наблюдений, тысяч опытов, горьких неудач и в жестоких спорах с самим собой долгими бессонными ночами. Прежде всего нужно было сохранить в почве скудные 150 миллиметров влаги и отдать их до последней капли растениям. Это поручили сделать ветру, превратив его из врага в союзника. Пусть он, вместо того чтобы сметать снег с земли, собирает его на поля, огражденные лесополосами из тамариска или посевами сорго.

Малюгин и Миловзоров ехали от аула к аулу, убеждая, объясняя, показывая, как нужно ухаживать за пшеницей и овощами. Новую агротехнику они внедряли собственными руками: шагали за плугом по колхозному полю, сажали картофель и дыни, сеяли пшеницу: сеялок в те годы здесь еще не знали. Их лабораторией стала вся безбрежная пустынная степь, а помощниками — колхозники.

Два выведенных им новых высокоурожайных сорта проса Анатолий Иванович назвал именами простых колхозников, своих друзей и помощников, — прославленного просовода Чаганака Берсиева и Уксукбая Ашамбаева. В этом проявился и общий стиль работы коллектива станции и характер самого Миловзорова.

«Ашамбаевское» и «берсиевское» просо зреет теперь на десятках тысяч гектаров колхозных полей.

Бишбармак из капусты

— Кто мы: агрономы или учителя? — спрашивал иногда Малюгин у своего друга.

— И то и другое, Женя,— отвечал Миловзоров.— Едем дальше...

Приехав в какой-нибудь из дальних аулов, Миловзоров разжигает огонь в глиняной печурке и, засучив рукава, как заправский повар, начинает варить украинский борщ. Оказывается, надо не только учить людей выращивать овощи, но и учить кушать их. Уже одно то, что мужчина возится у очага, было совершенно невероятным событием в жизни аула. А тем более готовит из красных и зеленых земляных плодов какое-то странное блюдо с непонятным названием. Весь аул облетела весть:

— Агроном готовит бишбармак[1] из капусты!

И все — от седых стариков до малых ребятишек — собирались смотреть на это удивительное зрелище.

Часто ездит Анатолий Иванович по аулам и теперь: читает лекции, убирает комбайном на семена дикорастущий житняк в пустыне, ищет вдали от станции дикие виды люцерны, чтобы превратить их в новые культурные сорта.

Но теперь пустыня уже не выглядит такой необжитой и дикой, как лет десять назад. То стога свежего сена встретятся на пути, то колхозные бахчи на песчаных буграх. И желтеют в пустыне поля колхозной пшеницы.

Непередаваемо, величественно прекрасны эти золотые пшеничные озера среди песков, седых от полыни! Не отдельные опытные участки, а поля, настоящие колхозные поля в пустыне! Волнуется под ветром пшеница, клонит к земле тяжелые колосья; в дальнем конце поля стрекочет лобогрейка. А кругом — пески, солончаки...

Теперь песчаные пустыни северного Приаралья имеют свой пшеничный хлеб. Агротехника, разработанная Миловзоровым, Малюгиным и другими сотрудниками опытной станции, успешно применяется на шестидесяти тысячах гектаров неполивных полей.

И во многих казахских аулах угощают Анатолия Ивановича наваристым украинским борщом...

Сад в песках

Варить борщ и кушать свежие помидоры и огурцы, яблоки и даже виноград можно теперь в самой глубине пустыни, среди бугристых песков, вдали от рек и озер.

Все началось с того, что в одно засушливое лето пустыня неожиданно перешла в наступление на орошаемый овощной участок опытной станции. Маленькое искусственное озерко, которое поило этот участок, вдруг стало пересыхать. И Евгений Александрович Малюгин задумался: где взять воду?

Где взять воду в пустыне? Им удалось доказать, что овощи на поливных участках выращивать в песках можно. Они нашли наилучшие нормы и сроки полива, вывели новые сорта овощей. А где взять воду для орошения полей и огородов, если на всю пустыню, что широкой полосой протянулась от Волги до Иртыша, природа отпустила всего несколько скудных речушек?

Голые, бугристые пески, казалось бы, самые безводные, на деле служат своеобразным «водохранилищем» пустыни: они жадно впитывают влагу из воздуха. Всякие понижения среди бугристых песков бывают богаты почвенной влагой. Грунтовые воды залегают здесь неглубоко и обычно совершенно пресны. Такие маленькие долины с обильным травостоем часто встречаются среди песков Казахстана. Их называют по-разному: чиевники, чуроты...

Здесь и нашел Малюгин решение. Как и все хорошие решения, оно оказалось простым. Не поднимать надо воду на поверхность земли, а, наоборот, сами растения приблизить к воде, посадив их в широких траншеях метра в полтора глубиною — до уровня грунтовых вод. Попробовали, и оказалось, что такое «поле» имеет даже явные преимущества перед обычным, искусственно орошаемым: в траншее растения пьют влагу непрерывно, без перебоев, досыта, а стенки траншей надежно укрывают их от ветров и заморозков.

Со всей своей неуемной энергией Малюгин начал сажать в траншеях томаты, картофель, свеклу, капусту, яблони, смородину, инжир, виноград. В колхозе «Ак-Тюбек» было заложено пятьдесят пять траншей. Они дали невиданный урожай: по шестьсот центнеров картофеля, до полутора тысяч центнеров томатов в пересчете на гектар! В первый же год с лихвой окупились все расходы.

Идеей траншейного земледелия Малюгин увлек своего младшего брата, Петра Александровича. «Братья-пустынники», как их в шутку называют, очень похожи друг на друга: энергичные, крупной лепки загорелые лица, у обоих упрямые, твердые подбородки, только волосы у младшего чуть потемнее да серые глаза с голубоватым оттенком. Много схожего и в их судьбе: окончил Петр Александрович все тот же Донской институт, материал для диплома собирал в песках Туркмении...

Несколько лет назад он сменил своего старшего брата на посту директора опытной станции. Евгений Александрович возглавил Бюро пустынь Всесоюзного института растениеводства. Но он попрежнему занимается делами основанной им станции, по нескольку раз в год приезжая сюда из Ленинграда. Каждый раз «братья-пустынники» прежде всего отправляются на чиевник.

Дорога туда петляет среди песчаных бугров-барханов. Вскоре она теряется, машина буксует и останавливается. Дальше можно пройти только пешком. Ноги вязнут в горячем песке. Зной, тишина... Пустыня кажется совершенно безжизненной, лишь угрюмый орел лениво проплывает в раскаленном безоблачном небе...

Открывшаяся с вершины бархана зелень чиевника кажется неестественно яркой и свежей после одноцветной желтизны пустыни. Путника встречает молодая яблонька, ее тонкие ветви гнутся под тяжестью плодов, тронутых румянцем спелости. Рядом пышные кусты золотистой и черной смородины, грушевые деревья, гибкие виноградные лозы. Глаза по привычке ищут арыков, ухо настороженно ловит журчание воды. Но арыков здесь нет, и не журчит вода.

Это неизменно поражает частых посетителей опытной станции: агрономов, председателей колхозов, бригадиров, колхозников. И, насладившись удивлением гостей, Петр Александрович обычно предлагает, пряча лукавую усмешку в глубине глаз:

— Давайте проведем органолептический анализ...

Громоздкое это слово означает просто-напросто приглашение отведать плодов чудесного сада. Крупные, сладкие ягоды черной смородины освежают пересохший рот.

Потом гости долго сидят на скамье в тени тополевой аллеи, тоже уместившейся в широкой траншее. Тень, прохлада — что может быть прекраснее в пустыне!

— Кто сказал, что это пустыня? — пожимает плечами Миловзоров.

И верно: сенокосы, золотые пшеничные поля, зеленеет люцерна, пудовые арбузы зреют среди пересохших соленых озер, растут в песках без полива овощи и фрукты, плодоносят сады...

Кругом все так же лежат пески. Они не исчезли, климат не переменился: попрежнему выпадает за год 150 миллиметров дождя и снега, термометр все так же показывает 40 градусов в тени, и ветер мчится над землею все с той же бешеной скоростью. Но пустыней эту землю уже назвать нельзя.

Арбузы, выращенные среди песков, все-таки вкуснее всего, когда их пробуешь не в Москве, а здесь, прямо на бахче, под палящими лучами неистового солнца. Евгений Александрович Малюгин выбирает арбуз покрупнее и лукаво подмигивает:

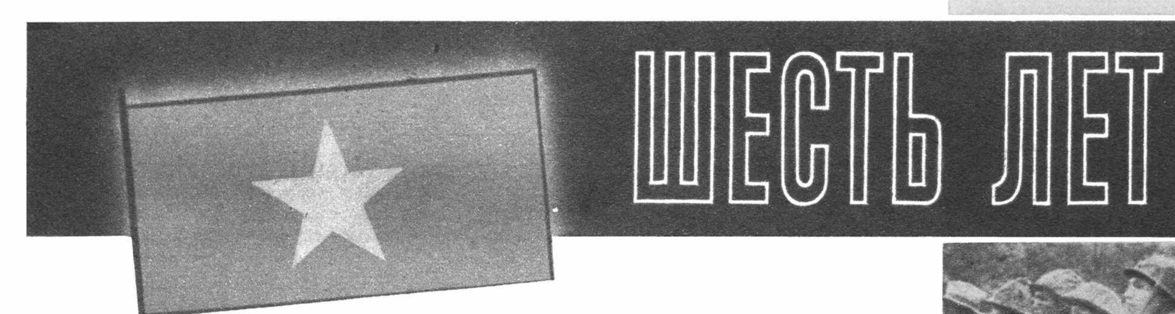
— Значит, камышинские? — потом с юношеским задором продолжает: — Не одними арбузами красна наша пустыня. Мы уже давно снабжаем Ленинград семенами помидоров. Наши помидоры превосходят по сахаристости даже крымские. Если пока не количеством, так качеством мы берем верх...

Он помолчал и, улыбнувшись вдруг какой-то очень светлой и счастливой улыбкой, добавил:

— Пока мы работали в песках Казахстана, мои родные донские песочки затопило Цимлянское море. Где мальчишкой я бегал,— море шумит. Интересно бы глянуть!..

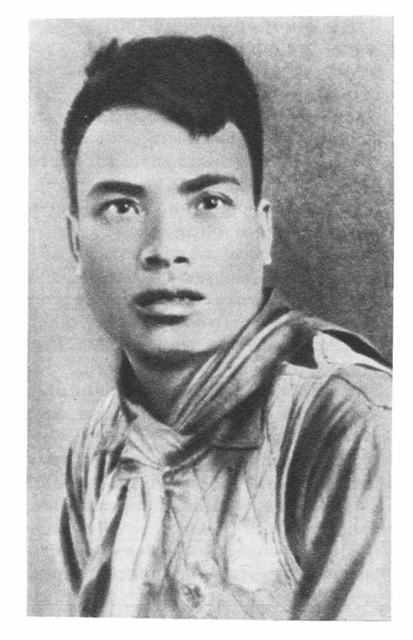
[1] Бишбармак — национальное казахское блюдо: крупно нарезанная лапша с бараниной.

ШЕСТЬ ЛЕТ

19 декабря... В этот день, шесть лет тому назад, двадцатимиллионный народ Вьетнама поднялся на защиту своей свободы и национальной независимости, против агрессии империалистических колонизаторов.

Шесть лет длится эта война, которую предательски начали французские биржевики и милитаристы и их американские покровители, война, которую они рассчитывали окончить в две недели. Все эти шесть лет войска агрессоров творят на вьетнамской земле злодейства, не уступающие преступлениям гитлеровских фашистов в Европе и американских интервентов в Корее. Как и в Корее, здесь применяются самые «усовершенствованные» средства массового истребления, которые поставляют французским захватчикам вместе с долларами Соединенные Штаты.

Герой Зыонг Ван Куа, сбивший три вражеских самолета в сражениях под Хоа Бинем.

Сотни вьетнамских деревень постигла судьба Орадура и Лидице: от деревни Нгуэн Са, одной из крупнейших в районе Тиэн Хынг провинции Тхаи Бинь, и от ее пяти тысяч жителей не осталось ничего, кроме трупов и тлеющих развалин. Около трех тысяч жителей деревни Шо Бо были согнаны за колючую проволоку, и все они умерли от голода и жажды под палящим солнцем. Этих чудовищных преступлений агрессоров никогда не забудет вьетнамский народ!

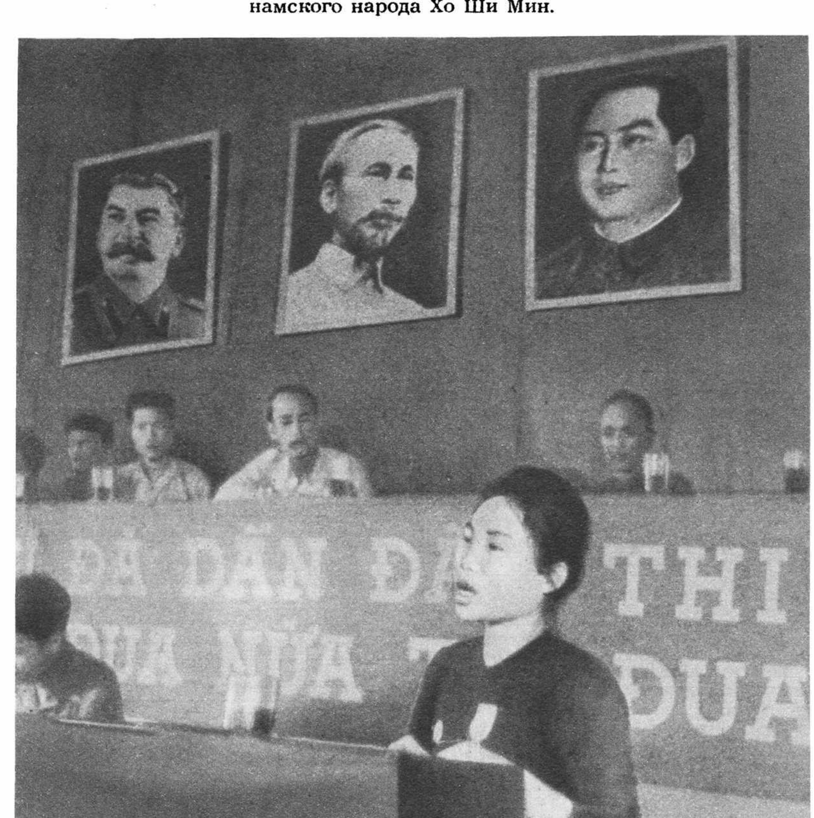
Молодой крестьянин-партизан Динь Ной из племени Ра Дэ сложил песню, слова которой идут из сердца всего вьетнамского народа. «Мы бьем иноземных разбойников,— говорится в этой песне,— потому что от них — наши муки, наши несчастья. Терпелив наш народ и стоек: его не согнут ни зверства врага, ни лишения. Мы твердо решили: выстоим до конца, но не будем снова рабами!»

Народ и его освободительная армия едины в решимости победить. Несколько месяцев назад в лесах Вьет Бака (северный Вьетнам) происходил первый Национальный конгресс патриотического соревнования. Это всенародное движение началось по инициативе президента Хо Ши Мина еще в 1948 году. На конгресс собралось несколько сот человек: бойцы Народной армии, рабочие, крестьяне, интеллигенты, партизаны, подпольщики с оккупированной территории, школьники, представители молодежных ударных производственных бригад. Участники конгресса встретили бурной овацией упоминание имени великого Сталина. Законную гордость и чувство еще большей ответственности вызвали у участников съезда обращенные к ним слова президента Хо Ши Мина: «Знайте, что вы — настоящие патриоты нашей родины, подлинные защитники мира и демократии во всем мире».

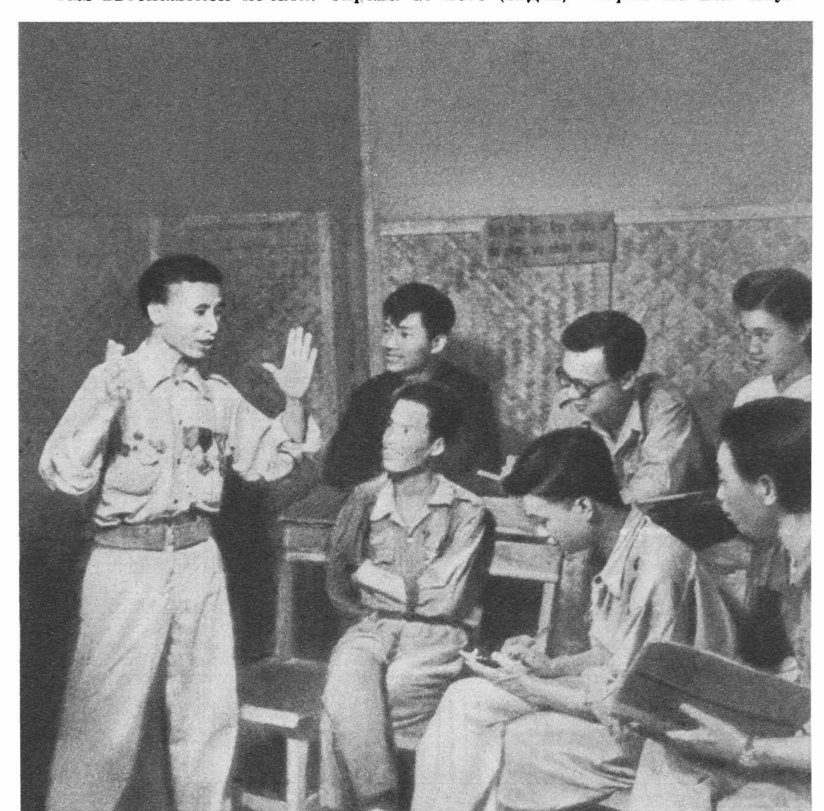
Патриоты Вьетнама возмужали и закалились в огне тяжелой борьбы. Вот один из участников конгресса, Нго Жиа Кхам, первым получивший звание Героя труда. Он старый революционер-подпольщик, по профессии кузнец. В нынешней обстановке он показал себя блестящим организатором и изобретателем в важном деле: изготовлении взрывчатых веществ для вооружения Народной армии. Серьезно раненный, он продолжает оставаться на боевом посту, готовя квалифицированных производственников из молодежи.

На конгрессе присутствовало 50 представителей армии и партизан — лучших воинов. Трое из них прославлены по всей стране и за ее пределами: молодой ротный командир Нгуэн Куок Чи, героиня-партизанка Нгуэн Тхи Чиен и герой патриотического соревнования в армии Ла Ван Кау. Этого двадцатилетнего воина тепло приветствовала в прошлом году молодежь всего мира на фестивале в Берлине. Тяжело раненный, он настоял, чтобы рука его была ампутирована тут же, на передовых позициях, и не ушел в тыл,

Солдаты вьетнамской Народной армии.

Народная героиня Нгуэн Тхи Чиен, капитан партизанской части, выступает на Конгрессе патриотического соревнования. В президиуме — вождь вьетнамского народа Хо Ши Мин.

Герой Народной армии ротный командир Нгуэн Куок Чи, лично истребивший около 200 оккупантов, рассказывает о последних боях корреспондентам вьетнамской печати. Справа от него (сидит) — герой Ла Ван Кау.

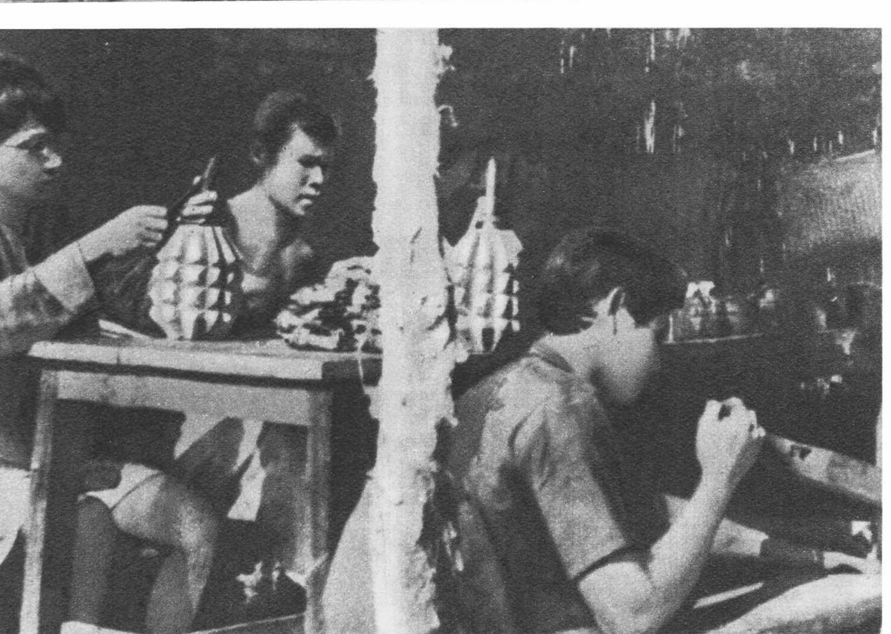

Французские пленные пишут на родину, требуя прекращения «грязной войны» во Вьетнаме.

пока не выполнил боевого задания. Героев, подобных Ла Ван Кау, Народная армия насчитывает много. В последних сражениях под Нгиа Ло отличилось много молодых бойцов, и некоторые повторили великий подвиг советского героя Александра Матросова и нашего национального героя Ку Чьин Лана, закрывших своими телами амбразуры вражеских дотов.

Единство народа и армии под руководством партии трудящихся и народного правительства и есть та несокрушимая сила, о которую разбиваются военные планы захватчиков. С декабря 1946 года и по июль 1952 года Народная армия вывела из строя более 220 тысяч солдат и офицеров французской экспедиционной армии. Это серьезно беспокоит американских хозяев французских колонизаторов. Недаром военный министр США тревожно воскликнул: «Индокитай становится для нас вторым пунктом на карте мира после Кореи!» Соединенные Штаты все усиливают помощь деньгами и оружием французским войскам, терзающим землю Вьетнама. Несмотря на это, французы несут все новые большие потери. В начале этого года только в сражениях в районе Хоа Бинь было выведено из строя 22 тысячи захватчиков, в том числе около 7 тысяч взято в плен.

Героизм народа, который борется за свою жизнь и свободу,— это нечто «непостижимое» для командования колонизаторской армии. Во время недавней кампании на северо-западе французский генеральный штаб выражал свое удивление по поводу того, «как Вьетмину (колонизаторы именуют так Народную армию Вьетнама.— **Т. С.**) удалось в полной тайне сосредоточить живую силу и технику для наступления и столь быстро продвинуться в направлении Черной реки». Французский штаб еще не оправился от своего удивления, а патриоты уже берут штурмом укрепленный пункт Нгиа Ло, захватывают укрепленные позиции по обе стороны Ту Лэ, форсируют переправы через Черную реку и, наконец, занимают город Сон Ла, крупнейший опорный пункт французов на ее правом берегу.

Народ Вьетнама твердо убежден, что он доведет до успешного конца свою справедливую борьбу. Он знает, что в самой Франции массы простых честных людей против «грязной войны», которую разожгли на земле Вьетнама банкиры Парижа и Нью-Йорка и которая стоит Франции столько крови и народных денег. Наконец, народ Вьетнама знает, что на его стороне великий лагерь демократии и мира во главе с могучим Советским Союзом. Мы, вьетнамцы, всем сердцем чувствуем правоту и непобедимость нашего дела, выраженные в словах нашего вождя Хо Ши Мина, сказанных ровно год тому назад:

«Народ, сплоченный воедино, непреклонный и мужественный в борьбе за свободу и независимость, каким является наш народ,— такой народ будет бороться и побеждать, даже если американские империалисты будут вдесятеро больше помогать французским пиратам-колонизаторам. Мы победим безусловно, ибо наш враг — агрессор и захватчик, а мы защищаем свою родину. Мы победим наверняка, ибо наша армия — это армия героев, наш народ един, наши люди преданны народному делу, наше правительство и наша партия дальновидны и полны неиссякаемой энергии. Наша победа обеспечена потому, что наш лагерь, лагерь демократии и мира, сильнее и могущественнее, чем лагерь империалистов».

ТРЫОНГ СОН,
вьетнамский журналист

На снимках слева (сверху вниз):

Автоколонна французских колонизаторов, разбитая Народной армией.

Битва в районе Хоа Бинь. Воины Народной армии выбивают противника из последних укреплений.

Колонизаторам не помогает американская военная техника. Один из танков французских оккупационных войск, выведенный из строя под Хоа Бинем.

Борьба за свободу идет по всей стране. В партизанском тылу во многих деревнях патриоты изготовляют гранаты.

Н. А. Ярошенко.
(1846—1898).

КУРСИСТКА.

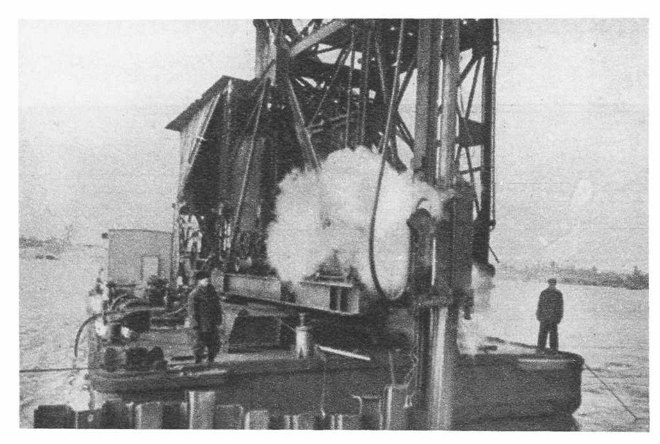
1880 ГОД.

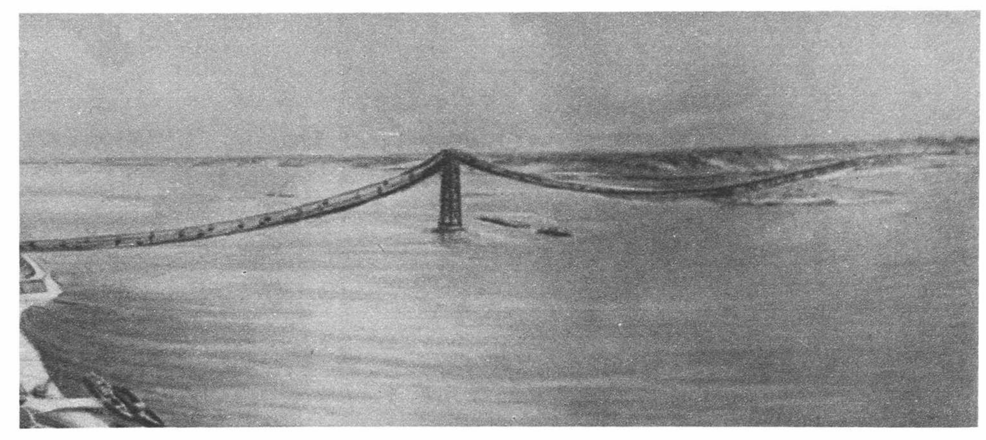
Государственный Русский музей. Ленинград.

«Огонек»

Н. А. Ярошенко. ЭЛЬБРУС В ОБЛАКАХ. 1894 ГОД.

Государственный Русский музей. Ленинград.

На снимках: слева — универсальный плавучий копер забивает шпунт в дно реки для создания острова под мачту-опору; справа — проект подвесной канатной дороги.

ДОРОГА НА МАЧТАХ

В Жигули пришла зима. Замело живописные берега снегом. Гудят над Волгой степные ветры, и вторит им без умолку многоголосое эхо великой стройки Куйбышевской ГЭС. С каждым днем нарастают темпы работ на строительных площадках, широко раскинувшихся по берегам Волги. Как связать их воедино, эти площадки? Как обеспечить доставку материалов к бетонным заводам?

Для решения этой сложной технической проблемы было предложено построить крупнейшую в стране подвесную канатную дорогу. Сооружение ее поручено тресту «Союзпроммеханизация» Министерства тяжелого машиностроения. Главный инженер треста Я. Л. Французов рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Воздушная трасса протяженностью в восемнадцать километров будет состоять из трех параллельно работающих двухканатных подвесных дорог. Она возьмет свое начало у карьеров горы Могутовой.

В бункера погрузочной станции подается камень и щебень при помощи наклонных транспортеров. Из бункеров материалы с помощью затворов грузятся в вагонетки канатной дороги. Дальше путь их проходит высоко над Волгой.

За час по линии проследуют более ста вагонеток. Металлическая сетка, натянутая под тросами, предохранит от всяких случайностей суда, курсирующие по реке. О производительности дороги можно судить по такому предварительному подсчету: она заменит труд десятков тысяч рабочих.

Тросы подвесной канатной дороги укрепляются на 130 металлических мачтах-опорах высотой от 5 до 25 метров. В русле Волги намечено установить 60-метровую опорную мачту. Она поднимется над маленьким островом, который искусственно намывается в середине реки.

На воздушную магистраль возлагается и другая ответственная задача: в решающий период стройки вагонетки, проносящиеся над рекой со скоростью до двух с половиной метров в секунду, будут автоматически сбрасывать камень в тело самой плотины. Это значительно ускорит строительство.

Уже установлены первые десятки мачт подвесной дороги. На большой высоте работают монтажники. Работают быстро, стараясь как можно скорее протянуть дорогу над Волгой.

Установка металлических опор у горы Могутовой.

Фото Н. Финикова (ТАСС)

Колхозник-новатор

Почтальон вручает колхознику, заведующему Домом сельскохозяйственной культуры колхоза «Красное знамя», Старо-Минского района, Краснодарского края, Гавриилу Трифоновичу Шкоде письмо, присланное из Китая.

«Я узнал,— пишет китайский ученый Ли Сан-ке,— что выведенный Вами сорт озимой пшеницы полностью оправдал себя. Это — большое благо для человечества. Мне хочется знать, какой сейчас дает урожай Ваша пшеница...»

Гавриил Трифонович ежедневно получает много писем. К нему обращаются колхозники различных областей и республик Советского Союза, крестьяне из стран народной демократии. Не случайно он известен далеко за пределами родного колхоза. Гавриилу Трифоновичу 72 года; около 30 лет посвятил он выращиванию новых сортов зерновых культур.

Колхозник-новатор решил вырастить высокоурожайную озимую пшеницу, устойчивую против ржавчины, осыпания зерен и одновременно безостую. Почему безостую? Дело в том, что безостая пшеница дает полову и солому лучшего кормового достоинства.

Г. Т. Шкода вывел безостую озимую пшеницу, устойчивую против болезней, дающую по 38—40 центнеров зерна с гектара.

В нынешнем году колхоз «Красное знамя» засеял этой пшеницей, которую в народе прозвали «шкодовкой», около тысячи гектаров. Сеют ее и во многих других колхозах и совхозах Кубани.

Колхозник-селекционер работает над выведением нового сорта суходольного риса, названного им «рис мира». Этот сорт можно разводить в условиях безводных степей северной Кубани.

Ныне Г. Т. Шкода начал работу по выведению новых, более урожайных сортов хлопчатника и масличных культур. В его творческих исканиях ему помогают ученые: академики Т. Д. Лысенко, П. П. Лукьяненко и профессор А. И. Носатовский. Вместе с Г. Т. Шкодой работает большой актив колхозной молодежи.

Колхозник делится опытом с агрономами. В гости к нему приезжают видные советские ученые. Гавриил Трифонович выступает с лекциями в Кубанском сельскохозяйственном институте, на научных конференциях.

Н. ВЕЛЕНГУРИН,
редактор районной газеты «За коммунизм»

Аму-Дарья на берегах Яузы

Войдя в это просторное здание, похожее на заводской цех, вы почувствуете себя Гулливером в стране лилипутов. У ног ваших, разливаясь по извилистому песчаному руслу, течет река. Пусть ширина ее измеряется полутора—двумя метрами, а глубина несколькими сантиметрами,— всем видом своим она напоминает настоящий речной поток. Мутноватые, светложелтые струи то стремительно мчатся под обрывистым берегом, то лениво огибают плоские отмели, то пенятся на перекатах, то образуют тихие заводи. Приглядевшись внимательно, вы увидите, как вода влечет за собой песок.

— Капризная река Аму-Дарья! — говорит руководитель лаборатории Олег Владимирович Андреев.

Слушая его, вы невольно забываете о том, что рядом за дощатыми стенами первые морозы все крепче сковывают льдом речушку Яузу. Рассказ ученого переносит в знойные пустыни Средней Азии. То, что вы наблюдаете здесь на действующей модели, помогает лучше понять процессы, происходящие на одной из величайших рек нашей Родины.

2 600 тысяч тонн песка, ила и другого грунта ежегодно выносят воды Аму-Дарьи в Аральское море. Редкий год не меняет река свое русло, передвигая судоходный фарватер на сотни метров, а иногда и на километры в стороны.

Близ Чарджоу, где Аму-Дарью пересекает железная дорога, река разливается в паводок на 6 километров, а в меженный период ширина ее не превышает 300 метров. В этом районе предстоит реконструировать старый и выстроить новый железнодорожные мосты. Перед проектировщиками и строителями возникают вопросы, как правильнее рассчитать ширину будущего моста, удобнее расположить его опоры с учетом гидрологического режима капризной реки.

В поисках ответов на эти вопросы работает коллектив лаборатории мостовых переходов Всесоюзного института железнодорожного строительства и проектирования. Под Москвой на Яузе построена плотина. Вода из запруды поступает по отводному каналу в корпус лаборатории на русловую площадку. Здесь на бетонном основании тщательно выполнена точная копия одного из участков Аму-Дарьи. На действующей модели мы видим и плёс свободно текущей реки и земляные дамбы под мостом.

Все происходящее на модели в течение часов как бы предсказывает возможные изменения русла реки на годы и десятилетия вперед. Деятельность лаборатории тесно связана с изыскательской экспедицией, работающей на Аму-Дарье близ Чарджоу. Результаты законченных недавно исследований используются проектировщиками и строителями мостов через Аму-Дарью.

С. МЕСЯЦЕВ

Действующая модель Аму-Дарьи на берегах Яузы. Справа налево: руководитель лаборатории О. В. Андреев, старший научный сотрудник И. А. Ярославцев и старший инженер Н. Д. Софронова.

Фото О. Кнорринга

Открытие памятника Н. А. Римскому-Корсакову.
Фото Р. Мазелева

У здания музыкального вуза

В маленьком флигеле дома, на углу набережной реки Мойки и Демидова переулка, осенью 1862 года открылась С.-Петербургская консерватория. В декабре 1866 года столичные газеты в хронике сообщили о первом выпуске ее воспитанников. В их числе был и П. И. Чайковский.

В истории развития Петербургской консерватории выдающуюся роль сыграл Николай Андреевич Римский-Корсаков. Вместе с ним большую педагогическую работу вели А. К. Глазунов, А. К. Лядов и Г. И. Венявский.

Царскому правительству не по вкусу пришлась демократическая деятельность Римского-Корсакова. Он был уволен в 1905 году за поддержку справедливых требований бастовавших студентов. Бурный протест передовых преподавателей и студентов заставил правительство вернуть композитора в консерваторию, в стенах которой Николай Андреевич провел 37 лет, воспитав плеяду выдающихся русских музыкантов.

В 1918 году декретом В. И. Ленина консерватории в нашей стране были преобразованы в высшие учебные заведения. Ленинградская ордена Ленина консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова превратилась в учебный комбинат. При ней имеются музыкальное училище и школа-десятилетка. На многочисленных факультетах занимается свыше 500 студентов.

Консерватория располагает собственной оперной студией, концертным Малым залом. В рукописном отделе научной библиотеки студенты изучают хранящиеся здесь рукописи П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова.

...Недавно тысячи ленинградцев собрались на Театральной площади, около здания консерватории. Здесь в торжественной обстановке открыли памятник Н. А. Римскому-Корсакову. Среди гостей был и внук Николая Андреевича, преподаватель консерватории Г. М. Римский-Корсаков.

Гениальный композитор изображен сидящим с партитурой на коленях. Авторы скульптуры — лауреаты Сталинской премии В. Боголюбов и В. Ингал.

Теперь у здания Ленинградской консерватории возвышаются два памятника: М. И. Глинке и Н. А. Римскому-Корсакову.

К. ЧЕРЕВКОВ

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ В ПОПАСНОЙ

В Ворошиловградской области недавно открылся Дворец культуры Попаснянского вагоноремонтного завода. В зрительном зале Дворца 750 мест, кроме того имеется большой лекционный зал, комнаты для занятий кружков, читальня и библиотека с книгохранилищем на 60 тысяч томов.

Фото Б. Аксельрада

ТАЛЛИНСКИЕ КИЛЬКИ

Есть в Таллине маленькая улица Суур-патарей. Пролегла она вдоль залива, и между ее домами то и дело мелькает серая гладь Балтики. Внизу, под крутым спуском, раскинулся рыбацкий порт. Покачиваются мачты промысловых баркасов; люди в почерневших от соленой воды брезентовых куртках грузят на машины ящики серебристой маленькой рыбки. Это килька, таллинская килька, которой издавна славится Эстония.

В давние времена почти в любом доме этой прибрежной улицы находились маленькие консервные фабрички. Каждый из владельцев этих кустарных предприятий считал свои кильки лучшими и хранил в строгой тайне рецептуру — состав различных специй. Хозяева считали эту рецептуру своим частным достоянием, хотя создавалась она в течение многих десятилетий самим народом, выросшим у моря, понимающим толк в рыбе, умеющим вкусно приготовить ее. С помощью старых мастеров все секреты рецептуры были раскрыты.

Упорно трудятся эстонские консервщики над тем, чтоб создать продукцию отличного качества. Именно о таких людях и говорил товарищ А. И. Микоян на XIX съезде партии:

«Задача заключается в том, чтобы не только вырабатывать пищевые продукты в больших количествах. Пищевые продукты должны иметь и высокое качество, питательность, привлекательный вид, хороший аромат, развивать вкус и разжигать аппетит, чтобы люди при еде испытывали истинное наслаждение».

Мы побывали в консервном цехе Таллинского рыбокомбината в дни путины, когда от берега сплошной вереницей шли машины, груженные рыбой.

Ящики с серебристой рыбкой попадают в мойку. Кильки, еще хранящие на своих чешуйках капли морской воды, тщательно промываются в большом бассейне. Вода для промывки должна быть охлаждена льдом: килька не терпит высокой температуры. Пока серебристый водопад беспрерывно льется в корзины, в кладовой консервного цеха бригадир-контролер — представитель комбинатской лаборатории — смешивает специи. Здесь стоит аромат тропического сада. Со скрупулезной, аптекарской точностью специи отмериваются, смешиваются и рассыпаются по банкам. Эти банки, на дне которых лежат перец, гвоздика, имбирь и другие пряности, попадают на мраморные столы укладчиц. В течение нескольких секунд быстрые пальцы женщин подбирают рыбку к рыбке по длине, по весу и аккуратно укладывают их в банки одну к другой. Рыбка пересыпается специями, и вот уже контролеры на соседних столах проверяют качество укладки, точность веса и, как бы завершая весь процесс, кладут поверх лавровый лист.

От контролеров кильки попадают на закатку. Поворот машины — и плотно закрытая банка катится вниз по желобу прямо в подвал, где после очистки и смазки на нее наклеивают этикетку.

Всего две с половиной минуты проходит от момента, когда рыба, прошедшая промывку и укладку, уложена в банку, до момента ее отправки в холодильник. Сорок пять дней она будет вызревать на стеллажах холодильника при температуре минус пять градусов. Здесь без прикосновения человеческих рук и проходит тот химический процесс, который называется вызреванием. Кильки под влиянием специй выделяют естественный сок — тузлук, приобретают остроту и тонкий аромат.

Только после этого таллинские кильки появятся на прилавках гастрономических магазинов всей страны и оттуда попадут на стол потребителя — ароматные, искусно приготовленные рыбки.

В. ВИКТОРОВ

ПЕРВАЯ НА УРАЛЕ

В старинном уральском поселке Петрокаменском стоит небольшое здание электростанции. Это первая сельская ГЭС на Урале, вошедшая в строй 20 лет назад — в ноябре 1932 года.

Широко разлился пруд, образованный плотиной. Ярко горят лампочки в домах колхозников и жителей районного центра, в колхозах, МТС, совхозе, школах, больницах, детских учреждениях. Станция обслуживает 10 укрупненных колхозов, дает ток 180 электромоторам.

Станция, мощность которой увеличилась более чем вдвое за минувшие годы, сыграла большую роль в укреплении колхозного хозяйства и в развитии культуры. На ее базе Петрокаменский район одним из первых в Свердловской области стал районом сплошной электрификации. Сейчас здесь насчитывается около 4 тысяч радиоточек, 370 радиоприемников, передвижные киноустановки, 7 постоянных киноустановок. В районной больнице — рентгеновский кабинет.

На станции работают люди, связавшие свою жизнь с электрификацией села. П. Я. Крылаев пришел сюда еще в период строительства. Сейчас он плотинный мастер. С первого дня работы станции здесь трудится дежурный Н. С. Шведкин. Предприятие возглавляет М. И. Василевич, работавший ранее техником.

Ныне в Свердловской области около полутораста гидроэлектростанций; за последние два года пущены Погорельская гидроэлектростанция в Камышловском районе и Нижне-Иргинская в Красноуфимском, готовится к пуску Савинская в Пышминском районе.

Н. РОЗИНА

Дневник ОГОНЬКА

Последняя операция: на коробку наклеивается этикетка с маркой Таллинского рыбокомбината.

Фото С. Розенфельда

ВЬЕТНАМ В БОРЬБЕ

Кадр из фильма. Народ помогает армии продовольствием.

Богата и плодородна земля Вьетнама. Мирно жил и трудился здесь трудолюбивый народ. В 1862 году французские империалисты по-разбойничьи захватили страну. Вьетнам превратился в колонию. Захватчики вынуждали силой местных жителей добывать каучук. Крестьянство разорялось от высокой арендной платы и поборов, бедствовало, голодало. Между тем отсюда ежегодно вывозилось 1,5 миллиона тонн риса.

И все годы господства французских захватчиков не прекращал борьбы за свободу вьетнамский народ. В 1930 году была создана Коммунистическая партия Индо-Китая, которая возглавила национально-освободительную борьбу. С 1940 года во главе освободительного движения встал выдающийся вождь Коммунистической партии Хо Ши Мин.

Так начинается фильм «Сражающийся Вьетнам»[1].

В столице Вьетнама началось поддержанное народом всей страны восстание против японских фашистов. На митинге в сентябре 1945 года, в день рождения новой демократической республики, президент республики Хо Ши Мин провозгласил независимость страны. С этого дня реет над свободными районами Вьетнама красное знамя с желтой звездой в центре — символ свободного народа. Вскоре после провозглашения республики Вьетнам французские захватчики снова начали против нее войну, стремясь закабалить миролюбивый народ. Хо Ши Мин призвал население к отпору жестокому врагу, началась партизанская война. По зову народного правительства люди овладевают военным делом. Во время бомбежки рабочие не прерывают работы, чтобы обеспечить армию оружием. Матери и девушки шьют одежду для солдат. Ткачихи вырабатывают больше тканей. Народ везде и всем, чем может, помогает армии. Каждый населенный пункт становится крепостью сопротивления. Разрушаются мосты, дороги, роются окопы, чтобы преградить путь врагу.

Мудрый вождь Хо Ши Мин поставил перед народом три задачи: изгнание французских колонизаторов, ликвидация голода и неграмотности, коренная перестройка экономики.

Правительство передало конфискованные земли крупных собственников крестьянам-беднякам, построило ирригационную систему, улучшило орошение рисовых полей. В ответ на призыв правительства «Ни одного вершка заброшенной земли!» крестьяне стали засевать заброшенные участки, поднимать целину, отвоевывать землю у лесов и болот.

Республика добилась значительных политических и экономических успехов. Производственные победы народа увеличивают силу удара на фронте. Закаляясь в победных боях, армия окрепла и стала могучей силой. Благодаря мастерскому ведению боевых операций Народной армией, терпят поражение войска французских захватчиков и марионетки предателя Бао Дая, вооруженные американским оружием и инструктируемые американскими генералами.

Фильм, запечатлевший героические страницы борьбы вьетнамского народа против французских захватчиков и американских империалистов, с интересом будет встречен всеми миролюбивыми народами мира.

И. КОНОНЕНКО

Кадр из фильма. Эта одежда пойдет героическим воинам.

[1] Документальный фильм. Производство Пекинской киностудии и киноорганизаций Демократической Республики Вьетнам. Режиссер-постановщик — Чан Хэ-лин. Операторы: Чан Хэ-лин, Яо Синь-дэ, Юй Шучжао и Ван Хао.

ДАРЫ ДРУЗЕЙ

Они встретились в Глазго — сторонники мира, живущие в этом шотландском городе, и делегация Советского Союза. Среди гостей из страны социализма была представительница сталинградцев Т. С. Мурашкина. Когда делегаты уже собрались уезжать, к Т. С. Мурашкиной подошла пожилая женщина, сняла с руки кольцо и, протянув его делегатке Сталинграда, волнуясь, стала что-то говорить.

— Эта женщина просит передать кольцо в дар сталинградцам,— сказал переводчик.— Кольцо подарил ей в молодости муж. Война отняла у нее мужа и сыновей. Англичанка говорит: «Пусть мое кольцо напоминает сталинградцам, что простые женщины Англии стоят за мир и борются против поджигателей войны».

Кольцо из Глазго — один из экспонатов Музея обороны Царицына — Сталинграда имени И. В. Сталина. Здесь хранится много подарков наших друзей. Тут и золотая монета чеканки 1801 года из города Ковентри — фамильная реликвия семьи Диксон,— и деревянная скамья из Финсбери (район Лондона), где в годы эмиграции жил В. И. Ленин: Владимир Ильич любил в минуты отдыха посидеть на этой скамье у камина...

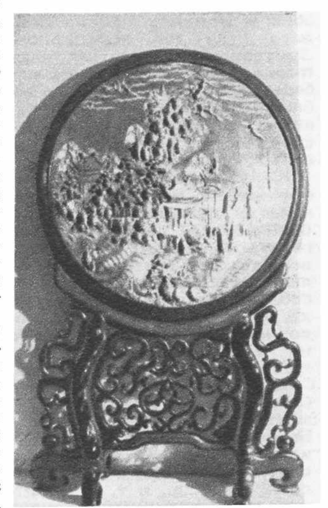

Из подарков Китайской Народной Республики. Ваза.

Со всех концов земли приходят в Сталинград дары любви и дружбы: из Китая, Албании, Индии, Франции, Кореи, Люксембурга, Малайи...

Под стеклом — красивый объемистый альбом. На обложке рисунок, изображающий пляшущих юношу и девушку в чешских национальных костюмах. В альбоме десятки писем, фотографий. Трудящиеся Остравы рассказывают сталинградцам, как люди свободной Чехословакии закладывают в своей стране основы социализма. Недалеко от Остравы, в местечке Кунчице, сооружается гигантский металлургический комбинат имени Клемента Готвальда. Страницы альбома рассказывают о самоотверженном труде чешских патриотов. 1 января 1952 года на комбинате была задута первая домна. А через десять месяцев, выполняя обязательства, взятые в честь XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, строители досрочно ввели в эксплуатацию вторую домну, третью мартеновскую печь и вторую коксовую батарею.

Недавно почта доставила в Сталинград подарки премьера Государственного Административного Совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лая. В посылке произведения китайского народного искусства: синяя фарфоровая ваза, расписанная золотым орнаментом, каменный барельеф с тончайшим рисунком на сюжет древнекитайской мифологии и портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, вытканные из шелка.

Из подарков Китайской Народной Республики. Каменный барельеф.

Вместе с посылкой пришло и письмо Чжоу Энь-лая. Он пишет:

«Выражая братские чувства дружбы, нашу глубокую признательность и солидарность сталинским труженикам города-героя, просим передать сердечный привет нашим друзьям в городе Сталина и шлем скромный подарок на добрую память».

В феврале 1953 года советские люди будут отмечать десятилетие разгрома фашистских войск, окруженных под Сталинградом. Музей подготавливает специальную выставку, посвященную исторической победе воинов Советской Армии. На выставке будут широко представлены подарки зарубежных друзей.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

ПЯТЬСОТ КОНЦЕРТОВ

История Государственного струнного квартета Грузии началась в годы Великой Отечественной войны. В организованный при Грузинской филармонии коллектив вошли только что окончившие консерваторию (класс профессора Е. Гузикова) молодые музыканты Б. Чиаурели (первая скрипка), Г. Хатиашвили (вторая скрипка), А. Бегалишвили (альт), Г. Барнабишвили (виолончель).

На всесоюзном смотре молодых исполнительских коллективов в Москве отмечались сыгранность квартета, хорошо развитое в нем чувство ансамбля.

За десять лет своего существования квартет дал более 500 концертов, путешествуя по Грузии, братским советским республикам и побывав за рубежом. В его репертуаре Бородин, Чайковский, Танеев, Глазунов, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шуман. Мастерски исполняются молодыми музыкантами произведения советских композиторов.

Весной 1950 года Государственный струнный квартет Грузии участвовал в Международном конкурсе смычковых квартетов в Праге, где разделил с Пражским квартетом имени Сметаны второе место.

Вместе с квартетом выступают выдающиеся советские пианисты — А. Гольденвейзер, Г. Нейгауз, С. Рихтер, Э. Гилельс и другие.

Обширные и содержательные программы квартета отличаются выразительностью и подлинным темпераментом исполнения. Особенно удаются музыкантам инструментальные миниатюры Сулхана Цинцадзе — картинки народной грузинской жизни («Чидаоба», «Танец», «Пастушеская», «Саламури»), в которых участники квартета виртуозно имитируют звучание чонгури, саламури, дудуки — популярных национальных инструментов.

Концертно-исполнительская деятельность Государственного квартета Грузии удостоена почетной награды — Сталинской премии.

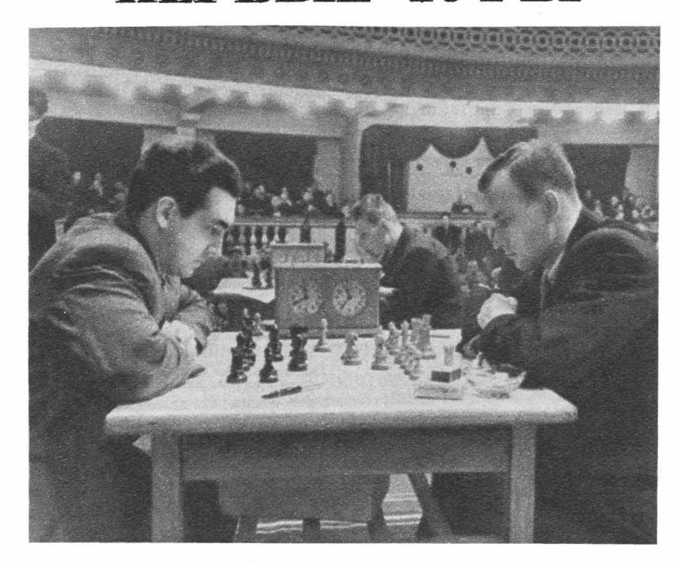
М. БАХТАДЗЕ

Государственный струнный квартет Грузии.

ПЕРВЫЕ ТУРЫ

За шахматной доской ленинградцы — гроссмейстер М. Тайманов и В. Бывшев.
Фото Л. Великжанина (ТАСС)

29 НОЯБРЯ.

Москвичи хорошо знакомы с Центральным домом культуры железнодорожников — многократной ареной больших шахматных турниров. Уже к моменту начала первого тура зал переполнен. Зрители приветствуют чемпиона мира, олимпийцев, победителей в Стокгольме, дебютантов, впервые участвующих в борьбе за первенство. На десяти досках ход белых. Часы пущены!

На эстраде небольшое нововведение. Когда в зале становится шумновато и страсти болельщиков начинают разгораться, слева и справа вспыхивают световые сигналы: «Соблюдайте тишину, соблюдайте тишину!» Неплохо бы создать еще и справочное бюро, чтобы отвечать на всевозможные вопросы любителей шахмат. Зачем Смыслов пожертвовал пешку? Почему Керес так долго думает? Чего хотел добиться Ботвинник своим последним ходом? Почему Гольденов отложил партию, а не сдался сразу? И т. д., и т. д. Понятно, что дежурный такого справочного бюро должен будет уметь хорошо разбираться в шахматах, обладать хорошими нервами, терпением, а также хорошо знать настроение и даже капризы мастеров. Но поскольку такого шахматного справочного бюро пока нет, на многочисленные вопросы зрителей отвечают присутствующие в зале шахматисты высокой квалификации. Иногда им приходится справки давать даже по дороге домой, в троллейбусе или метро. Особенно любопытные болельщики звонят даже домой, чтобы получить последнюю информацию.

В эти дни чаще всего задается стандартный, просто «мучительный» вопрос: «Скажите, пожалуйста, почему в чемпионате не участвуют Авербах, Петросян и главным образом Котов?» Вот вопрос дня! Надо надеяться, что на этот вопрос ответит сам Котов. Всем нашим шахматистам было бы очень интересно наблюдать за игрой победителя турнира в Стокгольме, где он был в блестящей форме.

Чемпион мира хорошо использовал минимальное преимущество и выиграл у Константинопольского, представляющего очень крепкий орешек среди шахматистов. Самый молодой участник чемпионата, Корчной, в первый же день вел себя не очень «вежливо» и выиграл пешку у Смыслова. В день доигрывания Корчной продолжал свои агрессивные действия и выиграл партию. Москва убедилась, что ленинградский студент Корчной — «совершеннолетний шахматист».

30 НОЯБРЯ.

Сильно и убедительно провел партию Ботвинник против Гольденова. Шахматы — игра железной логики. Когда не делаешь ошибки, все кажется естественным и понятным для зрителя. Такое впечатление произвела игра чемпиона мира. Многие знатоки после окончания партии говорили: «Ботвинник может здорово играть в шахматы». Добавим, что для чемпиона мира так играть и полагается.

Смыслов в партии с Болеславским потерпел второе поражение. Нехороший старт. Мы уверены, что талантливый и хладнокровный московский гроссмейстер еще порадует своих многочисленных поклонников хорошим результатом.

Борьба еще впереди. Чемпион страны Керес хорошо «дожал» Кана в эндшпиле. Корчной сегодня позволил себе роскошь уже на 28-м ходу просрочить время в партии с Константинопольским. Немного рановато. По-видимому, уж очень нравилось Корчному положение на доске. Были бы хорошие ходы, и время нашлось бы!

1 ДЕКАБРЯ.

Ничейный тур. Из 10 партий 7 закончились мирно. Болеславский и Корчной согласились на ничью уже на 16-м ходу. Часто спрашивают: на сколько ходов вперед видит шахматный мастер? Трудно сказать. Иногда мастер или гроссмейстер не видит ничего и делает ошибку, иногда он видит на 1—2 хода вперед, иногда он видит на 10 ходов вперед. Вот Болеславский и Корчной за доской видели, что при лучшем продолжении у них через 10 ходов получается ничейная позиция. Ясно, что зрителя подобная тактика не устраивает. Чтобы прекратить подобную практику и тактику, после этого тура введено правило, что до 30-го хода можно соглашаться на ничью только с разрешения судьи.

3 ДЕКАБРЯ.

«Черный день» для чемпионов. Ботвинник потерпел первое поражение в партии со своим шахматным учеником Таймановым, который накануне проиграл Суэтину. В знак солидарности с Ботвинником проиграл и Керес. В прошлых турнирах Керес четыре раза выигрывал у Геллера. Керес — сам математик. Он знает, что в подобных случаях по теории вероятностей наступает очередь и для проигрыша. Надо сказать, что Керес потерпел первое поражение от Геллера не только «по теории вероятностей». «Виной» этому — блестящая игра одесского гроссмейстера.

Первое очко заработал Бронштейн в партии с Моисеевым.

Мастер Толуш — шахматист, который не любит заниматься «мелочами». Он ненавидит ничью и обычно играет просто на мат. В первом туре Бывшев, а сегодня Гольденов упустили возможность во-время сдаться и получили от Толуша мат.

4 ДЕКАБРЯ.

Пятый тур. Первые аплодисменты Смыслову, новые победы Болеславского, Бронштейна, Корчного, Тайманова, Толуша.

Четверть турнира закончена. Спортивное напряжение нарастает с каждым туром. У любителя свои заботы. Научный мир болеет за доктора технических наук Ботвинника, за Смыслова, Геллера, Корчного, музыкальный мир — за Тайманова и т. д.

Для подведения итогов первых пяти туров мало. Ботвинник, Керес разыгрываются. Болеславский уже в хорошей форме и уверенно набирает очки. Толуш, без пяти минут гроссмейстер, рвется энергично «оформиться» 16-м гроссмейстером (для этого ему надо занять место не ниже третьего). Бронштейн, Геллер, Тайманов занимают высокие места, как полагается гроссмейстерам. В число лидеров вклинился и самый молодой участник чемпионата — Корчной. Мастер Аронин все пять партий закончил вничью.

После пятого тура из 20 участников только 6 идут без поражений. Пожалуй, уж этого факта достаточно, чтобы предсказать, что в дальнейшем чемпионат будет протекать еще «веселее».

Международный гроссмейстер Сало ФЛОР

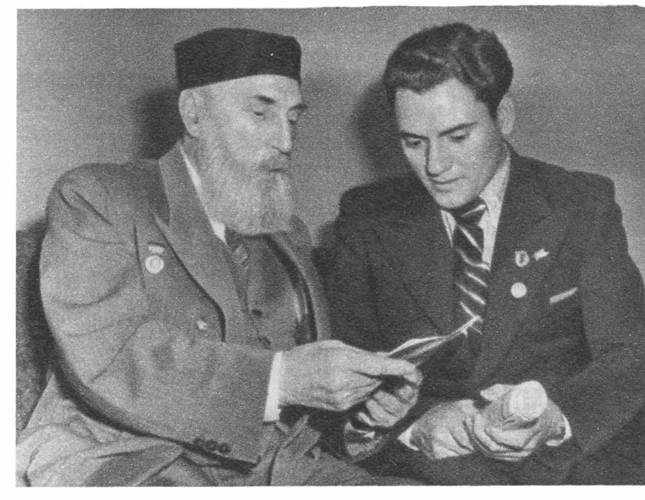
Рабочие совхоза нашли метеорит

Недавно в совхозе имени В. М. Молотова, Комаринского района, Белорусской ССР, тракторист Е. Самчук и прицепщик С. Федосенко во время вспашки зяби извлекли тракторным плугом на поверхность необычно тяжелый камень; он лежал на глубине 40 сантиметров. Рабочим совхоза было известно, что в их район из Минска несколько раз приезжали ученые разыскивать метеориты. В этой связи тут же было высказано предложение сообщить о находке в Академию наук республики.

В Минск доставили небольшой кусок найденного камня. Исследование, проведенное в Институте геологических наук Академии наук БССР, подтвердило предположение рабочих. Было установлено совпадение структуры куска камня, найденного в совхозе, со структурой экземпляра известного Брагинского метеорита, хранящегося в институтской коллекции. В Комаринский район выехал научный сотрудник Академии наук, и вскоре метеорит весом 73 килограмма был отправлен в Минск. Находка рабочих совхоза включена в метеоритную коллекцию Геологического института.

С. ВЕРШИНИН

Академик и экскаваторщик

В годы Отечественной войны молодой матрос Борис Коваленко был контужен и потерял зрение. Велико было горе юноши: три его брата погибли на войне, а сам он, казалось, надолго выбыл из строя. Но Борис упорно боролся с тяжкой болезнью. Услышав о замечательных операциях профессора В. П. Филатова, он решил поехать к нему в институт.

Владимир Петрович Филатов вернул Коваленко зрение. Это был прекрасный день! Борис впервые увидел профессора, крепко пожал ему руку и сердечно поблагодарил. Вскоре он стал экскаваторщиком, строителем Куйбышевской ГЭС.

Недавно Коваленко приезжал в Москву на Четвертую Всесоюзную конференцию сторонников мира, чтобы сказать от своего имени и от имени товарищей слово о нашем мирном труде. Строитель говорил о подвигах экскаваторщиков, о том, что члены его бригады, как и все советские люди, хотят мира. И еще сказал Борис Коваленко:

— Каждый работающий в нашей бригаде хорошо помнит, что он был неплохим матросом, танкистом, артиллеристом, пехотинцем.

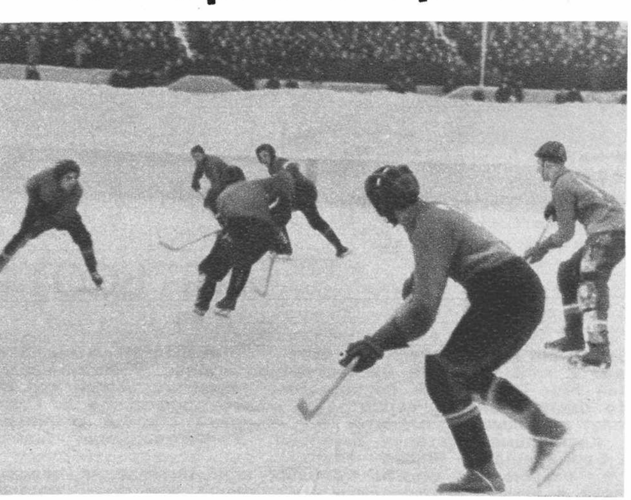
Эти слова делегаты встретили аплодисментами. Аплодировал Борису Коваленко и академик В. П. Филатов, член президиума Всесоюзной конференции сторонников мира.

Вскоре после Б. Коваленко слово взял профессор В. П. Филатов. Ученый говорил о высоком долге врача и обращался с призывом ко всем трудящимся мира поднять голос в защиту жизни миллионов людей, в защиту радости многих миллионов детей, в защиту счастья стариков.

Речь экскаваторщика и речь академика, естественно, отличались одна от другой, но в них было много общего: эти речи объединяла глубокая вера в победу дела мира.

Владимир Петрович Филатов и Борис Коваленко впервые после операции встретились на конференции. Конечно, у них было о чем поговорить, о чем рассказать друг другу. Академика и экскаваторщика в момент этой встречи заснял фотокорреспондент «Огонька» Дм. Бальтерманц.

На приз открытия

Момент игры «Спартак» — ЦДСА.
Фото А. Бочинина

День Сталинской Конституции — 5 декабря — стал днем открытия хоккейного сезона в Москве. Отличная погода — легкий морозец,— хороший лед собрали на стадионе «Динамо» многочисленных зрителей, с интересом наблюдавших традиционные соревнования хоккеистов на приз открытия сезона.

В этих соревнованиях участвовало более 70 команд.

Москвичи соскучились по хоккею с шайбой, ставшему за последние годы одной из самых любимых спортивных игр. И вот пока наши сильнейшие команды, участники первенства СССР, выступают в Молотове, Свердловске и Челябинске, на ледяные поля Москвы вышла молодежь.

Несмотря на начало сезона, игроки продемонстрировали хорошую подготовку. Особенно удачно играли команды ВВС, ЦДСА и «Спартак». Команда Военно-Воздушных Сил Московского военного округа в финальной встрече по хоккею с шайбой выиграла у команды Центрального Дома Советской Армии со счетом 6 : 3 и получила переходящий приз и диплом первой степени.

Приз открытия сезона по русскому хоккею среди юношеских команд выиграли динамовцы. Первенство мужских команд также завоевала команда «Динамо».

СИЛА НАШЕЙ ПРАВДЫ

Немецкие делегаты в Ленинграде

Был будничный ленинградский день, и немецким гостям, которые собирались во Дворец культуры имени Кирова, обещали показать повседневную работу кружков. Но когда наш автобус остановился у подъезда Дворца культуры, мы увидели здесь много молодежи. Афиши сообщали о том, что сегодня здесь одна из традиционных «студенческих пятниц» Ленинграда.

Дворец щедро залит светом, он искрится и гудит от веселого шума. Откуда-то сверху доносятся звуки оркестра. В большом зале идет лекция о педагогическом наследстве Макаренко. После нее здесь начнется концерт студенческой самодеятельности. Делегаты прошли наверх, в кабинет директора, а оттуда отправились по аудиториям и учебным комнатам Дворца. Да, оказывается, в будничный день здесь можно увидеть не меньше интересного, чем в день отдыха.

На лестничной площадке мы услышали аккорды рояля.

— Что это,— спросила, прислушавшись к музыке, немецкая артистка,— кажется, «Фауст»?

Да, идет репетиция сцен из оперы Гуно. Через минуту делегаты знакомятся с двумя исполнителями роли Мефистофеля. Один из них — механик Филиппов, другой — инженер Бескин.

— А где же Маргарита? — спрашивают немецкие гости.— Два Мефистофеля — и ни одной Маргариты.

Есть и Маргарита. Ее арию исполняет Виктория Тихомирова, экономист треста хлебопечения.

Выйдя из комнаты, гости услышали доносящиеся с дальнего конца коридора звуки хора. Песня сопровождала каждый их шаг по Дворцу. И вот они еще на одной репетиции.

— Что же вам спеть? — спросили гостей рабочие, члены хорового коллектива.

— Что-нибудь русское.

Песня начинается тихо, потом нарастает и ширится. Кажется, ей уже тесно в этой большой комнате. «Лети, победы, песня, до самого Кремля»,— гремит рефрен. Это песня о могучем урожае, который собрала страна, об амбарах, полных хлеба, о великой радости колхозного труда.

— Нас мало, и наши аплодисменты не оглушат вас. Мы сердцем принимаем ваши прекрасные песни,— взволнованно говорит немецкая артистка.

Делегатов наперебой приглашают в другие аудитории, но им хочется еще и еще послушать хор. Через некоторое время мы попадаем вместе с гостями в «зону тишины».

— А почему здесь так тихо? — спрашивает профессор, приехавший к нам из Бонна.

— Здесь изостудия,— отвечают ему.

— Тогда это по моей части, я художник! — восклицает профессор.

Он энергично открывает дверь и входит в высокий, светлый зал, где за мольбертами сидят слесари, техники, экономисты. Перед ними на небольшом возвышении бабушка со спицами в руках, рядом с ней внук. Они позируют. Работа уже подходит к концу, и делегаты могут оценить, кто из будущих художников создал наиболее жизненную и правдивую картину.

— Вот эти люди у мольбертов... неужели они рабочие с производства? — недоверчиво спрашивает профессор из Бонна.

— Да. Знакомьтесь.

Профессор пожимает руки художникам-любителям. Он смотрит на мольберты, переводит взгляд на бабушку с внуком, останавливается у тех эскизов, которые особенно ему нравятся. Но его лицо серьезно и печально. Ему хотелось бы рассказать о том, как плохо живется художнику на западе Германии, как американцы подрезают корни национальных немецких традиций. Но делегатам сообщают, что в большом зале закончилась лекция и начался концерт.

Спускаемся вниз, заглядываем в мраморный зал, где в вальсе кружатся пары, и проходим в ложу большого зала, битком набитого молодыми ленинградцами. Только что закончился балетный номер. Студент-конферансье, увидев в ложе немецких делегатов, подходит к краю сцены и подымает руку.

— К нам прибыли друзья из Германии,— негромко произносит он в наступившей тишине. В зале вспыхивают аплодисменты.

— Я думаю, что выражу ваши мысли,— продолжал студент, когда зал успокоился,— если скажу, что мы, студенты героического Ленинграда, рады видеть у себя в гостях немецких борцов за мир.

Кто-то в рядах поднял на руках девушку, и мы услышали ее прерывающийся от волнения голос:

— Да, мы рады...— ее голос заглушают аплодисменты. Когда стихло, она продолжает: — Мы, ленинградцы, рады, что к нам теперь приезжают друзья и из Германии!

Аплодисменты гремели, сотрясая стены высокого зала. Я стоял в ложе рядом с немецкими делегатами и видел, как у многих из них задрожали губы и блеснули слезы в глазах. В зале понемногу опять стало тихо. И тогда низкий, слегка картавящий голос произнес по-немецки:

— Друзья и товарищи!

Глава делегации депутат Народной палаты Ширдеван начал речь и остановился. Казалось, он не находит слов, с трудом справляясь с охватившим его волнением. Наконец, он говорит громко и отчетливо, что немецкая делегация дружбы — да, дружбы и единства с советским народом — счастлива стоять сегодня на земле Ленинграда, в этом замечательном народном дворце.

— Никогда, никогда наши народы не будут враждовать!

В одном из первых рядов партера я узнаю прославленную ленинградскую текстильщицу-стахановку. Нынче она студентка. Девушка слушает немецкого делегата, не отводя от него серьезных, внимательных глаз. Во время блокады у нее погибли отец, мать, брат. Она пришла сюда слушать музыку, и, должно быть, такой неожиданной кажется ей эта встреча и эта речь... Но она понимает всю важность происходящего и вслушивается.

— Вы, наверное, хотите знать, из кого же состоит наша делегация,— говорит Ширдеван.— Вот рядом со мной Шарлотта Прассе. Это первая работница нашей Германской Демократической Республики, шахтер, получившая звание Героя Труда. Наша делегация представляет самые широкие слои всей Германии — не только Германской Демократической Республики, но и Западной Германии.

Речь слушают не только в зале. Радио разносит слова немецкого делегата по всему Дворцу. И каждый думает: наверное, немцам с запада нелегко было приехать к нам. Словно отвечая этим мыслям, глава делегации продолжает:

— Некоторым западногерманским делегатам пришлось нелегально пересечь ту границу, которую мы, немцы, никогда не признаем границей!

Весь зал встречает это заявление новым всплеском аплодисментов. Советские люди тоже хотят видеть Германию единой, миролюбивой, демократической, и они тоже не желают этой искусственной границы.

Оратор говорит все быстрее, взволнованнее, переводчик на лету подхватывает его слова.

— Вы зададите нам вопрос,— продолжает Ширдеван,— каковы перспективы воссоединения Германии? Я отвечу от имени всех миролюбивых немцев: эти перспективы благоприятны — Германия будет единой!

Ширдеван говорит о том, что американские империалисты воссоздают агрессивный вермахт, но они все больше и больше теряют почву под ногами. Немецкий народ и на востоке и на западе — против них. Я хочу сказать вам, молодые советские друзья,— восклицает Ширдеван,— что национальный фронт Германии растет и ширится, и он победит, ибо за нами поддержка, сочувствие могучего Советского Союза, возглавляемого великим Сталиным!

При имени Сталина возникает горячая овация.

— Фройндшафт! — провозглашают немецкие делегаты.

— Дружба! — отвечает зал.

— Жаль, что этого не видят сторонники мира, которые томятся в тюрьмах! — произносит Ширдеван.

Никто в зале не знает, что этот немолодой уже человек много лет провел в гитлеровских тюрьмах и концлагерях, работал в подполье, не один год он провел в карцере, куда никогда не проникал луч света. Как многие антифашисты, он был освобожден Советской Армией и в первый же день, оказавшись на свободе, принялся за строительство новой, демократической Германии.

Он смотрит в зал, где все еще бушует овация, и, должно быть, думает, что в эти дни, проведенные в Советском Союзе, он увидел живое воплощение того, чему отдал свою юность.

Концерт продолжается. На сцену выходят два студента, приехавшие из Венгрии. Они исполняют кантату о Сталине, поют по-русски. Чувствуется, что они еще не очень хорошо говорят на нашем языке. Но сколько сердечности вкладывают они в каждое слово этой песни о великом и мудром вожде! Сейчас эта песня волнует еще больше, чем когда бы то ни было. Кажется, что эти юноши принесли сюда, в ленинградский Дворец культуры, дыхание своей родной Венгрии, благодарность ее народа великому Сталину.

Но что делается в зале, когда объявляют о выступлении участников борьбы против американской агрессии в Корее и Китае! Немецкие делегаты видят в зале молодые горячие лица, блестящие от волнения глаза. Немецкие делегаты аплодируют вместе со всем залом китайским и корейским товарищам.

А те выходят на сцену уверенным, твердым шагом, и в то же время они, кажется, ошеломлены этим горячим и искренним приемом. Они приехали в Ленинград с фронта и хотели бы сегодня вместе спеть песню о Мао Цзэ-дуне. Столько чувства вкладывают они в китайские слова, и так понятна и близка всем китайская мелодия этой песни, что она зажигает зал необыкновенной энергией.

Дух интернационализма витал над залом рабочего Дворца культуры...

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Выступление главы немецкой делегации К. Ширдевана во Дворце культуры имени Кирова.

Фото В. Тиханова

Как живут простые люди Японии

Обычная картина в центре Токио.

(Из блокнота журналиста)

А. КОЖИН

Фото автора

«Красное перо»

Поздняя осень окутала улицы Токио. Дождь поторапливает прохожих, укрывшихся матерчатыми и промасленными бумажными зонтами.

Почти на каждой улице можно видеть пожилых женщин в черных кимоно и девочек-подростков в темносиних ученических платьях. В руках у них пучки пушистых птичьих перьев, окрашенных в красный цвет. Изредка то один, то другой прохожий достает из потертого, тощего портмоне несколько десятков иен, и перо мгновенно прикалывается к отвороту его пиджака...

С начала октября некие «благотворительные общества» и сановные филантропы начали по всей Японии сбор пожертвований... в пользу неимущих людей. Лозунг этого сбора, устраиваемого ежегодно: «Будь милосерден, помоги ближнему своему».

В нынешнем году буржуазные газеты особенно шумят о милостыне, которую якобы подают бедным высокопоставленные японские лица и даже (они ли не человеколюбцы!) американские дипломаты и военные чины.

«Они открыли,— пишет, захлебываясь от восторга, газета «Ниппон таймс»,— свои сердца и кошельки для такого достойного высшей похвалы дела, как помощь бесчисленному количеству нуждающихся». Тут же газета смущенно признает, что «эти пожертвования не отведут сразу бедность и нищету в нашей стране». «Но,— утешает «Ниппон таймс»,— они облегчат судьбу многих наших соотечественников, которые потеряли счастье».

Некоторая толика денег, собранных на улицах городов и притом от рядовых граждан, готовых поделиться с неимущим последними грошами, может быть, и избавит иного бедняка на пару дней от необходимости копаться в мусорных ящиках в поисках «пропитания». Истинный смысл шумихи, поднятой буржуазной печатью вокруг «Красного пера», в другом. Японские заводчики, банкиры, государственные сановники и их хозяева-американцы не столько собираются открыть перед народом свои сердца и кошельки, сколько хотят отвлечь японский народ от борьбы против того ужасающего положения, в которое он попал в результате американской оккупации.

Недавно правящие круги США устами небезызвестного в Японии генерала Хиккея потребовали от премьера Иосида ускорить формирование японской армии и создать в ближайшее время четырнадцать дивизий вместо существующих четырех. Из порабощенной американцами Южной Кореи долетел в Японию хищный призыв Ван-Флита: «Для борьбы с красными в Азии нам нужны людские резервы. Эти резервы должны придти из самой Азии».

Гонка вооружений, формирование агрессивной армии, хозяйничание американских оккупантов — все это резко ухудшило финансы Японии, ее внешнюю торговлю и особенно тяжело сказалось на мирных отраслях промышленности, неуклонно идущих к упадку.

Работы нет...

В Японии насчитывается около 10 миллионов вовсе лишенных работы или занятых лишь несколько часов в неделю. Это значит, что каждый третий человек из трудового населения городов и его семья находятся постоянно на грани голода.

За последнее время среди давних посетителей многочисленных бирж труда появились тысячи новых горемык. В полночь, когда на улицах потухают последние огни и в городе сверкают лишь фары фешенебельных машин, развозящих с кутежей пьяных американцев, безработные сходятся у захламленных зданий бирж, усаживаются на тротуарах, мостовых, жмутся друг к другу, чтобы было теплее, и ждут утра.

Но надежды получить работу никакой. Утром рука равнодушного чиновника, как и вчера, и позавчера, и много дней назад, повесит на дверях бумажку со словами: «Заявок нет».

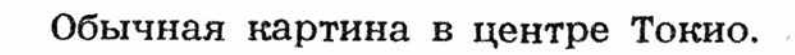
Бывает, что несколько безработных соберут между собой по иене и купят газету — узнать, не сулит ли все-таки что-нибудь завтрашний день.

И вот они читают в «Майници симбун»:

«В химической промышленности значительно сократили свои штаты около тридцати крупных фирм. В ближайшее время повсеместно ожидается новое сокращение».

Крупная компания «Мицуи кагаку» уволила 1 500 человек... Компания «Као юси» — 250... «Сисукая гому» — 300... В конце сентября компании «Сева раба» и «Хадахая» полностью закрыли свои заводы. Компания «Нихон сода» закрыла один завод, на трех других уволила много рабочих.

Эти безрадостные сообщения не сходят со страниц газет. На улицу выбрасываются тыся-

Город Киото. Инвалиды войны просят милостыню.

чи текстильщиков, рабочих небольших металлургических предприятий, морских портов, служащих железных дорог. Многие, особенно текстильные, предприятия переходят на односменную работу, заменяют мужчин женщинами, взрослых подростками, которым платят вдвое меньше.

Работы нет...

Пейте «кока-кола»!

На панели, рядом с зеркальными витринами кафе «Звезда Америки», сидит за маленьким столиком молодой человек в тщательно разглаженном черном костюме и белой манишке. На столике на крохотных блюдечках представлено крохотными порциями все, чем богата кухня «Звезды Америки». Тут же этикетки прейскуранта.

Достаточно мельком взглянуть на бледное, обрюзгшее лицо молодого человека, на его стоптанные, дырявые башмаки, чтобы увидеть, что человек этот — лишь манекен, наряженный на время в приличный с чужого плеча костюм. За несколько десятков иен он, не имеющий надежды на другой заработок, вынужден изображать здесь веселого гастронома, знающего толк в изысканных блюдах и винах. С клоунскими ужимками он непрерывно целый день жует разложенную на столике снедь...

А вот еще... У витрины приплясывает изможденный человек, загримированный под Чарли Чаплина. Он то и дело подбрасывает кверху фанерный щит с рекламой патефонных пластинок «буги-вуги» и бутылок вездесущего американского пойла «кока-кола».

Однажды я перекинулся словом с одним из таких бедняков. Человек отвечал на мои вопросы торопливо, с опаской поглядывая на позолоченную солнцем витрину. Ему 46 лет. В прошлом он техник-экономист, работал на парфюмерной фабрике в Иокогама.

— Что поделаешь! — сказал он. — У меня уже давно нет настоящей работы...

А те, кто имеет работу...

Но вот труженик получил в конторке тощий серый конвертик с заработанными каторжным трудом грошами. В семье начинается тяжелое раздумье: как протянуть на эти деньги до следующего кюреби (день заработной платы)...

Жить становится невмоготу. Неудержимо обесценивается иена. Растут налоги, дорожает все: продукты питания, квартира, топливо, электричество, проезд на метро... Даже по официальным данным, стоимость жизни возросла в городах почти на треть по сравнению с 1950 годом. В действительности рост дороговизны значительно больше. Нужда глубоко укоренилась в хижинах простых японцев, проникла во все поры их жизни.

Живая реклама на улицах Токио.

Но обратимся сначала к людям квалифицированного интеллектуального труда. Мы сидели как-то с лектором Киотского университета, немолодым уже человеком, в его лаборатории. Беседа шла о науке, ее людях, о последних научных работах. Лектор глубоко затянулся сигаретой, затем потушил ее и бережно спрятал в карман. Перехватив мой взгляд, он смущенно улыбнулся, потом махнул рукой (дескать, что уж там церемониться!):

— Растягиваю пачку на неделю. Больше не могу выкроить из своего бюджета. Такие сейчас у нас времена...

Недавно в «Ниппон таймс» было напечатано письмо одного японского ученого:

«После возвращения в Японию (он приехал недавно из Франции.— **А. К.**) я очутился в тупике. Как можно прокормить семью, состоящую из четырех человек, на мою заработную плату? Приходится довольствоваться рисом и супом-пюре на завтрак, куском хлеба на второй завтрак, маленьким куском рыбы и несколькими пикулями на ужин... Когда изредка какая-нибудь богатая персона приглашает меня на обед, я вынужден сдерживаться, чтобы соблюсти приличие. Приехав в Японию, я сделал следующее открытие: простые люди здесь не живут, а прозябают, они постоянно на грани между жизнью и смертью».

Как же складывается бюджет японского рабочего?

На эту тему я разговорился недавно в Саппоро, на острове Хоккайдо, с одним железнодорожным рабочим.

— Я зарабатываю в месяц двенадцать тысяч иен,— сказал он.— Это считается высоким заработком. Две трети уходит на оплату квартиры, коммунальных услуг, на налоги. В месяц выдают по карточкам три килограмма рису, этого от силы хватает на десять дней. На черном рынке рис очень дорогой, и он мне, конечно, не по карману. Едим мы раз — два в день, мясо покупаем раз в месяц, фунт на пять человек. Все, что было пригодно из вещей, отнес ситию (ростовщику).

«Ничего особенного!»

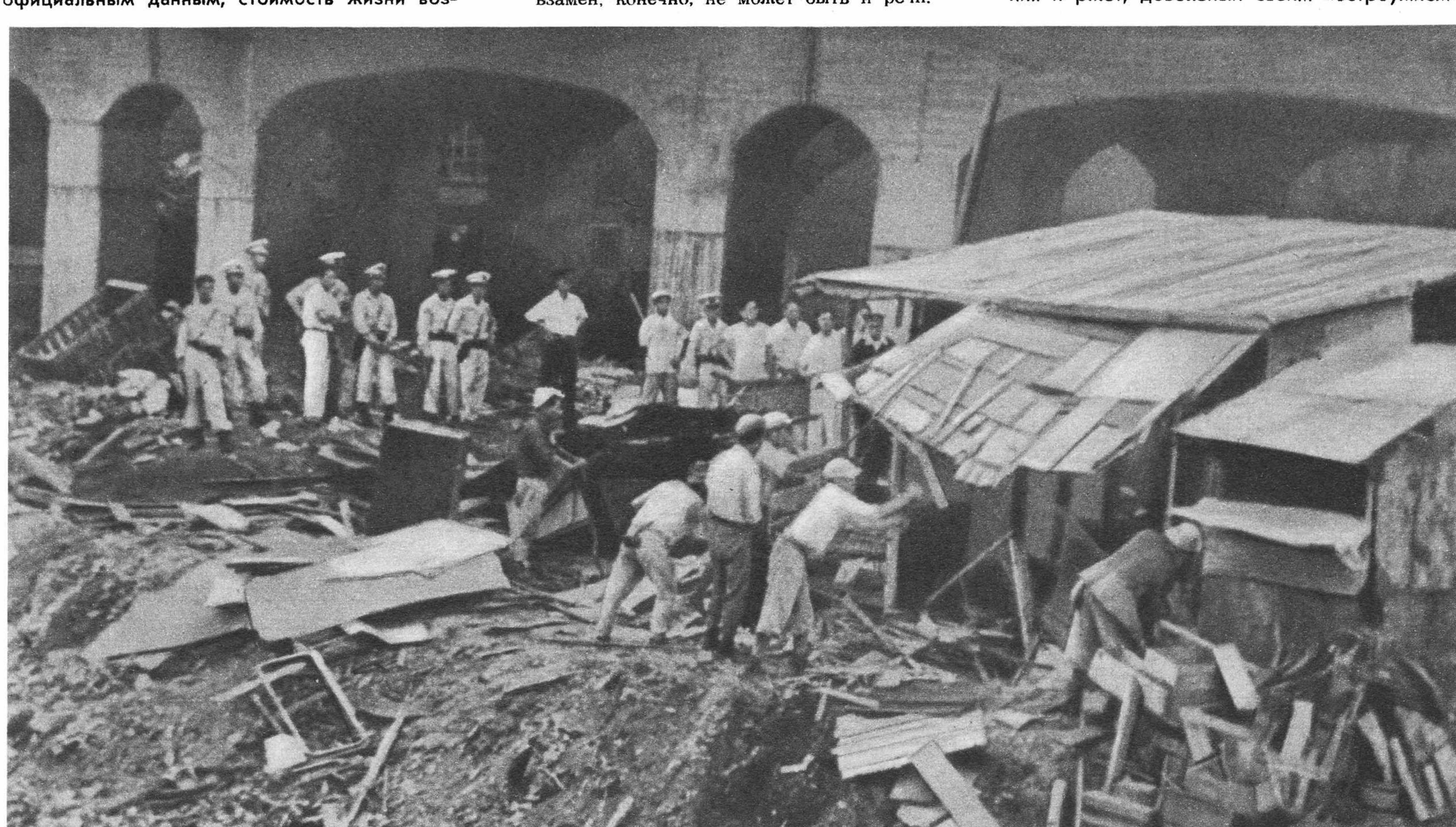
Подчиняясь обычному своему ритму, пульсирует уличная жизнь столицы. Перед глазами, как кинокадры, мелькают ее привычные картины. Вот промчался, невзирая на красный сигнал, черный лимузин американского вояки. Он сидит за рулем, надувшись, как индюк. Идут американские миссионеры в белых круглых воротничках, с ханжеским выражением кротости на лицах. Катит американская солдатня на рикшах... Японцы как-то даже теряются в уличной сутолоке среди бесчисленного количества янки.

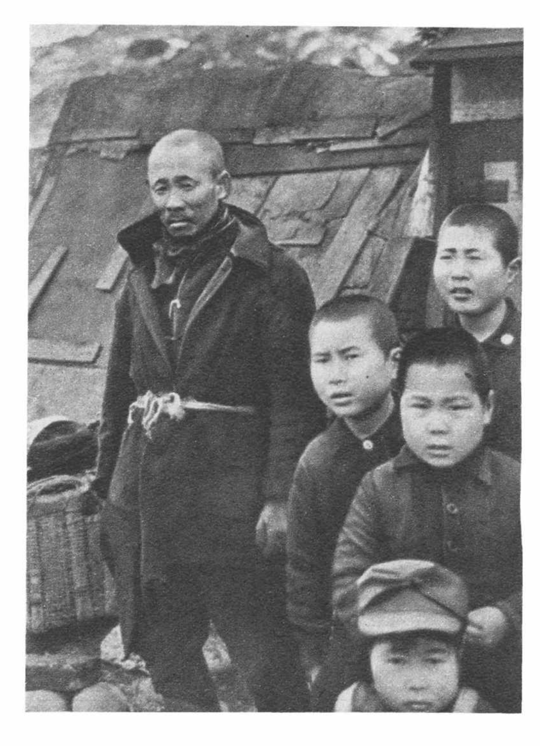
Резкие свистки полицейского около застроенного лачугами канала Аракава. Прохожие быстро скапливаются там в большую толпу. Люди угрюмо смотрят на мутную, зеленоватую воду. По ней шныряет несколько лодчонок с баграми. Два долговязых американских капрала — любители приключений,— расставив циркулем ноги, сощурив глаза, нацелили на воду фотоаппараты. Люди кидают на них холодный, ненавидящий взгляд.

— Хелло, Генри, что случилось? — окликает капралов из задних рядов вновь подошедший американец.

— Ничего особенного. Говорят, что кто-то принял холодную ванну,— отвечает один из них и ржет, довольный своим «остроумием».

Власти сочли, что трущобы в центре Токио портят его вид. Полиции приказано разрушить жилища бедняков. О предоставлении чего-либо взамен, конечно, не может быть и речи.

Безработный строитель Имаи Танахаси у своего «жилища».

Назавтра можно было узнать из газет, что в канал вместе с одиннадцатилетней дочерью бросилась женщина: ее старшего сына, единственного кормильца семьи, уволили с работы.

«Ничего особенного!» — зевают американцы, проглядывая газеты, где то и дело рассказывается о самоубийствах целых семей, о родителях, продающих детей, о детях, убегающих из дому куда глаза глядят.

Вот передо мной токийские вечерние газеты. Рядом с описанием пышной свадьбы японской принцессы, получившей по сему случаю из казны 7 миллионов иен, читаю следующие строки:

«В поселке Тамбаити, близ г. Нара, на горе возле храма, подобраны трупы шофера Такада Тосио, его жены, двух детей, их бабушки. Такада работал на заводе оккупационных войск в Токио и четыре месяца тому назад был уволен. Семья отравилась, не имея никаких средств к существованию».

Сотни работорговцев хлынули сейчас в деревни, где они скупают у обнищавших крестьян детей, перепродают на фабрики, девушек сбывают в публичные дома, созданные для американских оккупантов. Печать сообщает, что за шесть месяцев в районе Тохоку отмечено 1 456 случаев продажи детей, в префектурах Ямагата — 426, Иватэ — 255, Фукусима — 242, Мияги — 214, Аити — 185.

И это тоже «ничего особенного», это повседневная действительность народа, попавшего в беду.

В трущобах японских городов

В демократическом профсоюзе Саппоро на Хоккайдо нам посоветовали съездить на окраину города, примыкающую к реке Тоиохирокава.

— Там вы увидите, как «решается» в Японии проблема жилищного кризиса.

Река омывает город с восточной стороны, она тиха и мелководна. В весеннюю пору она выходит из берегов и угрожает окраинным ветхим домишкам.

У самой реки в последние годы выросло целое поселение: наспех вырытые землянки и крохотные хижины из кусков ржавой жести, фанеры и картона. Эти «жилища» не в состоянии защитить людей даже от ветра, а ведь на Хоккайдо морозы достигают 30 градусов. В этих жалких конурах площадью в три-четыре метра и высотой в метр-два ютятся сотни семей.

Почему они поселились здесь? Потому, что этот район считается уже за чертой города и городские власти освободили эти «жилища» от налога.

Мы разговорились с одним из обитателей такого «жилища». Рядом с ним стояла плетеная корзина, наполненная содержимым помойных ям. Он собирался выбрать то, что можно употребить в пищу. Мой собеседник, по имени Имаи Таиахаси, безработный, ему 51 год. Тридцать лет он был в Саппоро строительным рабочим. Этими самыми огрубелыми руками он строил особняки богачей, дома, в которых теперь расположились американские оккупанты. А сам он — здесь, на берегу реки, в сколоченной им самим убогой конуре. Два года тому назад Таиахаси лишился работы: в Японии не строят больше жилищ. Он стоял передо мной с посиневшим от холода лицом, со слезящимися от ветра глазами, в какой-то черной, полусгнившей рвани, подвязанной веревкой...

То, что увидели мы на берегу Тоиохирокавы, не было для нас откровением. Застроенные такими лачугами районы есть по всей Японии, они называются «сираму». Газета «Асахи» писала, что только в 20 городах имеются 88 таких районов с населением в 200 тысяч человек.

Жилищный кризис — одна из самых острых проблем Японии. По официальным данным, в стране не хватает более 3 миллионов жилых домов. Но в нынешнем году правительство сократило кредит населению на строительство жилых домов на 4 760 миллионов иен, а само запланировало построить всего лишь 700 квартир.

Почему беден народ

Расходы японского правительства на социальные нужды, и без того мизерные, все больше сокращаются. На народное образование в этом году отпущено на 230 миллионов иен меньше, чем в прошлом, расходы на социальное обеспечение сокращены на 500 миллионов иен, помощь больным туберкулезом — на 240 миллионов и т. д.

Правительство, по существу, прекратило всякую помощь пострадавшим от стихийных бедствий — тайфунов, пожаров, ливней, землетрясений,— которые обрушиваются на Японию одно за другим. Недавно на Хоккайдо землетрясение большой разрушительной силы уничтожило 2 500 домов, а морской волной смыло целые селения. Тысячи семей остались без крова, без средств к существованию. Газета «Сэйнэн фудзин крусин» пишет, что ни правительство, ни местные власти не оказали пострадавшим никакой поддержки.

Правительство выполняет другие требования, которые исходят от американских империалистов и японских милитаристов. Под их диктовку оно 60 процентов бюджета нынешнего года обратило на военные расходы. На рассмотрение ближайшей сессии парламента выдвинут проект дополнительного военного бюджета на сумму 60 миллиардов иен.

Правительство объявило массовый набор в полицейский корпус, который с 15 октября официально переименован в корпус национальной обороны и составит к концу года 180 тысяч человек. Оно приступило к формированию морских и воздушных сил, уже оснащаемых танками и самолетами.

Огромные средства вкладываются в военные предприятия, многие из них давно уже работают на полную мощность. Только за два года эти заводы поставили американской армии 180 миллионов бомб, тысячи орудий, пулеметов и многое другое.

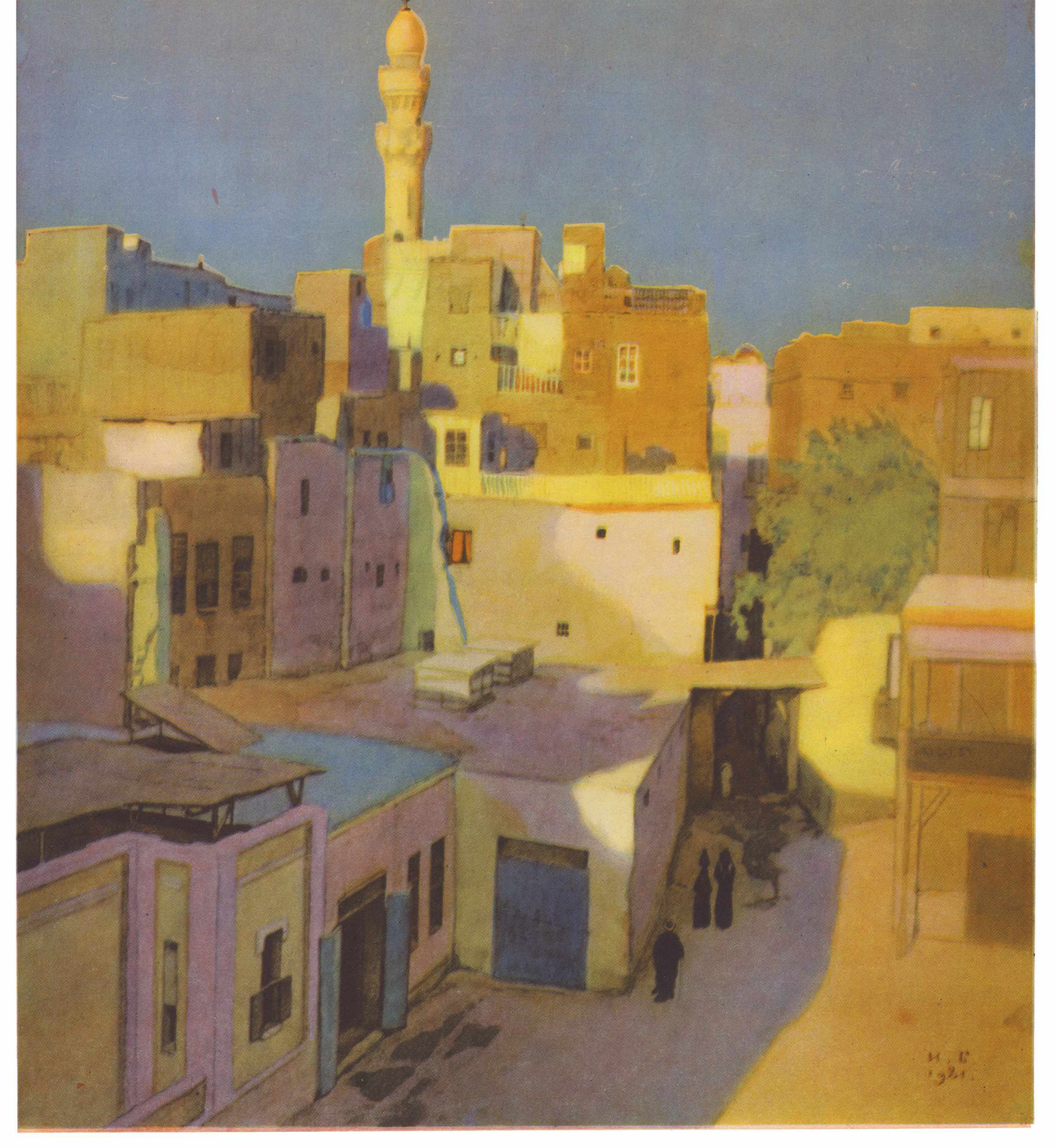
Только за один год японское правительство выплатило около 52 миллиардов иен на содержание оккупационных войск и продолжает нести колоссальные расходы по японо-американскому договору о так называемой гарантии безопасности.

Вот куда идут средства японской нации, вот почему беден японский народ.

Токио.

Вот куда идут средства, выжимаемые из японского народа: морские силы возрожденной агрессивной армии — так называемой Национальной армии обороны — на учениях.

И. Я. Билибин. УЛИЧКА СТАРОГО КАИРА. 1921 год.

Художник русской сказки

Творчество Ивана Яковлевича Билибина (1876—1942 гг.) отличается большой разносторонностью и своеобразием. Он работал в самых различных жанрах. Билибин — талантливый иллюстратор русских былин и эпических сказаний, прославляющих богатырей — защитников родной земли; сказок, созданных народной фантазией, полных яркого поэтического вымысла; произведений Пушкина, Лермонтова, А. Толстого. Билибин был и театральным художником-оформителем. Он же и ученый-этнограф, энтузиаст и пропагандист русского народного творчества.

Творчество Билибина при всей высокой художественной культуре просто и доступно. На это именно и обратил внимание критик В. В. Стасов, который особенно тепло отзывался об его иллюстрациях к русским сказкам.

Родился Иван Яковлевич 16 августа 1876 года в окрестностях Сестрорецка. Начальный курс художественного образования прошел в специальных классах Общества поощрения художеств, позднее учился у И. Е. Репина.

Перед Великой Отечественной войной Иван Яковлевич приступил к созданию большого цикла произведений на темы старинных былин и сказаний, повествующих о славных подвигах русских людей. Эти работы не были им полностью закончены, они оборвались вместе с его жизнью.

На творчестве Билибина можно и должно учиться живописной культуре, рисунку и технике акварельной живописи, реалистическому чутью, большому вкусу.

И. Я. Билибин. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «ПОДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА». 1919 год.

И. Я. Билибин. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К БЫЛИНЕ «ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ». 1940 год.

И. Я. Билибин. КРЫМ. БАТИ-ЛИМАН. ДАЧА И. Я. БИЛИБИНА. 1940 год.

СЕСТРА ЛЭНИ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки Л. Бродаты

Совсем недавно при разборке развалин Луизенштрассе, разрушенной в последние дни войны американской авиацией, западногерманская полиция сделала странную находку.

Под грудами битого кирпича в уцелевшем подвале были обнаружены школьный гектограф, несколько пачек самой дешевой типографской бумаги, нарезанной маленькими квадратиками, керосинка и кастрюлька, в которой еще сохранились следы высохшего клея.

Покрытые слоем многолетней пыли, на столе лежали пробные оттиски листовки. С трудом можно было разобрать выцветшие бледнофиолетовые буквы заголовка: «ДОЛОЙ ВОЙНУ! ЗА МИРНУЮ, СВОБОДНУЮ ГЕРМАНИЮ!..»

Рабочие, откопавшие подвал, еще стояли с ломами в руках на пороге, когда появился первый полицейский. Тотчас у входа поставили охрану в ожидании политической полиции.

Подъехавший автомобиль остановился на улице, и двое людей в штатском, почтительно приветствуемые полицейскими, начали осторожно пробираться через развалины.

У входа в подвал они остановились. Старший по возрасту, но младший по чину следователь Шранк хмуро осмотрелся кругом.

— Ну-с, господин вахмистр, может быть, кто-нибудь из вас всетаки догадается позаботиться насчет света?.. Э-э, нет, спрячьте ваш детский фонарик — нам требуется настоящая лампа, хотя бы в пятьсот ватт.

Полицейский, неловко прыгая и спотыкаясь на шатких кирпичах, побежал выполнять распоряжение.

— Вы представляете, Шранк, где мы сейчас находимся? — спросил другой чиновник в штатском. У него была своеобразная манера разговаривать со своими работниками. Задавая вопрос, он иронически прищуривался, испытующе поглядывая на подчиненного, точно экзаменатор, спрашивающий малыша: «Ну-с, а сколько это будет, если мы отнимем четыре от двенадцати? А?»

«Я-то представляю, а вот интересно, как бы ты тут разобрался без меня»,— подумал Шранк и вслух почтительно сказал:

— Полагаю, что мы сумеем это сейчас установить, господин Мунтерс,— и развернул план района. Собственно говоря, ему предстояло научить своего тупоголового начальника ориентироваться по плану местности, но он, как и следовало, тактично придал своим пояснениям форму доклада начальству.— Мы находимся где-то тут.— Он очертил тупым концом карандаша неровный кружок на плане.— С той стороны — Луизен-платц... Это нам ясно.

— Я думаю,— снисходительно согласился Мунтерс.

— Вон там вы, конечно, заметили остатки белой кафельной стены...

— Где вы видите?..

— Вот здесь, по ту сторону улицы.

— Трудно было бы не заметить. Ну, дальше...

— Это остатки молочной. Прямо против молочной на нашей стороне до бомбежки находился четырехэтажный жилой дом под номером 44... Вот можно еще проследить очертания стен его фундамента. Следовательно, мы должны сейчас находиться во дворе дома номер 45 или 46... впрочем, дом номер 46 отпадает: вот брандмауер, разделявший оба эти дома. Мы, без сомнения, находимся во дворе дома номер 45. На плане здесь указана граверная мастерская. Теперь не составит труда узнать фамилию владельца и жильцов этого домика, под которым находился подвал.

— Я думаю,— сказал Мунтерс. — Теперь это — дело нехитрое. А вот и свет.

Разматывая на ходу шнур, появился полицейский с большой электрической лампочкой в руках. У входа в подвал он довернул ее в патроне, и она вспыхнула ярким голубоватым светом.

Следователь Шранк бегло осмотрел тесное, пахнущее затхлым помещение, подобрал на ходу обрывок газеты, сдул пыль с одного из пробных оттисков листовки и заглянул в кастрюльку с отломанной ручкой, где некогда варился клейстер.

Жалкий, примитивный гектограф, убогое помещение, поношенная рабочая куртка, в оттянутых, засаленных карманах которой, конечно, не оказалось ничего, кроме табачной трухи,— все это, пролежавшее погребенным семь долгих лет под грудами развалин, напоминало, по мнению Шранка, не подпольную типографию, а древний могильный склеп. Так он и сказал Мунтерсу.

— Да,— согласился Мунтерс,— или, пожалуй, это похоже на кротовью нору. На нору кротов, которые пытались устроить подкоп под здание «Третьей империи». Что вы там вычитали в этом обрывке газеты?

— Ничего существенного. Это «Фелькишер Беобахтер» от двадцать шестого апреля. Бомбежка, разрушившая квартал, состоялась на несколько дней позже. Типография, значит, работала до последних дней, вот и все, что можно сказать. Полагаю, нам тут делать нечего?

Мунтерс кивнул головой, и они вышли.

— Вы захватили с собой на всякий случай несколько этих бумажонок? — спросил Мунтерс, когда машина, выехав с разрушенной Луизенштрассе, пошла по оживленной Хауптштрассе.

Шранк вынул записную книжку, между страниц которой было заложено несколько листков, подобранных в подвале.

— Две штуки достаточно?

— Ну, давайте две. Между нами говоря, дело, кажется, выеденного яйца не стоит. Конечно, я обдумаю еще это на досуге, но...— Мунтерс сделал пренебрежительный жест рукой в светлой кожаной перчатке.

Шранку был отлично известен его способ обдумывания. Вернувшись в свой кабинет, Мунтерс позвонит по телефону в штаб оккупационных войск и доложит со всеми подробностями о находке в подвале, как докладывает обо всех происшествиях в городе. После такого «обдумывания» решения приходят ему в голову необыкновенно категорические и быстрые...

После находки в подвале прошло два дня. Наступила суббота, и шел первый час ночи, когда даже чиновники политической полиции, как полагал Мунтерс, имеют право на законный отдых.

Нетерпеливо дожидаясь следователя Шранка, Мунтерс шагал из угла в угол в своем кабинете, сосредоточенно ступая по букетикам роз на узоре ковра. Когда следователь появился в дверях, Мунтерс, не оборачиваясь и не останавливаясь, сухо спросил:

— Господин Шранк, вы помните наш разговор относительно подвала, который мы посетили с вами два дня назад?

— Прекрасно помню,— удивился Шранк.

— Ах, помните? — выкрикнул Мунтерс и так круто повернулся на ходу, что чуть не перешагнул через букет на ковре, но тотчас поправился и снова сосредоточенно двинулся дальше, ступая только по букетам, точно по камням, возвышающимся над водой.

«Видно, ему попало от представителя штаба: опять загадал, удастся ли, не замочив ног, выбраться из какой-то неприятности»,— подумал Шранк и сделал на всякий случай виноватое лицо.

— Я все обдумал и пришел к выводу, что вы проявили определенное легкомыслие в этом деле. Эти листовки в подвале вы склонны были рассматривать как нестоящее, давно похороненное дело? Ошибка! Ошибка, следователь Шранк!

Мунтерс схватил со стола приготовленную к приходу Шранка папку и раскрыл ее. Шранк отлично знал такие папки. Это было обычное «дело» из архива гестапо.

— Слушайте. Во-первых, я выяснил, что подобные листовки расклеивались в различных частях города в последние месяцы войны.

Во-вторых, это между прочим, подвал принадлежал некоему граверу Ауэрбаху, который благополучно погиб вместе со своей семьей и мастерской во время последнего налета «Летающих крепостей» на наш город. Так что о нем речи больше не будет.

В-третьих, вот перед вами дело одного интересного типа. Он был схвачен гестапо с поличным, за расклейкой этих самых листовок, оказал сопротивление и сделал попытку бежать. Довольно беспомощную попытку, потому что он был инвалидом с деревянной ногой. Конечно, его сцапали. Он оказался некиим Генрихом Вальтером. После того как он лишился на фронте ноги, его демобилизовали, и он вернулся в родной город на работу в шахту. Кем-то вроде вахтера или сторожа, кажется...

Мунтерс перелистал несколько страничек «дела» и остановился там, где был вшит мелко исписанный, весь в следах сгибов, листок бумаги.

— Тут еще есть записка или письмо, сочинением которого он развлекался, повидимому, в ожидании казни. Почерк довольно неразборчивый... Вот: «...Лэни, моя единственная, за несколько часов, или дней, или минут до того, как меня не станет, пишу тебе это последнее, прощальное письмо, которое вызвался передать тебе один добрый человек...»

— Кто этот «добрый человек»? — усмехнулся Шранк.

— Тюремный надзиратель. Не помню уж его фамилии. У него такая слезливая, добродушная рожа. Он всегда предлагает такие услуги приговоренным... В письме решительно ничего нет стоящего. Разные слюнявые нежности. Голубки и цветочки. Голубков, впрочем, нет, а «цветочком» он ее действительно называет. Какая-нибудь бабица из шахтерского поселка, по всей вероятности... Ну, да чорт с ней, слушайте дальше. Вот тут стоит печать и три подписи под приговором этому Вальтеру: «Смертная казнь через повешение за изменнические, подрывные призывы против войны и фюрера». Что сделал бы другой на моем месте? Он сложил бы эту папку и отправил ее обратно в архив гестапо. Так?

— Безусловно, — подтвердил Шранк и подумал, что это был бы вполне разумный поступок.

— Ага, «безусловно»? Но я так не сделал. Я взял и позвонил... То есть я сперва все обдумал и пришел к выводу, что надо позвонить в штаб оккупационных войск. Я доложил всю эту историю и даже послал экземпляр листовки. И что, вы думаете, мне сказали?

— Это очень интересно. Я слушаю с полным вниманием,— насторожился Шранк.

— Ах, «интересно»? Так вот, мне ничего не сказали. Или, может быть, сказали «ладно», не помню. Но несколько минут назад раздается звонок. Я беру трубку, и сразу начинается такой... разговор... Вы знаете, как они разговаривают, когда сердятся? Так вот, разговор был такой, что мне пришлось трубку держать на расстоянии полуметра от уха.

Мунтерс покраснел от воспоминания об этом разговоре и громко отчеканил:

— Короче, следователь Шранк, вы проявили недальновидное отношение к делу. Мне это поставлено на вид. И я вам ставлю это на вид, в свою очередь. Вот! Прочтите донесения, поступившие к нам после вчерашнего митинга в шахтерском поселке... в железнодорожном депо... на химической фабрике. Что за листовки там распространялись? Какие призывы и лозунги там выкликались агитаторами? Сравните хотя бы вот эти листовки: вчерашнюю и эту, семилетней давности,— и к какому выводу вы придете? Я вас слушаю. Я жду вашего вывода, следователь Шранк.

Шранк бросил беглый взгляд на стол, где лежало несколько помятых, но совсем свежих листовок, напечатанных типографским способом, и среди них пожелтевшая листовка из подвала с едва проступающими фиолетовыми буквами.

— Вывод?.. Содержание листовок, отличаясь в подробностях, в сущности, весьма близко, почти идентично.

— Идентично? Какого чорта! — заорал Мунтерс.— Скажите лучше, что они похожи, как две капли воды, как будто их писал один и тот же человек! И, напав на подпольное гнездо, где семь лет назад фабриковались эти призывы против войны, вы не сумели додуматься до того, что это дело нельзя бросать? Ведь к нам в руки попала нить. Эта нить может привести нас к сегодняшним событиям...

Он вдруг запнулся и замолчал, уставясь себе под ноги. Ему больше не хотелось кричать на Шранка. Злился-то он, в сущности, на представителя оккупационных властей.

«Здорово ему, видно, попало,— подумал Шранк,— если он цепляется за такую неверную нить, чтобы как-нибудь выслужиться».

— Правда, надо признать, господин Шранк,— заговорил Мунтерс минуту спустя почти мирным тоном,— что мы с вами не могли знать всего. Ваша вина не так уж велика. У оккупационных властей есть архивы, которых нет у нас. Видите, какого числа вынесен приговор? По сведениям штаба, ни один приговор гестапо в нашем городе, начиная с этого числа, не был приведен в исполнение. Во время бомбежки многие арестанты, воспользовавшись суматохой, бежали, а дальше вы сами знаете, что было: капитуляция, катастрофа, русские в Берлине... Аппарат гестапо был уже парализован. И приговоренный к казни Вальтер, несомненно, находился среди бежавших от правосудия. Вот, берите папку, вам поручается вести дело Генриха Вальтера, ошибочно считавшегося казненным. Разыщите его. Это опасный человек. Кто знает, не связан ли он с теми, кто своими листовками, отпечатанными на этот раз в прекрасной типографии, подготовил вчерашний антиправительственный митинг в поселке. Действуйте! Это мой приказ. Даже больше: это не только м о й приказ, вы понимаете?

— Конечно, я понимаю,— озабоченно отозвался Шранк.— Я постараюсь, не отвлекаясь ничем, сосредоточиться на этом Генрихе Вальтере...

Мунтерс иронически пожал плечами:

— Ну, отвлекаться-то вам придется. Нам на голову свалится еще немало всяких приятных дел. Кстати, советую вам распорядиться, чтобы на сегодняшнюю ночь вам приготовили кувшин черного кофе, да покрепче. Всю ночь нам придется торчать здесь...

Уловив шутливую интонацию начальника, Шранк позволил себе улыбнуться:

— Приятно слышать!

— Очень! — раздраженно сказал Мунтерс.— Честное слово, они нарочно выбирают субботу, чтобы устраивать свои пакости. Честное слово, нарочно. Слыхали, что они там опять сделали? Толпа шахтеров прямо после смены устроила нечто вроде митинга. Между прочим, они дали торжественное обещание порвать повестки, если их попробуют призвать в возрождающуюся германскую армию. В доброе старое время за это просто расстреливали... Ночью мы пошлем несколько машин, которые доставят нам кое-кого из этих типов. А нам с вами придется возиться с ними все воскресенье... Папку взяли? Ну, идите и насчет кофе не забудьте!

Франкфуртерштрассе, прорезав деловой центр с его банками и кино, переходит постепенно в аккуратно подстриженную Франкфуртер-аллее, которая тянется через пригороды до самой железнодорожной насыпи. Здесь аллея, нырнув под большой железнодорожный мост, появляется снова на свет божий под названием Франкфуртер-шоссе, сразу растеряв все свои украшения, вроде кованых чугунных оград и стильных фасадов особняков. После железнодорожной насыпи по обе стороны шоссе появляются дымящие фабричные трубы, пустыри, склады и, наконец, первые домики шахтерского поселка.

В отдалении стоит домик сестры Лэни. Рядом ограда небольшого кладбища, и, если дети убегают туда собирать желуди и дикие каштаны, Лэни достаточно крикнуть с крыльца, чтобы они услыхали и прибежали домой.

Возвращаясь после дежурства в амбулатории, сестра Лэни на перекрестке прощается со своей попутчицей сиделкой фрау Вольф и последние несколько сот шагов идет одна.

В доме тихо. Ребята, конечно, убежали куда-то. Лэни снимает пальто, ставит разогреваться кастрюльку с супом и выходит на крыльцо, чтобы позвать ребят. Но на этот раз никто не откликается, хотя время ужина наступило и на улице смеркается.

Тогда Лэни накидывает на голову платок и направляется через дорогу к кладбищу, обходя осенние лужи на асфальте. Машинально она прочитывает на ходу то одну, то другую надпись, выбитую на камне. Вот тут, на углу боковой аллейки, похоронена сестра Кэтэ... Вот серенький камушек соседки Баумбах, муж которой погиб где-то в Норвегии... Немного подальше могила матери Лэни. Отец, тот похоронен в Польше еще в 1916 году...

«Как странно устроена жизнь: женщины умирают здесь, около своего дома, а мужчины уходят умирать в чужие края: во Францию, в Польшу, в Россию, в Африку... и там их могилы давно перепаханы и заросли пшеницей или крапивой!

Неужели существует такой незыблемый, вечный закон? Германские юноши подрастают, становятся солдатами, и некто, все равно, какое имя он носит: кайзера Вильгельма, фюрера Гитлера или канцлера Аденауэра,— вкладывает им ружья в руки, и они уходят, чтобы погибнуть в чужой стране, куда они принесли с собой все бедствия войны...»

Лэни из тех, кому предназначено оставаться дома. Она будет доживать свой век здесь, в домике с черепичной крышей, хотя жизнь ее точно так же оборвана и растоптана войной, как жизнь тех, кто остался на поле боя... Ведь когда взрывается граната и солдат падает на поле боя, это только малая, видимая часть происшедшего несчастья. Где-нибудь за тысячу километров от этого места с листком бумаги в руках вскрикнет и схватится за грудь женщина, как будто это в нее ударил осколок. И трое малышей, выпучив несмышленые глазки, заморгают, испуганно глядя на мать, еще не понимая, что с этой минуты они стали сиротами...

Так было с сестрой Кэтэ и ее ребятами в тот день, когда она получила извещение, что муж ее Эрнст убит в Африке...

Жениху Лэни — Генриху — повезло больше. Он вернулся с войны домой инвалидом. Им суждено было увидеться еще раз! Война уже подходила к концу, и у Лэни родилась надежда, что они дождутся мира. И в самые последние дни войны Генрих отправился на своей деревяшке на шахту, где он, умелый шахтер, так тосковал, выполняя обязанности сторожа.

В эти дни американская авиация обрушилась на город и шахтерский поселок, и Генрих не вернулся. Сестра Кэтэ, работавшая в конторе, тоже не вернулась, но ее хоть нашли и похоронили по-человечески. А с Генрихом они как будто даже не закончили начатого разговора, не успели рассказать друг другу своих мыслей и дел за годы военной разлуки.

Да, им суждены были эти последние, короткие встречи, полные неверного, торопливого счастья... И вот все это позади, далеко позади. Сегодня и завтра, все будет одно и то же: дежурства в амбулатории, заботы о куске хлеба для троих ребят, оставшихся сиротами от сестры Кэтэ. Старший, Эрнст, называет ее Лэни. Двое младших, те уже совсем позабыли родителей и называют ее «мама».

На перекрестке она останавливается и громко окликает ребят. Никто не отвечает, и она идет дальше.

Для чего же все это было? Смелые надежды? Их великая любовь, какой не было ни у кого? Зачем были эти слова: «Лэни, единственная!», «мой цветочек...»?

Лэни проводит ладонью по своему огрубевшему за эти годы лицу, никогда не бывшему особенно красивым, и усмехается опущенными книзу уголками губ.

— Мальчики!.. Алло, Эрнст!..

Мальчишеские голоса откликаются одновременно.

Трое ребят появляются из-за кустов, вынырнув с боковой дорожки. Старший, Эрнст, долговязый подросток, тащит на спине мешок, набитый травой.

— Вот сколько мы нарвали травы для поросенка! — кричит он, выглядывая из-под мешка, весь раскрасневшись, с фуражкой, съехавшей козырьком на один глаз.

Двое других бегут за ним по

пятам, поддерживая сзади сползающий мягкий мешок.

Трудовой день окончен. Ребята давно перестали перешептываться в соседней комнате и заснули. Лэни лежит в темноте и думает. Странно сказать, о чем она думает: о своей любви! Немолодая женщина, у которой на руках трое ребят, она должна бы сейчас рассудительно прикидывать, чем бы надставить курточку Эрнста, у которого руки вылезают уже на целую четверть из рукавов. Но она только мельком вспоминает об этом. Со всем напряжением и силой, на какую она способна, она думает, как всегда, о Генрихе и о своей любви.

Неужели ее Генрих погиб за ту Германию, которую проклинали в те годы люди на всех языках мира? За фюрера, которого он сам проклинал и ненавидел?.. Проклинал шопотом, за запертыми дверьми... и за которого он все-таки погиб, хотел он этого или нет...

Господи, неужели она одна создана так нелепо, на горе себе? Сколько женщин потеряли своих близких, и все они думают о своих ребятах, о завтрашнем дне! Почему она одна лежит в темноте и повторяет, как заклинание, это имя?..

Если бы только он успел сказать ей несколько прощальных слов, которые были бы для нее маяком, стрелкой компаса, указывающей направление в жизни! Этих слов хватило бы ей на всю жизнь. Она поняла бы, зачем, во имя чего все было в их жизни...

Она разжимает руки, заметив, что они комкают рубашку на груди. Надо спать. Надо воспитать детей сестры. Это ее долг. Великий, благородный долг — вырастить мальчиков.

Для того, чтобы, когда они вырастут, им тоже вложили в руки ружья и они пошли в другие страны, как их отцы? От этих мыслей с ума можно сойти. Но что она-то может сделать? Она все равно их вырастит. А тогда ее никто не спросит. Их возьмут, и все пойдет своим путем...

«Безумным и подлым путем!» Кто это сказал? Ах, да, так говорил Генрих. Когда он был еще совсем молод и горяч, он так говорил... Да, Генрих говорил это прежде. Что бы сказал он теперь? Кто знает?.. Люди устают, теряют надежду, меняются... Сколько она видела таких вокруг!..

Кто знает?..

Наконец Лэни чувствует, что ее путающиеся мысли от усталости делаются все туманней — слава богу, сон подходит...

Под утро сквозь глубокий сон Лэни услышала приглушенное рокотанье тяжелой машины, затем скрип калитки и стук в дверь:

— Откройте, полиция!

Двое полицейских вошли и стали у дверей, а человек в штатском прошел мимо Лэни прямо в комнаты и через минуту, обойдя весь дом, вернулся обратно.

— Когда от вас ушел Генрих Вальтер? Он был у вас сегодня вечером? Когда вы ждете его к себе снова? Ответьте точно и быстро, и вы можете продолжать ваш отдых, фрейлен. Я вас не буду беспокоить.

Совершенно ошеломленная, Лэни вглядывалась в лицо человека в штатском, стараясь понять, в чем дело. Нет, он, кажется, вовсе не шутил. При входе он даже посмотрел, нет ли на вешалке мужского пальто.

— Господи! — выговорила наконец Лэни, прижимая руки к груди.— Вот уже семь лет прошло, как от него нет никаких вестей!..

Штатский господин, едва слушая, сделал нетерпеливое движение, напомнившее Лэни ее школьного учителя «Мочалку», когда тот, убедившись по первым, бойко прочитанным строчкам, что ученица знает все стихотворение до конца, так же вот досадливо отмахивался рукой: дескать, вижу, ты это вызубрила, можешь не продолжать...

— Так вы хотите нас уверить, что не знаете, где мы его можем найти? Может быть, вы знаете место, где он бывает? Какую-нибудь пивную? Ничего?.. Ну что же, тогда вам придется самой рассказать все это господину следователю.

Растрепанная голова Эрнста высунулась из дверей детской.

— Тебя уводят с собой полицейские? — Он весь напрягся и собрал все свое мужество, чтобы спросить это твердым голосом.

— Тут совершенно нечего волноваться,— ответила Лэни.— Главное, смотри не разбуди маленьких, а то поднимется такой рев...

— Но ты скоро вернешься?

— Да. И вы будете спокойно ждать, если я немного задержусь. На завтрак ты разогреешь то, что оставлено в зеленой кастрюльке. Запомнил?

— Запомнил. В зеленой.

— Ну, теперь поцелуй меня, раз ты все равно уже проснулся, и запри за нами дверь как следует. И сейчас же обратно в постель.

— Будь спокойна, мама.

В первый раз он сказал ей «мама».

Машина у калитки оказалась большим грузовиком, крытым брезентом. Двое полицейских уселись на скамейки у выхода. Внутри было так темно, что Лэни пришлось нащупывать руками свободное место.

— Вот сюда! — сказал женский голос, и кто-то в темноте взял ее за руку.

Машина тронулась, и Лэни, держась за протянутую ей руку, сразмаху опустилась на сиденье, задев чьи-то колени. Тот же женский голос весело произнес:

— Что может быть лучше хорошей прогулки на рассвете?.. Кто рано встает, все успевает!

В ответ послышалось несколько легких смешков.

— Разговаривать запрещено,— хмуро объявил полицейский.

— Какое знакомое выражение! — точно силясь припомнить что-то, произнес тот же женский голос.

Кто-то совсем уж открыто засмеялся.

— Молчать наконец! — заорал полицейский.

— Ну вот, теперь-то вспомнила! — обрадованно вздохнула девушка.

Больше никто ничего не говорил, но люди, поднятые с постелей в сумрачный предутренний час и вздрагивавшие от волнения и нервного озноба, улыбались, сидя в темноте и покачиваясь от толчков автомобиля...

— Ах, боже мой,— немного погодя произнес в темноте тот же женский голос почти на ухо Лэни,— да никак и сестра Лэни попала в нашу компанию?

В поселке, пожалуй, не было ни одного человека, который не знал бы сестру Лэни. Немало было шахтеров, которым она за долгие годы своей работы в амбулатории делала первые перевязки после несчастных случаев. И лучше нее никто не умел подбодрить жену или дочь шахтера, прибежавшую в слезах в приемную узнать, что за несчастье случилось в шахте с мужем или отцом.

— Рут Ромберг! — шепнула девушка.— Вы-то меня не помните, наверное, а я вас отлично помню. Старого Ромберга знаете? Которому руку придавило? В том месяце.

Шахтера Ромберга Лэни отлично помнила. Она помнила даже рентгеновский снимок с кисти его руки.

— Ну, так вот, я его дочь, я с ним вместе к вам приходила. Не помните? Я такая: небольшого роста, а волосы рыжие...— Ей очень хотелось, чтобы Лэни ее вспомнила.

— Рыженькую девушку я помню, кажется... Ну, конечно, вспомнила! — обрадовалась Лэни.

— Я не рыженькая, а просто здорово рыжая,— сказала девушка.— Приятно встретиться со знакомыми. Но какого чорта они вас-то забрали? Разве вы вчера не были на дежурстве? Были? Значит, они совсем с ума сошли. Нас всех забрали из-за вчерашнего митинга, на котором ребята объявили, что выбросят повестки, если их призовут в германский легион американской армии. А вы тут при чем?

— Я ничего не понимаю,— тихо сказала Лэни.— Просто вот приехали и взяли. А вы были на митинге?

В ответ она услышала тихий смешок:

— В этой машине таких вопросов не задают, дорогая сестра Лэни. Факт тот, что меня не поймали. Просто я у них на примете, а они со злости хватают сегодня всех, кто попадется под руку... Да вы не расстраивайтесь. Плюйте на них, и все... Все-таки не понимаю: зачем вы им понадобились?

Лэни помолчала, потом шепнула:

— Они искали у меня одного человека...

— Ну, и что вы им сказали?

— Что его давно нет и бессмысленно его искать.

— Правильно,—одобрила Рут,— вы так и дальше им говорите. Держитесь так, и ни черта они вам не сделают.

— Но, к несчастью, это истинная правда.

— Конечно,— поддержала с горячим убеждением Рут, которая не имела ни малейшего представления, о ком идет речь.— Вы так им и говорите. Держитесь только твердо и не мямлите! Вот, кажется, и приехали.

Взвизгнули тормоза. Остановка. Как раз у старого дома на Фридрих-Вильгельм-платц, где помещалась следственная тюрьма геста-

по. Всего каких-нибудь семь лет назад.

Допрос продолжался уже больше получаса, а Лэни так же неподвижно сидела, сжимая сложенные на коленях руки, и старалась изо всех сил понять, чего от нее хотят.

Следователь Шранк говорил монотонно и равнодушно, иногда даже полузакрывал глаза и утомленно склонял голову к плечу. Было похоже, что глаза у него почти засыпают, и только сама собой продолжает литься изо рта речь, заготовленная, очевидно, заранее, до того, как он начал засыпать.

— ...Итак, фрейлен, за все эти семь лет вы не имели о нем никаких известий?.. Никаких! Не было никакого свидания украдкой, ни одного письма, ни записочки, переданной через верного товарища, ни телефонного звонка на работу... Ничего!

Хорошо, начнем с другого конца. Вы не можете ничего сообщить. Придется мне самому поделиться с вами кое-какими новостями... если только это для вас новости. Так вот, фрейлен Лэни, ваш жених Генрих Вальтер жив... Вы продолжаете сидеть спокойно на месте, и у вас довольно уравновешенный вид. Вы, правда, слегка побледнели, но это легко объяснить известным нервным напряжением, которое обычно люди испытывают при беседах в этой комнате...

Согласитесь сами, что при подобном известии (если оно для вас неожиданно, конечно) было бы гораздо естественнее слегка вскрикнуть, закрыв руками лицо, или даже попытаться упасть в легкий обморок... Однако у вас нет никакого опыта, и поэтому вы продолжаете спокойно сидеть и внимательно вслушиваться в то, что я говорю. Это очень удобно, когда простодушный следователь заранее выкладывает все, что ему известно. Тогда можно найти правильную линию для своих ответов, не правда ли? Итак, вы не были слишком поражены, когда я сообщил вам, что жених ваш жив?

Он замолчал, ожидая ответа, и Лэни, с трудом пошевелив плотно сжатыми губами, произнесла:

— Я не могу вам поверить...

— Откуда такой мрачный взгляд? Разве мало мы знаем примеров, когда люди, долго пропадавшие без вести, потом оказывались в живых? — Вдруг лицо у следователя сделалось простым и почти добрым. Глаза его совсем проснулись. Губы готовы были вот-вот улыбнуться.— А что вы скажете, если Генрих Вальтер стоит вон там, за дверью, и ждет только моего знака, чтобы войти? Вот я нажму кнопку звонка, дверь откроется, и он войдет и скажет: «Лэни... цветочек мой...»

Шранк каким-то торжествующим движением надавил кнопку звонка, и по его глазам, устремленным на дверь, Лэни поняла, что он уже *видит* того, кто входит!

Точно какой-то силач схватил ее за плечи и одним рывком помимо ее воли повернул лицом к двери. Стены комнаты на мгновение стали мягкими и закачались, готовые упасть, и на мгновение Лэни поверила, что вот-вот она проснется... семь лет тому назад...

— Вот это — другое дело, теперь вы действительно взволновались,— деловито констатировал Шранк, и стены сделались снова плотными и стали на свои места.— Значит, вы поверили, что он может быть здесь и может войти в эту дверь! Не правда ли? Я прошу вас ответить.

Лэни медленно наклонила голову:

— Да. Это была довольно удачная шутка. Мне даже показалось, что дверь начинает открываться. Хорошо у вас получилось. Как будто раскаленной иглой тебе прошили сердце. Но это только на мгновение, и теперь уже прошло. Вы можете продолжать, господин следователь.

Шранк снова полузакрыл глаза.

— Для вас я, можно сказать, не следователь. Я вас ни в чем не подозреваю и не обвиняю. Мы с вами просто двое людей, которым нужно разобраться в интересующем их деле.

Вам кое-что известно, чего не знаю я. Мне известно многое, чего вы не знаете. Было бы разумно обменяться нашими сведениями, вот и все. Вы, я вижу, все еще боитесь прогадать, если заговорите первой? Отлично. Первый ход делаю я. Ну-с, что это такое по-вашему?

Приоткрыв папку, Шранк щелкнул пальцем по маленькой квадратной бумажке с водянисто-фиолетовыми буквами, оттиснутыми на гектографе.

— Господи! — сказала Лэни, вглядываясь в листовку, которую Шранк держал у нее перед лицом.— В каком году мы живем? Что теперь: сорок пятый или пятьдесят второй год? Зачем вы мне это показываете?

— Пятьдесят второй, без сомнения. Значит, вы видели это уже прежде?

Лэни спокойно пожала плечами:

— Конечно, я видела подобные. По-моему, это одна из тех листовок против Гитлера, которые у нас появлялись в последние месяцы войны. Кто их не видел?

— Многие видели. Но не многие печатали. Вам интересно было бы знать, кто сочинил и напечатал эту?

— Кажется, меня это не очень интересует.

— Напрасно. Ведь это работа вашего жениха. Вот чем он занимался, когда страна сражалась с врагом!

— Объясните мне, какое значение эта старая история имеет сейчас, даже если то, что вы говорите, правда?

— Вы думаете: старая история? Нет, к сожалению, это история с продолжением. С плохим продолжением. Нас интересует не сама история, а именно ее продолжение...

Следователь выпрямился с такой энергией, как будто обрывал при этом путы, привязывавшие его к стулу и заставлявшие сидеть, сгорбившись.

— Генрих Вальтер — один из тех, кто продолжает антигосударственную деятельность по сей день! Эти бумажонки, за расклеиванием которых ваш жених был пойман семь лет назад, и груды разных листовок и воззваний, выпущенных в нашем городе год назад и вчера вечером на противозаконном сборище в шахтерском поселке,— это одна и та же работа. Я отказываюсь вам поверить, что Вальтер, продолжая свою вредоносную работу, не дал вам о себе знать! Не пытайтесь спорить, это бесполезно. Вы не должны покрывать преступника. Ваш жених — преступник, фрейлен Лэни... Вы все еще молчите? Жалко. Тем самым вы впутываете и себя в это дело. Подумайте о детях, которых вы воспитываете. Ваш жених вас давно бросил или почти бросил. Зачем же вам его покрывать? У вас будет достаточно времени для раздумья, потому что я не могу вас отпустить, пока не получу нужных сведений. Я много вам рассказал, а от вас не услышал ничего полезного.

Шранк раскрыл папку. На одно мгновение перед глазами Лэни мелькнуло лицо на фотографии. Его лицо. Глаза устало и пристально смотрели прямо перед собой. Что они видели в ту минуту?..

— Знакомое лицо, не правда ли? — заметил следователь. — А это вам знакомо? Мелковато написано, но все можно разобрать. Между прочим, это письмо вам.— Он со вздохом утомления закрыл папку.— Когда вы начнете говорить правду и расскажете мне хоть что-нибудь о местопребывании вашего Вальтера, я передам письмо в ваши руки... Подумайте о детях, которые сегодня напрасно будут ждать вашего возвращения домой...

Он опять нажал кнопку звонка и сделал небрежный знак вошедшему полицейскому, точно смахнул со стола соринку:

— Уведите!

Только оставшись совсем одна в узенькой камере, она беспомощно осмотрелась, вздохнула и опустилась на табурет, сложив руки на коленях.

Она не испытывала ни страха, ни злобы, ни уныния.

Во время допроса она ни о чем не думала. Ее мысль точно была заморожена и теперь в одиночестве и тишине стала оттаивать.

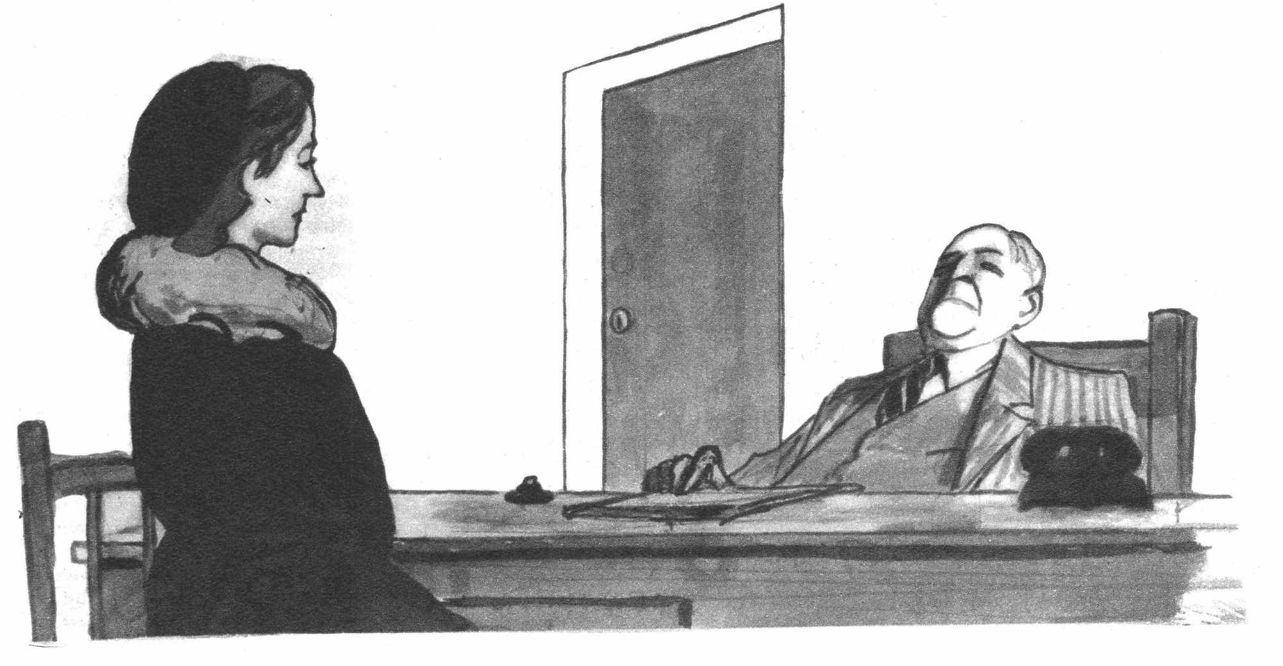
Что обман в словах следователя и что правда? Неужели Генрих жив? Мысль, что он жив, наполняет ее волнением и страхом. Почему же от него не было вестей? Почему она сердцем не чувствовала, что он есть на свете?

Но ведь все может быть. Может быть, он был все эти годы там, на востоке Германии? И, может быть, его ищут потому, что он тайно перешел границу, чтобы повидать Лэни? Может быть, вот сию минуту он в темноте, тяжело ступая на больную ногу, подходит к ее дому, как это было уже однажды? Вот сейчас он потихоньку стукнет в окошко, кусая губы от напряженного ожидания, это тоже было уже однажды. И его стук услышат полицейские, которые подстерегают его, спрятавшись за оградой кладбища...

Напрягая всю силу воли, она старается внушить ему на расстоянии: «Уходи скорей!.. Беги отсюда!..» Пускай она не увидит его еще семь лет, только пусть он вернется благополучно через границу, подальше от этого дома с железными решетками, туда, где он будет в безопасности, где слова о мире люди открыто носят на своих знаменах.

Где она видела эти знамена?.. Ну, конечно, на фотографиях в журнале, который принес Эрнст. Молодежь умеет все раздобыть. Целое море полотнищ на длинных флагштоках в крепких руках молодежи. И на каждом знамени одно только слово, вышитое золотом или белым шелком, большими яркими буквами. То самое слово, которое было написано в подполье на квадратике бумаги: «мир».

Как бы выглядел бедный Генрих со своей деревянной ногой и изможденным лицом, со своей бледной листовочкой в строю этих молодых борцов за мир, несущих знамена всех стран мира под гул приветствий народа, сре-

ди многоцветных шелков, переливающихся на солнечных улицах праздничного Берлина?

Рядом с этими знаменами как выглядела бы его маленькая листовочка?

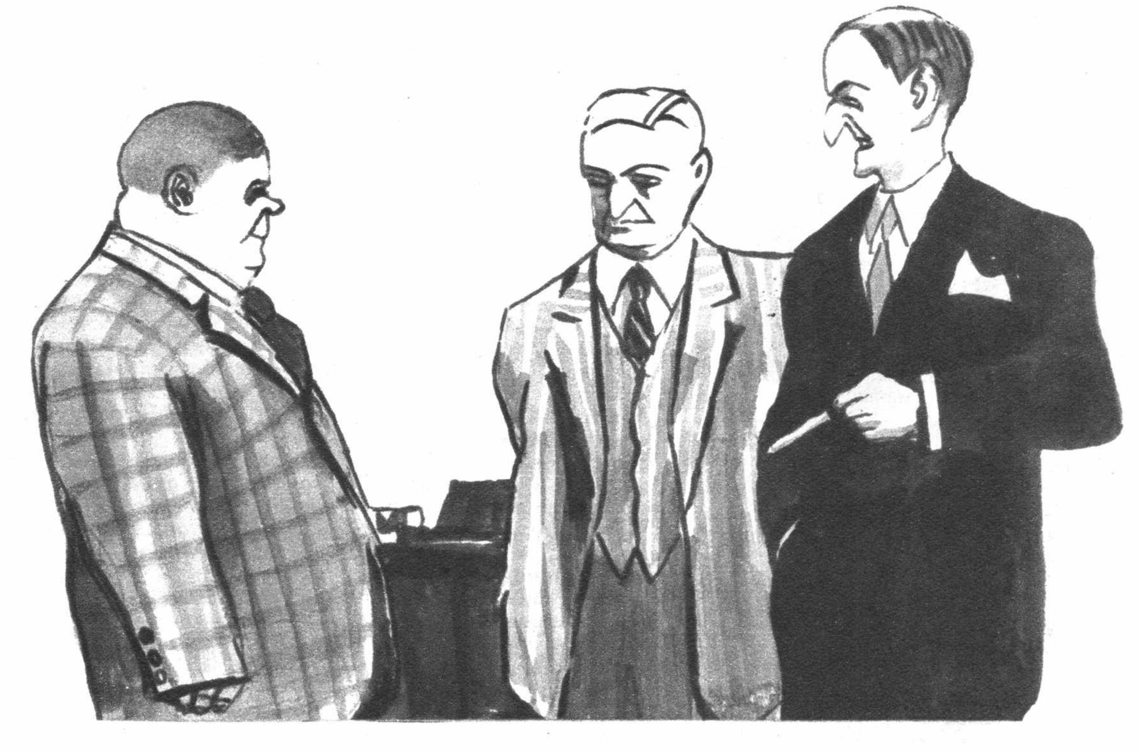
От волнения она уже почти не может больше думать. Только еще на мгновение она представила, почти увидела лицо Генриха среди множества молодых и радостных лиц. Нет, конечно, нигде на всем свете лица прекраснее, чем лицо этого худого и хромого человека, который семь лет назад, почти в одиночку, вооруженный баночкой клея и пачкой листовок, вышел на поединок с чудовищем, терзавшим человечество,— войной.

Нет, больше нельзя позволить себе думать о нем, а то с сердцем делается что-то невообразимое...

На следующее утро Лэни начала испытывать беспокойство. Она не сразу сообразила, в чем дело. Наконец поняла: подходил обычный час ее дежурства... Никогда с ней не случалось, чтобы она его пропустила. Вот сейчас ей пора уже выходить из дому, а она сидит сложа руки.

А кто накормит сегодня ребят?.. Нет, об этом тоже не надо думать. Они не избалованы. Сумеют сами себе сварить какой-нибудь плохонький суп и поросенка покормить не забудут.

Надо ждать, когда о ней вспомнят...

Если представить себе человека, который как бы стоит навытяжку перед начальником, сидя в то же время в кресле, то именно такой вид и был у посетителя, сидевшего против следователя Шранка в его кабинете.

На нем был серый, в крупную клетку костюм, какой-то чрезмерно новый, какими вещи выглядят только в прейскурантах и на вывесках магазинов готового платья. Лицо его выражало смесь приниженности и наглости с заметным преобладанием последней.

Разговор подошел к концу. Следователь Шранк, видимо, весьма удовлетворенный результатами разговора, положил руку на телефонную трубку, но прежде чем снять ее с рычага, слегка побарабанил по ней пальцами.

— Господин начальник, — сказал затем Шранк,— если разрешите, я приведу к вам одного человека... — при этом он поднял глаза и вопросительно посмотрел на сидящего.

Тот быстро поклонился и даже слегка привстал в знак готовности немедленно же отправиться. Шранк мягким движением положил трубку.

— Ну, он рад вас видеть, господин Бодель. Двинемся?

— Что скажете, Шранк? — приветствовал вошедших Мунтерс, вопросительно взглянув на Боделя.

— Это по делу о подпольной типографии. Относительно этого Генриха Вальтера, господин начальник, если припомните.

— Отлично помню. Вы можете сообщить что-нибудь, господин... как? Бодель?

Бодель стоял навытяжку, но, когда начальник обратился прямо к нему, сделал движение, как бы вытягиваясь еще больше, хотя это было физически невозможно. Клетчатые рукава нового костюма были ему длинноваты, так что пальцы едва высовывались из-под обшлагов. Прежде чем заговорить, он несколько мгновений напряженно шевелил пальцами. Наблюдавший за ним Шранк подумал, что этими толстыми пальцами он, наверное, действует куда более ловко, чем языком. И еще он подумал, что Бодель хорошо делает, что носит такие длинные обшлага,— поменьше видны эти пальцы.

— Так точно! — выговорил наконец Бодель.— Я имел возможность удовлетворительно ответить на запрос господина следователя.

Он фамильярно усмехнулся и тотчас же сделал угодливо-испуганное лицо.

Шранк пояснил:

— Господин Бодель до последнего дня войны занимал должность помощника начальника команды... Как это у вас называлось, Бодель?

— Мы носили название «Взвод F». Нас также называли «Команда исполнения». Это было неофициальное название, господин начальник.

— Они приводили в исполнение приговоры. Я разыскал господина Боделя, чтобы навести справки по вашему приказанию. Теперь пусть он сам говорит.

Бодель медлительно пошевелил пальцами, готовясь заговорить.

— Насчет этого Генриха Вальтера с деревянной ногой и насчет остальных могу доложить, что он был включен в партию: двадцать семь человек и еще одна женщина. Ошибки быть не может. Это как раз была последняя партия, которую мы отработали, так я и запомнил. Если б не деревянная нога, я, может, и не запомнил бы. А вешать человека с деревянной ногой — это, осмелюсь доложить, такая канитель, что тут обязательно запомнишь, ну, обязательно!

— Кроме того у него и записи сохранились. Я лично проверил по записям,— добавил Шранк.

— Полагаюсь на вас, Шранк,— сказал начальник. — Благодарю вас за ценные сведения, господин Бодель... Вы говорите, это была последняя партия?

— Так точно, последняя. Это, знаете, запоминается. Помнишь первых и потом самых последних, потому что потом уж нет работы, сидишь без дела, и иногда это вспоминается от нечего делать.

— А чем вы занимались после того, как кончилась война?

— Одно время было трудно с работой. Наши ребята даже боялись, что будут серьезные неприятности.

Мунтерс сделал паузу и снисходительно сказал:

— А что вы скажете, если я вам предложу какую-нибудь работу у нас, в политической полиции? Я бы, пожалуй, придумал для вас что-нибудь подходящее.

Бодель, шаркнув ногой, поклонился и опустил глаза.

— Очень благодарен, господин начальник. Если будут какие-нибудь приватные поручения... так сказать, аккордная работа,— весь в вашем распоряжении. Но что касается...

— Господин Бодель уже находится на постоянной службе, господин начальник,— мягко вставил Шранк, — непосредственно при штабе оккупационных войск. Уже года два, если не ошибаюсь?

— Совершенно верно,— усмехнулся Бодель.— Очень, очень благодарен и сожалею, что не могу воспользоваться вашим предложением.

— Прекрасно, прекрасно,— довольно сухо сказал начальник,— спасибо за ваше содействие делу правосудия, господин Бодель. До свидания.

Входя во второй раз в кабинет следователя, Лэни заранее приготовилась к длинному разговору. Но едва закрылась дверь за полицейским, который ее привел, и она остановилась перед большим пустынным столом, на котором не было ни чернильницы, ни бумаг — ничего, кроме одной знакомой папки,— она сразу заметила, что следователя точно подменили. Он стал похож на актера, который, окончив свою роль, разгримировался и спешит домой.

— Я вас позвал только для того, чтобы сообщить вам, что все для вас закончилось благополучно. Вы говорили правду. На вас не падает никакого подозрения, и вы можете вернуться домой, к своей семье.

Лэни подготовилась ко многому, но только не к тому, что следователь с первых же слов поспешит закончить разговор.

— Вы свободны и можете уходить,— сказал Шранк.

Впервые за все время страх, самый настоящий, леденящий страх сжимает сердце Лэни. Точно она стоит на краю не то что пропасти, а полной пустоты. Еще один толчок, и ей уже не на что надеяться.

Неужели все было обманом? Неужели она сама себя обманула, приняв безумное желание своего сердца за действительность?

— Хорошо, — почти шопотом выговорила она.— Значит, все, что вы говорили о... Генрихе... ничего этого на самом деле не было?

Шранк минуту поколебался, потом поднялся, опершись руками о стол, точно для произнесения приговора:

— Вам следует позабыть о вашем бывшем женихе. Он был плохой человек, плохой немец и плохой патриот. Вот каков был Генрих Вальтер. Его виновность в тяжких преступлениях перед германским государством установлена. Он был казнен за то, что пытался подорвать военную мощь Германии в дни войны. Это — большое счастье для вас и для нас тоже. Если бы тогдашняя деятельность вашего жениха не была пресечена гестапо, я не сомневаюсь, что сегодня мы должны были бы заняться им. Повторяю, для вас это наилучший исход; у вас не будет больше никаких неприятностей. Вы поняли?

— Я все поняла,— тихо проговорила Лэни.— Значит, Генрих... нет, я все поняла... Теперь вы, может быть, отдадите мне письмо. Ведь вам оно теперь ни к чему.

Шранк сделал нетерпеливое движение:

— Вы ничего не поняли. Если я вам сообщил о том, что представляет собой ваш жених, то только для того, чтобы вы осознали всю тяжесть его вины, чтоб вы поняли, что вам нужно позабыть о том, что вы были близки с таким человеком.— Шранк раздраженным движением перелистал странички, вшитые в папку, и сердито постучал костяшками пальцев по мелко исписанному, со следами многих сгибов листку.— А вы имеете дерзость и неблагоразумие домогаться, чтобы я вам пе-

редал письмо какого-то преступника.

Шранк стоял, прижимая ладонью листок, мелко исписанный знакомым почерком.

Лэни молча выслушала все, что он сказал. С усилием разжала губы и почти шопотом, хрипло выговорила:

— Пожалуйста...

Е г о слова, е г о мысли, е г о прощальное напутствие, е г о голос, частица е г о самого — все было в этом листке. Лэни прикрыла на мгновение глаза, чтобы побороть желание упасть грудью на стол, оттолкнуть следователя и, пока он будет с ней бороться, прочесть хоть одно слово, одну фразу...

Потом она медленно повернулась, держа голову очень прямо, и пошла к выходу, не оглядываясь.

Было раннее утро. Самое обыкновенное утро, с проясняющимся постепенно на востоке небом, воробьиным чириканьем, запахом вянущей листвы на городской аллее, с шумом полупустых, ранних автобусов, изредка проносящихся по сырому асфальту шоссе, усыпанному распластанными каштановыми листьями.

Дверца отворяемой калитки громко взвизгнула и, отброшенная пружиной, с легким треском стукнула, возвращаясь на свое место. И почти тотчас же распахнулась дверь дома, и на крыльцо выглянул Эрнст с большой, надкусанной оладьей, щедро обсыпанной сахарной пудрой.

На мгновение он замер с полуоткрытым ртом и круглыми глазами и вдруг с захлебывающимся криком, неясным, как это бывает, когда кричат на вдохе, загремел ботинками, скатываясь кубарем с крыльца навстречу идущей по дорожке Лэни.

Они столкнулись на середине дорожки и с силой обняли друг друга, и Лэни почувствовала, как теплая оладья прижалась к щеке, обсыпая ее сахарной пудрой. Затем, сконфуженные необычной горячностью встречи, они крепко взялись за руки и вместе вошли в дом. Самый младший из ребят, забравшись на спинку стула, заглянул в окно и, увидев Лэни, в спешке пытаясь соскочить на пол, упал вместе со стулом. Он расшиб себе колени и испуганно вскрикнул, но со всех ног бросился ей навстречу.

После восторженных криков и торопливых объятий Лэни удивленно спросила:

— А кто это печет оладьи?

— Это моя работа.— Рут, наблюдая за бурной встречей, давно уже стояла в дверях кухни, подвязанная фартуком Лэни.— С благополучным возвращением вас, сестра Лэни. Я тут самовольно хозяйничаю, теперь вы можете меня выгнать!

— Нет, не надо, мама. Рут нам обед готовила и стирала, она очень добрая,— встревоженно заступился Эрнст.

Очень скоро что-то начинает смутно беспокоить Лэни. Что бы это могло быть? Ах, да, приближается время ее дежурства в амбулатории. Священный час ухода на работу. Даже ребята не пытаются хныкать и протестовать.

Лэни собирается, как всегда, очень быстро. Младшим приказано не высовываться на улицу, но Эрнст упрямо следует за Лэни на крыльцо, куда вышла ее проводить Рут.

— Что это было? Скажите же наконец! Почему они вас продержали столько времени? Я и то выкрутилась раньше вас.

Лэни неуверенно оглянулась на Эрнста. Он прекрасно понимает, о чем идет речь, и не желает уходить.

— Хорошо,— говорит Лэни, — отчего бы мне не сказать вам обоим все? Они разыскивали Генриха... Вы, конечно, не знаете: у меня был когда-то жених.

— Н-нет, я слышала, что был...— неуверенно сказала Рут.

— Так вот, они испугались, вообразив, что он жив. Но потом следователь мне объявил, что «все кончилось благополучно» — гитлеровское гестапо успело его казнить за листовки в последние дни, может быть, в последние часы войны.

— Прохвост! Вот прохвост! — стиснув зубы, пробормотала Рут.— Знаете, почему они всполошились? Недавно на Луизенштрассе, в подвале, они обнаружили подпольную типографию тех времен. Они ее опечатали, но вход в подвал раскопали ведь рабочие, не так ли? Теперь весь город знает про эту находку. Значит, ваш Генрих был одним из тех, кто там работал? И он листовки расклеивал? У нас в поселке многие люди помнят эти листовки. Отец мне рассказывал не раз. Никто до сих пор не знал, кто были эти люди. Теперь мы хоть одно имя знаем.

— Да,— сказала Лэни, погладив Эрнста по плечу,— теперь мы знаем. Ну, я должна идти, не то я опоздаю на дежурство. Спасибо за заботы, Рут. Мы еще увидимся?

Рут усмехнулась:

— Увидимся, пожалуй,— и помахала ей вслед с крыльца.

Дежурство уже подходило к концу. Пропели в темноте гудки шахт, созывающие на работу ночную смену. Последним долго тянул свою низкую, сиплую ноту гудок самой дальней шахты.

Старый доктор Реннер уже с полчаса как вымыл руки, надел пальто и, пожелав Лэни доброй ночи, ушел домой, постукивая толстой палкой по полу опустевшей приемной.

Лэни осталась одна, прибирая в амбулатории, когда дверь тихонько приотворилась и в комнату с опаской заглянул еще один посетитель.

— Добрый вечер... добрый вечер! Вы тут одна, сестрица Лэни? — таинственным шопотом спросил старческий голос.— Слава богу, вы опять на своем месте, а то меня всего разломило без вашего лекарства. Косточки мои еле дождались вас, ей богу!

— Добрый вечер, папаша Кульман! — ответила Лэни, перестав греметь инструментами, которые она укладывала в металлическую коробку.— Разве вы не могли попросить лекарства от вашей болезни у доктора Реннера?

— Доктор, доктор!..— проворчал старик.— Доктор говорит — это ревматизм, а у меня шахтерская болезнь. Может быть, это и вроде ревматизма, а все-таки не то. Вы отсыпьте мне, как всегда, немножко тех лепешечек. Лучшего мне не надо.

Улыбнувшись, Лэни насыпала в бумажный пакетик две дюжины таблеток, но старик вместо того, чтобы уйти, как обычно, получив лекарство, остался на месте, осторожно сжимая скрюченной от ревматизма рукой хрупкий пакетик.

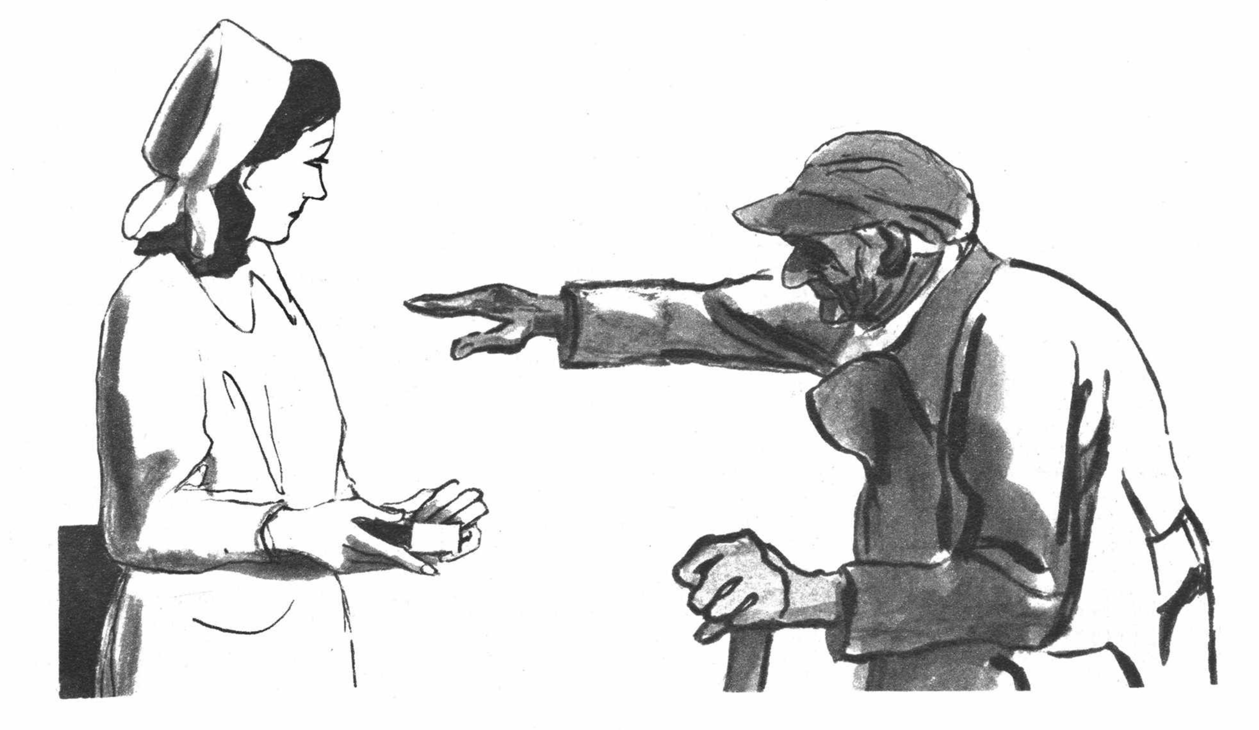
— А как я его помню, будто сейчас вижу. Уж был шахтер так шахтер! Больше и не назовешь никак: настоящий шахтер...— Насторожившись, Лэни перестала вытирать мокрые руки полотенцем.— Нисколечко я и не удивился, как узнал... Нет, про другого кого я удивился бы, а про Генриха нисколечко... Другие-то, может, и удивятся, а мы-то с вами ведь знали его получше... Когда Гитлер напялил на головы нашим ребятам стальные шлемы, ведь он вообразил, что и душу нашу сцапал и положил к себе в карман. Не так ли, сестрица?..— Старик хрипло не то рассмеялся, не то закашлялся и, шагнув вперед, будто собираясь сообщить какую-то тайну, заговорил полушопотом: — А душа у шахтера спрятана глубоко, как угольный пласт, до нее не так-то легко добраться. И твердая она, как добрый уголь. Только не черная! Спасибо вам, сестрица Лэни, извините, что я болтаю, а у вас уже дежурство кончено, и пора домой. Хотелось о Генрихе поговорить... До свиданья...

Дверь закрылась и вдруг снова приоткрылась, и опять показалось сморщенное лицо старого шахтера. Вытянув руку, он отметил расстояние метра в полтора от пола, потом подумал и вдруг кивнул, просияв хитроватой улыбкой:

— Вот какой он был, когда пришел на шахту наниматься. Вот такой... или разве чуточку повыше! — и, продолжая кивать, скрылся.

К тому времени, когда Лэни спустилась вниз, соседка Баумбах — сиделка — уже ушла домой, не дождавшись. Ну что ж, Лэни ничего не имела против того, чтобы дойти на этот раз до дому без попутчиков.

К вечеру выпал первый снег,

кругом все было бело, и только черные вытоптанные пешеходами тропинки пересекали в разных направлениях тихие улицы поселка.

Рабочие вечерней смены почти все уже разошлись по домам. Только какая-то группа запоздавших, негромко разговаривая, шла впереди Лэни и вскоре свернула в переулок. Позади и сбоку, там, где тепло мигали огни поселка, приглушенно звучал аккордеон, а на шоссе начинал задувать ветерок и было пустынно.

«Как это странно,— подумала Лэни.— Разговариваешь с людьми, работаешь, не отвлекаясь ни на минуту, а оказывается, что ты все время думаешь и думаешь об одном и том же. И вот к тому моменту, когда наконец остаешься одна, в тишине и тебе кажется, что теперь-то ты можешь спокойно подумать, оказывается, что ты все уже обдумала и поняла».

Нет, она не пережила во второй раз горе утраты. Она все время знала, что Генриха нет в живых. Что же изменилось в ее жизни? А между тем она чувствовала, что изменилось; она это видит так же ясно, как то, что изменилась улица, которая была черной и мокрой и стала вся белая от выпавшего снега. Мертвые не оживают, прошлое не возвращается к человеку. Но есть прошлое, которое тяготит, как неотданный долг, а есть прошлое, которое дает силу жить.

— Добрый вечер, сестра Лэни! — окликает ее девичий голос.— Вот мы и увиделись снова!

Это Рут с каким-то парнишкой. Они догоняют Лэни.

— Ничего, если мы вас немножко проводим?

Не успели они пройти и сотни шагов, как несколько парней, куривших у заборчика, окликнули Рут и тоже подошли поздороваться.

— Вот это сестра Лэни, вы знаете, ребята...

Все происходит совершенно невзначай. Каждый подходит и очень бережно, немножко дольше обычного пожимает ей руку и при этом говорит, прежде чем отойти в сторону:

— Франц! Вилли! Конрад!

Одного даже зовут Генрих.

И вдруг Лэни понимает, что эти парни нарочно ждали ее на шоссе. Каждый из них задержался после смены только для того, чтобы так вот пожать ей руку и сказать, что его зовут Конрадом или Францем. Может быть, они ждут, что она им что-нибудь скажет? Но говорить она совсем не умеет.

— До свиданья, спокойной ночи, сестра Лэни,— проговорила Рут.

Они уже дошли до самой калитки ее дома. Двое молодых шахтеров, те, что шли вместе с Рут, прощаясь, протягивают ей руки. Один из них кашлянул и неловко, как всегда бывает после долгого молчанья, проговорил:

— Мы хотели только спросить вас: как была его фамилия, сестра Лэни?

Лэни, не сразу поняв, недоуменно молчала.

— Вашего Генриха,— пояснила Рут.

— Генрих Вальтер его звали,— сказала Лэни,— да. Генрих Вальтер. А зачем вам это?

— Так,— упрямо сказал парень.— Генрих Вальтер. Мы хотим запомнить.

На Ангаре

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

I

На гранитах инея узоры,
Здесь зима на выдумки щедра.
Справа горы, слева тоже горы,
Посредине Ангара.

Дом как дом, под крышей на два ската,
В изморози весь, как в серебре.
Волгодонцы, видные ребята,
Поселились в нем на Ангаре.

Всем троим пришлась она по нраву,
На дворе мороз под пятьдесят,
А вода клокочет, точно лава,
Как в котле, валы кипят.

Не угомонится, не уймется,
Забуянит — камни бросит в дрожь.
Видно, с ней придется побороться:
Голыми руками не возьмешь.

На ветвях нахохлились синицы
Под белесым небом декабря.
Жмет мороз, и, чтоб не ознобиться,
Снегом натирается заря.

Без дохи не вылезешь из дома,
Без пимов не ступишь за порог.
По всему по бережку крутому
Снег на спячку зимнюю залег.

Только неспокойно спится снегу:
Не дает река ему уснуть.
День и ночь о берег бьет с разбега
Белый вал, крутую выгнув грудь.

Месяц по-особенному ярок,
Дым из труб, как лиственница, прям.
Песня наших девушек-ангарок
Волгодонцев будит по утрам:

«Дон и море нынче схожи,
Очень Дон нам нравится.
Ну, а все же нам дороже
Ангара-красавица.

Ой, пороги-перекаты,
Ой, вы струи пенные,
Волгодонские ребята —
Мастера отменные!

Свет пошлем во все края,
Аж до моря Карского,
Повсеместно ждут друзья
Огонька ангарского.

Ой, вы, горочки крутые,
Будет вам туманиться:
Хватит света всей России
И еще останется».

II

По утрам к реке шагают трое
В голубом мерцанье зябких звезд —
Первый коллектив Ангаростроя,
Первый водомерный пост!

Пена завивается, как стружка,
Виден каждый камушек на дне,
Как шальная, крутится вертушка
На большой ангарской глубине.

Ой ты, диво-дивное Сибири,
До чего ж быстра и глубока
Самая порывистая в мире,
Самая лукавая река!

В декабре вода бушует гневно
Холодам жестоким вопреки.
Трое составляют ежедневно
График «поведения» реки.

III

Уже глубин закончили промеры,
Успели дно на карту нанести,
Уже на стройку едут инженеры,
Уже составы с техникой в пути.

Уже нашли местечко для плотины
Там, где хребтами стиснута река,
Уже гараж построен под машины,
Хотя машины не пришли пока.

Уже тротил заговорил в тумане,
Он поднимает сразу полгоры.
И, может быть, уже готов в Госплане
Проект преображенной Ангары.

IV

Как-то утром у скалы, в затишке,
Волгодонцы встретили девчат.
— Холодно, однако, ребятишки!
— Да, холодновато, — говорят.

Ангара бурлила под горою,
Вдалеке ревели падуны [1].
— Справимся, ребята, с Ангарою!
— Непременно справиться должны!

— Добывать нам вместе киловатты.
Говорим вам честно, без прикрас:
Мы знакомы с техникой, ребята,
Можете рассчитывать на нас.

И локомобиль и трактор знаем...
Инженеры без пяти минут...
Станет край наш самым светлым краем...
А шагающие к нам придут!

— Скоро их увидите в работе.
— Вот, девчата, наступает жизнь!
— А цимлянских чаек к нам пришлете!
— Как же! Вам без них не обойтись!

И такая даль открылась взору,
Что они запели вшестером.
Песня по ангарскому простору,
Как весенний прокатилась гром.

И на молодую песню эту
Между гор и сопок снеговых
Шли машины в сторону рассвета,
Песня поторапливала их.

К нам спешили утренней порою
И москвич и волжский старожил,
Все, кого свободный труд сдружил...
Зажигать огни Ангаростроя
Нам товарищ Сталин поручил.

[1] Пороги.

Преодолевая трудности...

В докладе на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза Г. М. Маленков особо отметил, что наша промышленность не только выполняет, но и перевыполняет государственные планы. Эта характернейшая черта нашего движения к коммунизму свойственна жизни любого советского предприятия. Советские люди стараются обогнать — и обгоняют! — время.

Следуя правде жизни, В. Кетлинская изобразила в своем новом романе «Дни нашей жизни» упорную, напряженную борьбу ленинградских турбостроителей за досрочное выполнение государственного плана, за досрочную сдачу заказа для одной из новостроек.

Писательница показывает своих героев в основном в труде, на производстве. Это та типическая обстановка, в которой наиболее полно и в типических чертах раскрываются их характеры.

Сюжетными узлами в романе являются конкретные эпизоды производственной хроники. Таковы страницы, рассказывающие о «трудном» рождении турбины, о работе талантливого самоучки Воловика над своими изобретениями, о походе против «досадных работ» (то есть работ, еще требующих широкого применения ручной силы), о «схватке» передовых рабочих со считающими себя незаменимыми монополистами - карусельщиками, о том, как ликвидируются последствия неожиданного брака.

Борьба за турбину завершается победой заводского коллектива. И победа эта предстает перед нами как один из этапов на пути к коммунизму. Перед заводом выдвигаются новые грандиозные задачи, встают новые трудности.

Производственную победу творит талантливый советский коллектив, представленный в романе образами руководителей завода (директор Немиров, парторг Диденко), инженеров (Полозов, Карцева), рабочих (Воробьев, становящийся потом партийным руководителем цеха, Воловик, молодежь — Николай Пакулин, Аркадий Ступин, старые мастера — Гусаков и Ефим Кузьмич).

В романе обрисован новый тип рабочего, человека с широким кругозором, с творческой жилкой, с тягой к ученью. Как о чем-то естественном, прочно и органично вошедшем в быт рабочего, рассказывает писательница о дерзновенных творческих планах и деяниях рабочих, о библиотеках, которые они собирают, о докладах, которые они делают.

На заводе изготовляются механизмы для строек коммунизма; происходящей при этом производственной ломке сопутствует основательная психологическая ломка. «Хочешь не хочешь, а остановиться на месте нельзя»,— размышляет Воловик. И автор изображает р о с т героев, преодоление ими недостатков и ошибок — всего того, что мешает росту.

К сожалению, далеко не всегда писательница наделяет героев недостатками естественно, оправданно. «...В чистом виде ничего не найдешь...— заявляет в беседе с Воловиком один писатель, — коммунизм не в лаборатории выращивается, — в жизни. А жизнь, она такая. Сложная». Желая во что бы то ни стало «усложнить» характеры героев, В. Кетлинская заставляет их ошибаться подчас и тогда, когда они, казалось бы, не способны это сделать.

Никто не вправе требовать от писателя, чтобы он застраховал героев от ошибок; но они, эти ошибки, не должны обнаруживаться в д р у г и существовать лишь в силу того, что «в чистом виде» ничего не бывает. Их нужно мотивировать, «подготовить», обусловить «предисторией».

Борьба с трудностями, препятствиями, мешающими советским людям двигаться вперед, включает в себя и борьбу с косными, фальшивыми людьми. Начальник цеха Любимов слывет опытным, знающим инженером, но он прячется за свои «знания», за свой «опыт» от новшеств. Технолог Гаршин — «свой человек», «рубаха-парень»; он, на первый взгляд, полон энергии и силы. Но это маска. За ней — лицо мелкого честолюбца, эгоцентриста, очковтирателя. Хотелось бы, однако, чтобы писательница внесла в обрисовку этого образа больше разоблачительных ноток.

Вера Кетлинская стремится осветить различные стороны общественной жизни на заводе, показывает героев в быту, в семье, в любви. Она не пытается создать впечатление розового благополучия. Герои романа б о р ю т с я за свое счастье. «Человеку идет счастье», но путь к счастью труден, «счастье... создать... не просто».

Напрасно только автор осложняет отношения героев с п л о ш н ы м и неурядицами, недоразумениями, недопониманиями. Как только любовь Ани и Полозова, например, или Воробьева и Груни «грозит» стать счастливой, писательница «спешит на помощь» и прибегает к крупным дозам искусственной драматизации.

Широко, многопланово рисуя жизнь своих героев, В. Кетлинская забывает порой органически связать, слить воедино (как слиты они в жизни) производственные и любовно-бытовые линии. Автором убедительно изображено становление Ступина как производственника. Аркадия преображает любовь; а жизнь, обстановка, окружающая его и благоприятствующая росту людей, помогают развиться, закрепиться появившимся в его характере новым, благородным чертам. Здесь все взаимно связано, одно обусловлено другим, одно вытекает из другого. А вот взаимоотношения Николая Пакулина и Ксаны оторваны от всего остального в романе.

Не во всем удовлетворит читателя язык книги — несколько бесцветный, без колоритных портретов героев, без выразительных речевых характеристик.

Роман В. Кетлинской — роман, несомненно, интересный, верный по своему направлению, стóит упорной дальнейшей работы над ним.

Ю. КАРАСЕВ

Вера Кетлинская. Дни нашей жизни. Роман. «Знамя» №№ 7—10. 1952.

Неизвестные письма Дениса Давыдова

В одном из московских архивов нами обнаружено два неопубликованных письма Д. В. Давыдова (1784—1839) — известного героя-партизана и оригинального писателя.

Первое из этих писем, датированное 18 октября 1826 года, написано во время русско-персидской войны, в которой Д. Давыдов принимал деятельное участие, уже будучи генерал-майором.

Письмо это, имеющее пометку: «Укрепление при Джелал-оглу» (в Закавказье), адресовано Н. А. Бахметеву, близкому другу поэта. Бахметев просил Давыдова, чтобы тот выхлопотал перевод в Отдельный Кавказский корпус его сыну, А. Н. Бахметеву. Предупреждая своего друга о трудностях, которые могут ожидать его сына во фронтовой обстановке, Давыдов писал: «Если неприятности, мною представленные, недостаточны заставить его переменить намерение, то работайте, старайтесь его определить в Кавказский наш корпус и присылайте его ко мне, я... рекомендую его Алексею Петровичу Ермолову, который, несмотря на бурю, восставшую на него при дворе,— человек единственный, умеющий отличать достоинства».

Командовавший в то время Кавказским корпусом герой Отечественной войны 1812 года А. П. Ермолов, о котором пишет Давыдов, был известен своей оппозиционностью по отношению к царскому двору. Имя Ермолова было необычайно популярно в кругах декабристов, и Николай I в 1827 году отстранил Ермолова от службы. Давыдов был одним из самых ярых «ермоловцев» — круга передовых офицеров, группировавшихся на Кавказе вокруг прославленного русского генерала.

В этом же письме Давыдов, сообщая о своих военных успехах, писал, что ему удалось «разбить Гассан-Хана (персидского полководца.— Вл. Б.) и ворваться вслед за ним в персидские границы и огласить равнины Эриванские днем громом победоносного российского оружия, а вечером — шумом и звуком русских песен и музыки».

Другое письмо написано в 1833 году, когда Давыдов, с отличием участвовавший в восьми войнах начала XIX века, был вынужден уйти в отставку и поселиться в симбирском имении своей жены, Верхней Мазе.

Письмо адресовано А. Н. Бахметеву. Поэт пишет о том, что живет в деревне, никуда не выезжая, занимаясь воспитанием детей, охотой, хозяйственными делами и не забывая поэзии. Любопытно следующее место письма.

«Попробовал съездить в Москву на две недели,— жалуется Давыдов своему другу,— но уехал прежде, там задохся от требования общежития, от полицейских и жандармских надзоров и повторил невольно стих Пушкина с некоторым изменением:

Мне душно здесь, я в
степь хочу!»

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

Гослитиздат выпустил в свет том избранных произведений выдающегося польского поэта Юлиуша Словацкого (1809—1849).

Характеризуя значение творчества Словацкого, автор вступительной статьи к книге, К. Н. Державин, пишет: «Освободительное движение в Польше начала прошлого века вызвало к жизни новую национальную литературу, возглавленную Адамом Мицкевичем и Юлиушем Словацким... Лучшее из созданного великими представителями польского революционного романтизма было внушено им священной любовью к родине, страданием за нее и пламенным освободительным порывом. Этим глубоко национальным содержанием своих творений, облеченных в блестящие художественные формы, Мицкевич и Словацкий ввели родную им поэзию в сокровищницу мировой культуры».

В книге четыре раздела: «Стихотворения», «Поэмы», «Драмы» и «Письма к матери». К числу наиболее сильных сторон творчества Словацкого принадлежат его борьба против католической реакции и папского вмешательства в дела Польши, его резкие выступления против своекорыстной и антинародной политики польской знати и мелкопоместного дворянства — шляхты, его призыв к народной революции, его вера в силы и будущее польского народа. Тема борьбы за свободу народов отчетливо звучит в таких стихотворениях, как «Гимн», «Михаилу Роля-Скибицкому», «Автору «Трех псалмов».

Среди поэм и стихотворных драм, помещенных в книге, наибольший интерес представляют написанная ритмической прозой поэма «Ангелли» и драма «Кордиан», в которых поставлены важные проблемы национально-освободительной борьбы польского народа. В трагедии «Лилла Венеда» Словацкий обращается к древнейшему, полулегендарному периоду польской истории; он противопоставляет хищному и безжалостному племени завоевателей-лехитов, в которых видит предков современного ему польского шляхетства, свободолюбивое и гуманное племя венедов, составивших впоследствии основную массу польского народа.

Юлиуш Словацкий. Избранное. Перевод с польского. Гослитиздат. 815 стр. 1952.

На наших вкладках

«Совестью художников» называли Николая Александровича Ярошенко (1846—1898), замечательного живописца-демократа, после смерти Крамского ставшего руководителем Товарищества передвижных художественных выставок.

Человек разносторонних интересов, Николай Александрович Ярошенко воплощал в себе лучшие черты передового русского художника. Его «Курсистку» (образ, к которому он не раз возвращался), портрет Стрепетовой, картины «Всюду жизнь», «Кочегар», «Заключенный», «Студент» знают повсюду.

Сегодня в «Огоньке» публикуются четыре менее известные работы художника. В 1879 году Ярошенко написал акварелью совсем еще юную девушку, которая сидит за столом, глубоко задумавшись. Год спустя он создал «Курсистку» — небольшую картину маслом. Художник удивительно точно запечатлел простой, задушевный образ девушки из народа, мастерски передал смущение позирующей: оно и в выражении лица, и в потупленном взоре, и в движении рук. И вместе с тем во всем облике застенчивой девушки чувствуется большая внутренняя сила.

В 1883 году Ярошенко написал знаменитую картину, названную так же — «Курсистка». Она изображена быстро идущей по улице. Глеб Успенский писал:

«...не выдуманное и притом реальнейшее слитие девичьих и юношеских черт в одном лице, в одной фигуре, осененной не женской и не мужской, а «человеческой» мыслью, сразу освещало, осмысливало и шапочку, и плед, и книжку, и превращало в новый, народившийся, небывалый и светлый образ человеческий».

Николай Александрович Ярошенко много работал в пейзажной живописи. В особенности любил он Кавказ. Публикуемый этюд показывает умение мастера передать особенности кавказской природы.

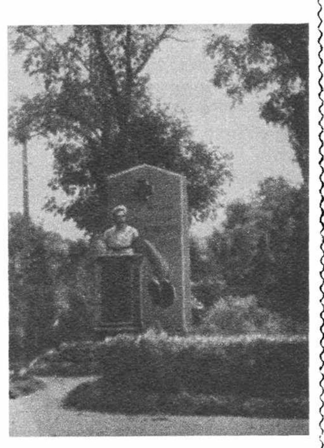
Картина «На качелях» выполнена Ярошенко в том же, 1888 году, что и знаменитое его произведение «Всюду жизнь». Ярошенко опять изображает простых людей, только здесь он выбирает лирический, жизнерадостный сюжет: солдат с любимой девушкой катается на качелях. Художник превосходно передал чувства влюбленного и смущение девушки, смешанное со страхом: очень высоко взлетают качели. Картина написана с теплым и ласковым юмором.

Ярошенко вошел в историю искусства и как выдающийся портретист. Художник никогда не мог удовлетвориться только внешним сходством, он стремился создать портрет-биографию. Его Стрепетова, Салтыков-Щедрин, Короленко, Менделеев, Глеб Успенский, Плещеев — это взволнованное, страстное повествование о замечательных русских людях.

А. Н. Плещеев, портрет которого печатается на вкладке, выдающийся русский поэт, руководитель отдела поэзии в «Отечественных записках», прошел суровую, трудную школу. В молодости он привлекался по делу о петрашевцах, был, как и Шевченко, сослан рядовым в Оренбург, испытал на себе тяготы царской солдатчины.

Ярошенко создал образ поэта-мыслителя, человека непреклонной воли. Это сказывается и в спокойном взгляде умных глаз, и в напряженных морщинах лба, и в жесте сплетенных рук.

А. РЫБАКОВ

Могила Н. А. Ярошенко в Кисловодске.

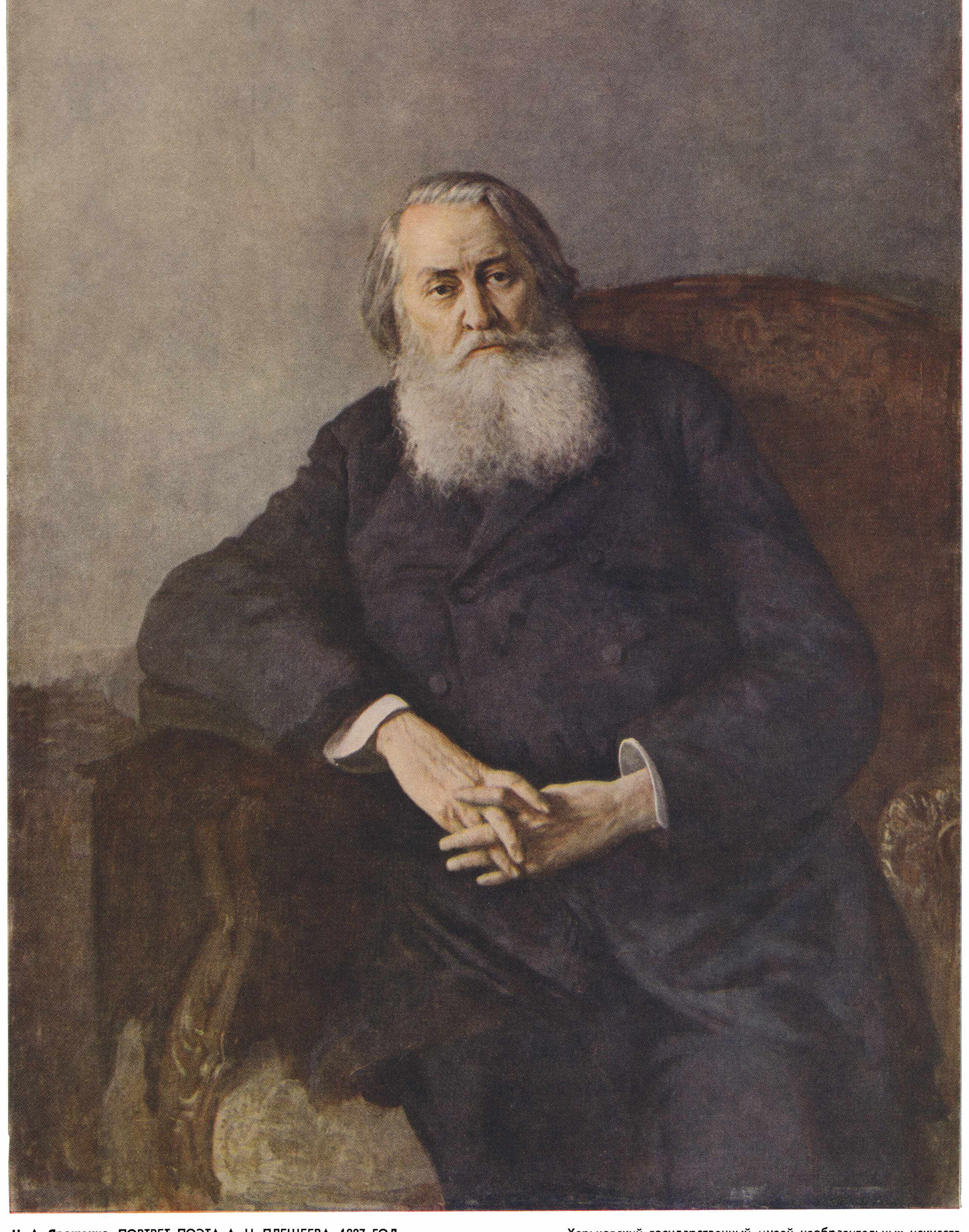

Н. А. Ярошенко.

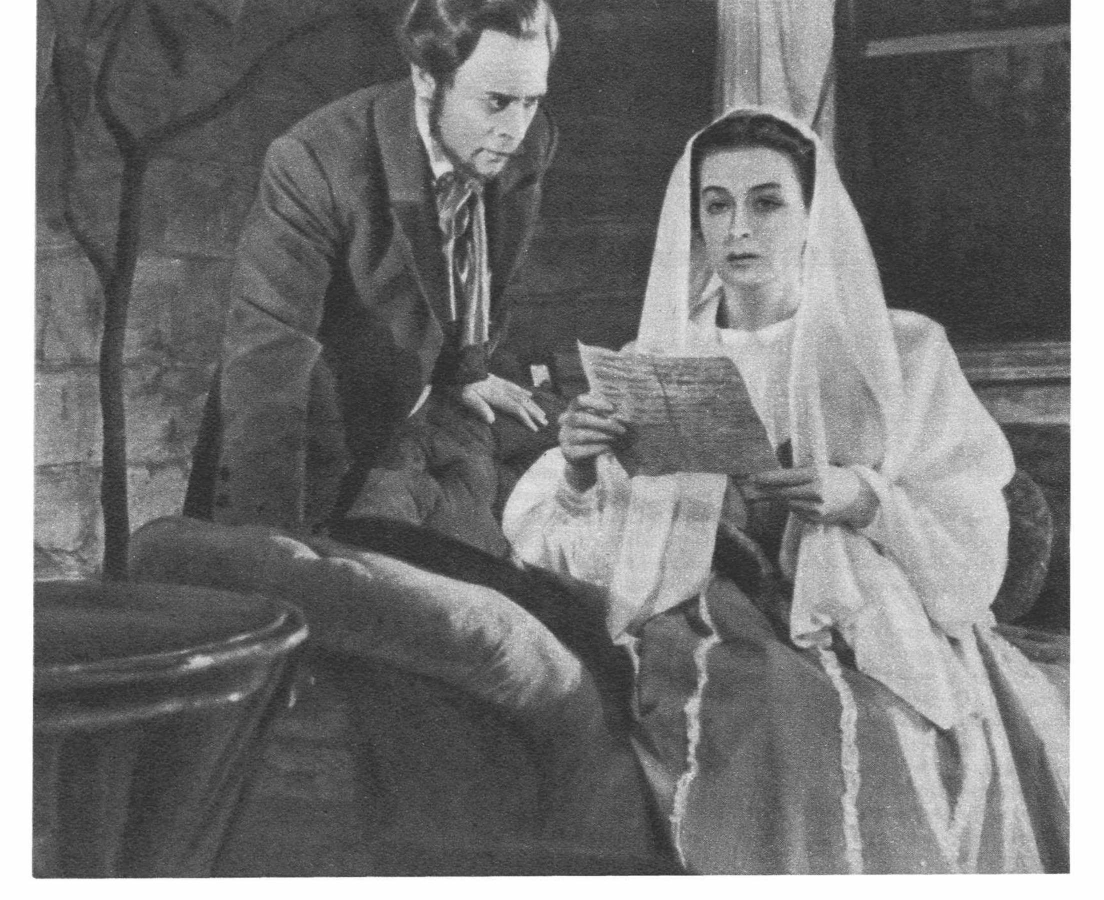
НА КАЧЕЛЯХ.

1888 ГОД.

Государственный
Русский музей.
Ленинград.

Н. А. Ярошенко. ПОРТРЕТ ПОЭТА А. Н. ПЛЕЩЕЕВА. 1887 ГОД. Харьковский государственный музей изобразительных искусств.

«Мастерица варить кашу» Н. Г. Чернышевского в постановке Центрального театра Советской Армии
Надя (Е. Глебова) узнает от Клементьева (А. Петров) правду о своем происхождении.

Пьеса Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Спектакль «Мастерица варить кашу» в Центральном театре Советской Армии

Сцена с пойманной козявкой. Слева направо: библиотекарь Иннокентьев (Н. Сергеев), помещица Карелина (заслуженная артистка РСФСР Л. Добржанская), управляющий имением Городищев (заслуженный артист РСФСР А. Ходурский).

Наследие великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского исключительно многообразно. Но не все знают, что наряду с философскими, публицистическими произведениями и романами перу его принадлежит и несколько пьес. Вот почему новый спектакль «Мастерица варить кашу» в Центральном театре Советской Армии вызывает большой интерес.

Как и другие его пьесы, «Мастерица варить кашу» написана Чернышевским в Сибири, на Александровском заводе. Сюда был сослан на долгие годы вождь революционной демократии, для которого жить — значило творить, писать, бороться...

Все три пьесы Н. Г. Чернышевского — «Драма без развязки», пастораль «Мастерица варить кашу» и комедия «Великодушный муж» — продолжали основные темы его творчества. Эти произведения пронизаны антикрепостническими идеями, реалистически рисуют жизнь России перед реформой 1861 года.

Создание пьес можно отнести к 1868—1871 годам. Именно в эти годы среди ссыльных Александровского завода начинает работать любительский театр. Одним из самых активных его организаторов был Н. Г. Чернышевский. Судя по воспоминаниям людей, бывших вместе с Чернышевским в ссылке, он принимал участие и в постановках своих пьес, превращавшихся в «учебник жизни». Чернышевский мечтал напечатать эти свои произведения, но только в 1906 году пьесы впервые были включены в полное собрание его сочинений. И только через восемьдесят с лишним лет после создания этих пьес с театральной сцены зазвучала страстная, гневная сатира Чернышевского, разоблачающая деспотизм и преступления власть имущих.

С глубокой любовью рассказывается в пьесе «Мастерица варить кашу» о людях из народа, «добывающих трудом свой хлеб». Действие пьесы, происходящее в 1856 году, развивается стремительно. Зрителя увлекают неожиданные повороты сюжета, острая сатиричность образов.

Богатая помещица Агнесса Ростиславовна Карелина в своей деревне наслаждается природой, кормит рыбок, сочиняет вирши, насаждает среди крестьян «искусство». Так же бы и дальше выполнялись прихоти крепостницы ее управляющим и фаворитом Городищевым, так же продолжал бы писать историю рода помещицы ее библиотекарь Иннокентьев, а горничная Надя покорно служила бы «благодетельнице», если бы не приезд молодого ученого Клементьева. Клементьев узнал о том, что помещица захватила богатства, по праву принадлежащие Надежде, и все в безоблачной жизни имения изменилось.

Образ Карелиной — ее роль в спектакле тонко и убедительно ведет Л. И. Добржанская — один из самых удачных у Чернышевского. У зрителя не остается сомнений в том, что облик добродушной и изнеженной «любительницы природы» — только маска, что помещица-стяжательница достойна своих предков, чья история — «смесь обвинительного акта с пасквилем».

Мягко и искренне играет артистка Е. П. Глебова роль Надежды — униженной и обманутой, но сохранившей в своем рабстве и моральную чистоту и гордость.

Большая ответственность лежит на исполнителе роли Клементьева, которому писатель доверил свои собственные мысли и чувства. Артисту А. А. Петрову образ не удался в полной мере. Добиваясь внешнего сходства с обликом революционера-разночинца, он зачастую отвлекается от внутреннего содержания образа. Но сцены с Надей, в которых Клементьев естествен и прост, заставляют думать, что в дальнейшей работе над образом артист добьется большего.

Хорошо выполнены художниками В. Я. Мазенко и Г. А. Трушиным декорации спектакля, передающие эпоху.

Режиссеры и актеры легко могли увлечься гротесковым решением образов и этим снизить социальную и бытовую правду характеров. Но творческий коллектив идею пьесы раскрыл правильно, и спектакль получился яркий и интересный.

М. ЛИНЕЦКАЯ

Фото А. Гладштейна

НАШ СОВРЕМЕННИК

К 90-летию со дня рождения В. Н. Бакшеева

Б. ЩЕРБАКОВ

Наш современник и в то же время друг Ярошенко и Репина, сподвижник Сурикова, Левитана, Серова, носитель живительных традиций передвижничества в советском изобразительном искусстве, всегда и во всем взыскательный мастер — таков Василий Николаевич Бакшеев.

Бакшеев принадлежит к той замечательной плеяде русских художников, в которой в недавние годы рядом были Н. Касаткин, В. Поленов, А. Архипов; вместе с ним они несли в советскую живопись демократические, глубоко народные принципы искусства передвижников.

«Девушка, кормящая голубей». 1887 год.

Членом Товарищества Василий Николаевич Бакшеев стал в 1896 году. В ту пору на 24-й выставке передвижников показывалась его картина «В вагоне». На деревянной скамье сидит, крепко задумавшись, молодая крестьянская женщина. На руках у нее ребенок, завернутый в цветные тряпки. Грустные думы у женщины: видно, жизнь ее нелегка. Напротив дремлет старуха с натруженными руками, немало поработавшими на долгом веку. А возле окна еще одна женщина; она везет в город мальчика, видимо, в ученье. Тот стоит у окна, подстриженный «под скобку», наряженный в казакин...

По своему обыкновению Владимир Васильевич Стасов обходил выставку медленно. Около картины Бакшеева стоял он долго, фамилия художника была ему не нова, он знал его вещи, показывавшиеся на прежних передвижных выставках. Человек, страстно любящий родное искусство, Стасов живо интересовался молодым талантливым живописцем. В статье о выставке, называя вещь Бакшеева рядом с «Устным счетом» Н. Богданова-Бельского, с «Поденщицами» А. Архипова, с полотнами В. Серова, И. Левитана, Н. Касаткина, В. Сурикова, Стасов писал: «Картина Бакшеева «В вагоне» полна интереса и правдивых женских типов из народа...»

Здесь метко подмечены два основных качества живописи Бакшеева — правдивость и народность, — им он не изменяет никогда.

Художественное образование Бакшеев получил в стенах Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Его учителями были: Евграф Сорокин — отличный рисовальщик брюлловской школы, жанристы-передвижники Илларион Прянишников и Владимир Маковский, певец родного пейзажа А. Саврасов и, наконец, В. Поленов, художник и мыслитель.

Бакшеев поступил в Училище в 1877 году, а заканчивал его в 1887-м, проведя в нем десять лет. Еще в Училище сформировался Бакшеев в крупного, самостоятельного художника. Здесь он создал «Девушку, кормящую голубей», принесшую ему широкую известность.

Этюды к этой картине он писал в каникулярное время во Владимирской губернии. Решив изобразить молодую красивую девушку, он намеревался дать живописный образ безмятежного счастья. Год работал Бакшеев над картиной, целый год, полный волнений. Он относился к своей работе столь нежно и любовно, что друзья называли ее «бакшеевской невестой». Друзья угадали: девушка, изображенная в картине, стала впоследствии женой Бакшеева, верным спутником его жизни.

Картина показывалась на ученической выставке, в помещении Училища на Мясницкой улице. На выставку приехал Павел Михайлович Третьяков. Оставив в гардеробной свою простенькую суконную шубу, приглаживая на ходу небольшую русую бороду, он прошел в залу и сразу направился к бакшеевской картине. У Бакшеева тревожно забилось сердце. Но Третьяков быстро глянул на картину и прошел по выставке дальше.

«Не понравилось!» — подумал Бакшеев.

Но Павел Михайлович обошел залу и снова остановился перед «Девушкой, кормящей голубей». И точно во сне услышал молодой художник голос собирателя русской живописи: «Не уступите ли картину?»

«Не уступите?» Скромничал Третьяков, отлично зная, что каждый художник почитает за честь попасть в его галерею. И «Девушка, кормящая голубей» — первое серьезное произведение Бакшеева — перекочевала в Лаврушенский переулок и по сей день находится в галерее, носящей имя славного основателя.

Следующей серьезной работой молодого художника было полотно «В родном гнезде». Сюжет ее навеян поездкой Бакшеева по Оке. В одной запущенной усадьбе видел Бакшеев трогательную сцену: старушка встречала внука, приехавшего домой на студенческие каникулы. Картина «В родном гнезде» получила первую премию на конкурсе в Московском обществе любителей художеств, и художник рискнул послать ее в Петербург к передвижникам. От живописца Н. Дубовского пришел ответ: картина принята. Обрадованный Бакшеев поехал в Петербург и сразу попал на товарищеский вечер, каким по традиции отмечали передвижники открытие выставки. Впоследствии Бакшеев не раз вспоминает эти вечера. Помимо художников, бывал на них Д. И. Менделеев. В. Маковский проникновенно пел романсы. Струнный квартет в составе В. Маковского, Г. Мясоедова, П. Брюллова и Я. Минченкова давал обычно небольшой концерт.

Приход Бакшеева к передвижникам тепло приветствовал И. Е. Репин. «Поздравляю вас!» — писал он Василию Николаевичу.

Следующая картина Бакше-

Народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР В. Н. Бакшеев в своей мастерской. Его ученик Н. И. Калита показывает учителю свои рисунки.
Фото Л. Иванова

«Летний вечер». 1935 год.

ева — «За советом». В ней рассказывается о крестьянских женщинах, пришедших потолковать к старому сельскому священнику. Памятуя доброе отношение Репина, Бакшеев подарил ему эскиз к этой картине.

Илья Ефимович горячо благодарил художника: «Многоуважаемый Василий Николаевич! Что за прелесть Вы мне прислали! Гляжу и не нагляжусь. Сколько света, как изящно!.. А уж писано как! Каждый мазок расцеловать хочется».

Бакшеев продолжал упорно работать как жанрист. Он пишет «Житейскую прозу», свою лучшую жанровую вещь о сером мещанском быте, картину «Молебен», чудесные детские сцены «В отсутствие господ» и «На реке», проникнутые нежной любовью к крестьянским ребятишкам. В 1894 году — год написания уже упомянутого полотна «В вагоне» — Бакшеев был приглашен преподавателем в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое не так давно окончил сам.

Много жанровых картин написал Василий Николаевич Бакшеев. На первый взгляд выглядят они скромными кусочками жизни, простым бытописательством. Но за внешне небогатой фабулой умеет Бакшеев показать высокую душевную красоту человека, раскрыть мечты и чаяния людей, стремящихся вырваться из будничной, неинтересной жизни. Картина «Неудачники» рассказывает о тягостной, беспросветной нужде, в которой живет мелкий провинциальный чиновник. Вырваться бы отсюда! Куда?

Куда? Этот вопрос задается всеми жанровыми произведениями Бакшеева. Всегда стремился он обращать внимание зрителя на простого человека, задавленного в старой России нуждой и бесправием, и это сделало Бакшеева настоящим передвижником, художником, чьи устремления близки творчеству Н. Ярошенко, И. Репина, С. Коровина.

Каждому жанру Бакшеева свойственно интересное живописное решение. С первых своих работ зарекомендовал он себя тонким колористом. Но живопись никогда не имела для художника самодовлеющего значения. Мастерское владение рисунком и колоритом помогало художнику ярче раскрыть основную идейную мысль произведения.

Наряду с жанровой живописью Бакшеев всегда занимался пейзажем. Жизнь природы влекла и восхищала его. Немалую роль сыграло знакомство с Саврасовым, Левитаном, учеба у Поленова. У Левитана научился Бакшеев изображать природу реально, правдиво, запечатлевать на холсте те переживания и чувства, которые вызывает пейзаж. От великих классиков пейзажа пришло к Бакшееву стремление, не ограничиваясь этюдом, создавать большие полотна, где с возможной полнотой раскрывать образ русской природы, полной неизбывных сил. Художник живо ощущает ее мощь. «Величие природы всегда меня возвышало»,— говорит он.

В 1900 году Бакшеев показывает на Передвижной выставке большую картину «Весна» и сразу становится признанным мастером пейзажа. В следующем году появляется «Иней», а затем «Сараи». Прошел дождь. В чистом небе тают редкие облака. Воздух напоен сыростью. И земля, и трава, и копны — все еще мокро. Солома на крышах сараев набрякла, взъерошилась. Тихо...

«Весенний день». 1940 год.

М. Нестеров писал Бакшееву о картине «Сараи», показанной в Киеве на 31-й передвижной выставке: «...Ваш пейзаж, по моему разумению, занимает первенствующее место, вызывая восторженные отзывы любителей истинного искусства».

Бакшеев написал десятки, а быть может, и сотни пейзажных работ, больших и маленьких. В каждую из них вложено долгое и пристальное изучение натуры.

После Великой Октябрьской революции Бакшеев занялся главным образом пейзажной живописью. Вместе с тем, являясь одним из создателей Ассоциации художников революционной России (АХРР), он пишет яркие, страстные, дышащие революцией произведения: «В. И. Ленин в Разливе», «Накануне девятого января», «Первомайская демонстрация в Петрограде», «После ухода белых».

Не оставляя свои чудесные пейзажные работы, художник все равно находит время для создания жанровых произведений, в которых удачно раскрывает новое содержание жизни советских людей. Он и в пейзаж вносит порой большой социальный смысл. Такова «Старая, уходящая и новая Москва» (1946 год), написанная из окна бакшеевской квартиры.

В советские годы мастерство Бакшеева еще больше окрепло и возмужало. Именно в это время пишет он свои шедевры, находящиеся сейчас в собрании Третьяковской галереи: «Дорога в лес» (1935 год), «Весенний день» (1940 год). «Весенний день», так же как и другая его картина — «Голубая весна»,— это гимн весне, солнцу, радости оживающей природы, голубизне неба, сияющей белизне берез.

И по сегодня работает Бакшеев упорно, не покладая рук, совмещая творческую деятельность с педагогической. Он несет своим ученикам великую любовь к человеку, умение раскрыть «душу» русской природы, рассказать о ней. На пейзажах Бакшеева учится и воспитывается не одно поколение наших живописцев.

В 1942 году, в трудную пору войны, в Москве была открыта выставка «Пейзажи нашей Родины». Василий Николаевич Бакшеев экспонировал на ней две картины — «Зимняя сказка» и «Первая зелень». В книге отзывов московские рабочие и воины Советской Армии приветствовали старого мастера. Одна из записей гласила: «Хочется поблагодарить за то, что эта выставка организована именно сейчас, когда особенно дорога нам наша русская природа».

Художник и патриот Василий Николаевич Бакшеев всегда чувствует себя в строю, он знает, что его искусство нужно советским людям. И сейчас на только что открывшуюся в Академии художеств выставку он представил новые свои работы: «Какое приволье!», «Вечер», «Березовая роща».

«Житейская проза». 1892—1893 годы.

Мастер портретного грима

«Писать с меня весьма трудно,— сказал однажды Гоголь в мастерской художника Моллера,— у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений».

С немалыми трудностями сталкивается художник-портретист: недостаточно запечатлеть на полотне внешнее сходство с оригиналом, нужно уловить и передать индивидуальные черты, характер, — иными словами, создать художественный образ.

Трудности этого же рода, если не бо́льшие, присущи и творчеству гримера. Перевоплощение лица актера с помощью грима — создание своего рода портрета — имеет ту особенность, что гример должен видеть лицо актера, так сказать, в движении. Улыбку, слезы — все богатство человеческих чувств должен заранее учитывать гример, предусмотреть все действия на сцене гримируемого актера, создать его «живой портрет».

Еще большие затруднения испытывает гример в кино. На крупных планах на экране лицо во много раз увеличено, зритель успевает рассмотреть каждую подробность. Как изменить лицо актера незаметно для зрителя? Разрисовка, раскраска лица, возможная в театре, в кино почти неприменима. К театральному гриму приходят в результате длительного репетиционного периода, в творческом общении актера с режиссером и партнерами. В кино надо приступать к гриму немедленно, с момента приглашения актера на роль. К началу съемок все гримы должны быть уже «освоены». Еще сложнее работа над так называемым портретным гримом. Правдивое воссоздание в кино внешнего облика исторических деятелей требует от гримера особого мастерства.

Таким мастером портретного грима является Владимир Георгиевич Яковлев, один из старейших работников кинематографии. За плечами Яковлева двадцать пять лет работы в кино. До этого он был театральным актером, около восьмидесяти ролей сыграл на сцене. В каждой из них он с особой любовью работал над гримом. С приходом в кино Яковлев останавливает свой выбор на профессии гримера.

Актеры — герои тридцати кинокартин — и среди них таких фильмов, как «Яков Свердлов», «Сельская учительница», «Клятва», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919 год», — прежде, чем начать жизнь на экране, провели немало часов в гримерной Яковлева. За участие в создании фильма «Падение Берлина» Яковлеву присвоено звание лауреата Сталинской премии.

Портретный грим... Казалось бы, просто: приглядись повнимательней, изучи портреты, фотографии изображаемого в фильме исторического лица и добросовестно перенеси его черты на лицо актера. Однако результат может получиться неожиданно плохой, искажающий образ.

Так было на пробных съемках к фильму «Яков Свердлов»: артист Л. Любашевский — исполнитель заглавной роли — был загримирован в точном соответствии с одной из фотографий Я. М. Свердлова. Однако скопированный грим в сочетании с внешними данными актера придавал несвойственные облику Свердлова черты. Все это было устранено в дальнейшей работе над образом.

Упорная совместная работа актера и гримера позволяет неузнаваемо менять облик исполнителя. Это особенно важно в фильмах, рисующих долгие годы жизни героя. Пример—кинокартина «Сельская учительница», в которой искусство перевоплощения артистки В. П. Марецкой удачно сочеталось с мастерством В. Г. Яковлева. Необычайно сложна работа гримера в фильме, где один и тот же актер исполняет несколько ролей одновременно: П. Кадочников с успехом играет в фильме «Яков Свердлов» и молодого Горького и нижегородского рабочего-подростка Леньку. А в фильме «Василиса Прекрасная» артист Г. Милляр исполняет сразу три роли: старика-отца, гусляра и... Бабы-Яги.

Но бывают и такие задания, перед которыми, кажется, должно отступить мастерство гримера. К примеру, артисту М. Штрауху предстояло исполнить главную роль в кинокомедии для детей «Доктор Айболит»; ему «полагался» большой, гротесковый нос. Но съемки предстояло вести в Ялте, где гуммоз, из которого лепят такие носы, от жары таял. Прибегнуть к старинному театральному способу — сделать нос из папье-маше? Нет, это не могло удовлетворить мастера, добивавшегося художественной выразительности. Или исполнение артистом Н. Охлопковым роли оперного певца в фильме «Яков Свердлов». Как только на Охлопкова-Мефистофеля устремлялись на репетициях лучи мощных прожекторов, его мефистофельский подбородок, сделанный из желатина, менял свою форму и сползал. И вместо команды: «Съемка!» — от раза к разу слышалось досадное: «Сменить подбородок!»

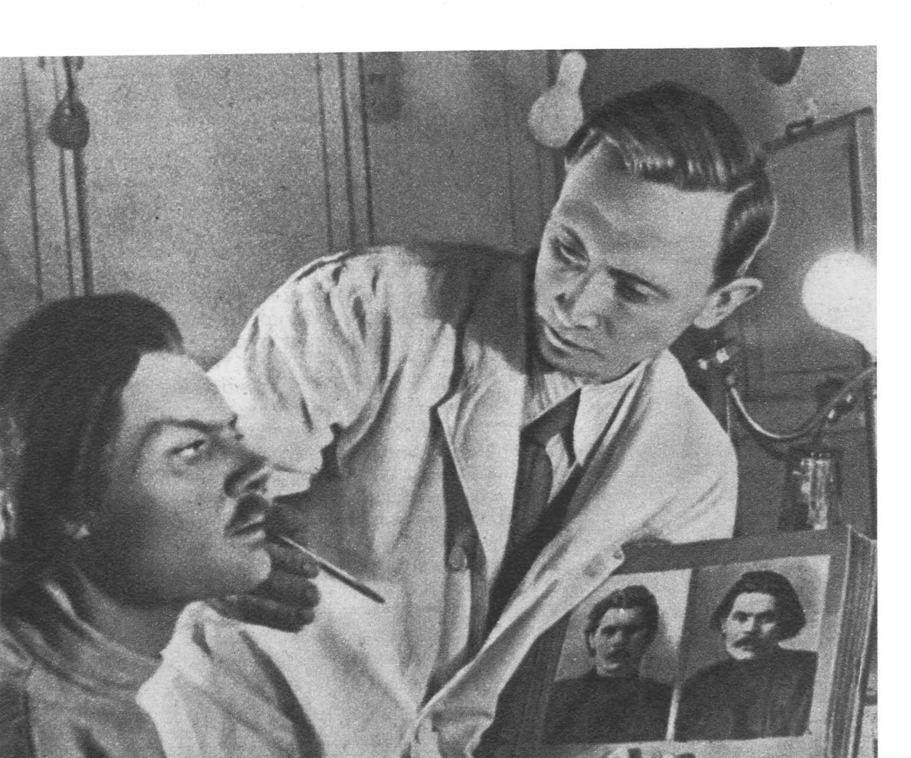
Гримерам пришлось посетить не одно научно-исследовательское учреждение, испробовать самые разнообразные материалы, прежде чем был найден новый метод грима.

Актер приглашен на роль выдающегося исторического деятеля. Многое — талант, темперамент, внешность — говорит о правильности выбора режиссера. Однако новое испытание происходит в гримерной. Здесь с лица актера снимается гипсовая маска, по которой отливается модель. На маске-модели, своеобразном гипсовом манекене, «выкраивается» будущий облик персонажа. Сначала делаются «примерки»: на маске вылепляют, вернее, долепляют недостающие черты, скрадывают излишние. На маске то появляются, то исчезают усы, брови, парики...

Наконец гример удовлетворен. Маска разрезается на отдельные куски — по ним готовятся формы. Залитая в формы каучуковая масса отпрессовывается, вулканизируется, и детали будущего лица— те самые детали, которых не хватало актеру для сходства с изображаемым персонажем, — нос, надбровные дуги, подбородок — готовы. Сделанный из мягкой пористой резины такой «пластический грим» безвреден для актера и совершенно не мешает его мимике. Детали пластического грима прилегают так плотно, что при разгримировывании часто трудно увидеть, где кончается грим и где начинается лицо актера.

Сейчас на киностудии «Мосфильм» под руководством В. Г. Яковлева создана мастерская пластического грима. Если бы кинозрителю довелось побывать в этой мастерской, он узнал бы немало знакомых лиц среди белых гипсовых масок, развешенных по стенам: тут и В. Марецкая и А. Дикий, Ф. Раневская и В. Станицын, В. Дружников и многие другие.

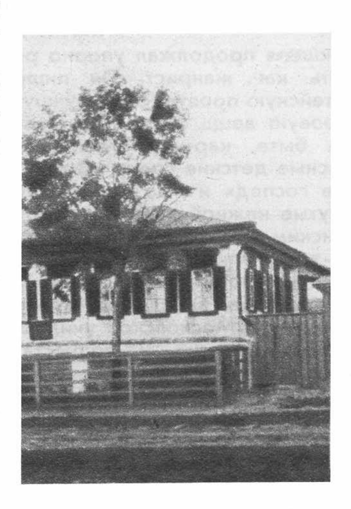
Л. БЕЛОКУРОВ

В гримерной «Мосфильма». Заслуженный артист РСФСР П. Кадочников в гриме А. М. Горького и В. Г. Яковлев.

Из почты «Огонька»

МУЗЕЙ В СЕЛЕ ВЕЛИКО-МИХАЙЛОВКЕ

В доме, где когда-то останавливался И. В. Сталин, открылся музей.

В селе и сегодня встретишь бывших бойцов I Конной армии, на всю жизнь запомнивших этот день.

То было 6 декабря 1919 года. Товарищ И. В. Сталин, находившийся в районе действий недавно созданной I Конной армии, приехал из Старого Оскола в село Велико-Михайловку. И. В. Сталин знакомился с состоянием частей Конной армии и ходом боевых операций. В тот же день состоялось объединенное заседание Реввоенсоветов Южного фронта и I Конной армии. И. В. Сталин выступил на этом заседании с речью о задачах Конной армии в осуществлении плана разгрома Деникина.

На следующий день Иосиф Виссарионович осматривал поле боя возле Велико-Михайловки, встречался с местным населением. В те дни в ряды I Конной армии вступило более 300 местных жителей.

Свято чтут колхозники память о днях пребывания И. В. Сталина в их родном селе. В доме, где когда-то останавливался Иосиф Виссарионович, открылся музей. В четырех комнатах размещены документы, фотографии, картины.

Ежегодно музей посещают тысячи трудящихся. Здесь встретишь экскурсии пионеров и школьников из городов и сел Курской и соседних областей. Часто в музей приходят бывшие бойцы I Конной армии товарищи Ситась, Щербак, Костенко. Молодежь слушает их рассказы о славных походах доблестных кавалеристов.

В большой книге отзывов много записей. Вот одна из них.

«Здесь, в этом доме, решалось и наше счастье,— пишут пионеры и школьники Мальцевской семилетней школы, Корочанского района, Курской области.— Спасибо родному Иосифу Виссарионовичу, великому полководцу...»

П. ОСАДЧИЙ,
редактор районной газеты «Путь к коммунизму»

Момент рекордного бега Юрия Сергеева.
Фото О. Кнорринга

41,2

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ

Самый быстрый конькобежец мира Юрий Сергеев — коренной москвич.

Он родился и вырос на окраине столицы, в Покровском-Стрешневе. И, как все мальчишки этого холмистого, расположенного близ Москвы-реки района, очень увлекался спортом. На этих лесистых холмах раздолье для лыжника, на реке — для пловца и конькобежца.

Одним из любимейших занятий были игры на плотах, всегда переполнявших реку, словно половину ее вымостили бревенчатыми мостками.

На этих плотах и устраивались «сражения» с «пиратами». Однажды в таком сражении Юрий поскользнулся на размокшей, осклизлой коре и свалился в воду. Едва не утонул, зато научился плавать.

Здесь же у реки играли в футбол, а зимой бегали вдоль вмерзших плотов на коньках и самодельными клюшками гоняли льдинку или найденный где-нибудь старый каблук.

Хоккей всегда был любимой игрой Юрия. Без хоккея он не мыслил себе и бега на коньках, как не понимал простого бега или купания без игры в салочки. То ли дело борьба с такими же ловкими, как ты сам, за обладание легким, тугим, словно шарик, мячиком! Быстрый бег с неожиданными поворотами и обводкой одного, другого, третьего из противников и, наконец, венчающий борьбу меткий удар по воротам. Это ли не наслаждение!

Юрий много играл в хоккей и в школьной команде, а позднее в армейских, когда уже почувствовал страсть к скоростному бегу.

Велика была в этом живом, энергичном юноше жажда борьбы. Ему и скоростной-то бег понравился только тогда, когда он увидел перед собой конкретную задачу — обогнать самого сильного. На московском стадионе Юных пионеров с группой конькобежцев мальчиков и девочек занимался тогда заслуженный мастер спорта Василий Ипполитов. В группе был рослый мальчик, который бегал быстрее всех. Он был самый сильный. Вот его-то и захотел обогнать Юра, случайно попавший на эти занятия.

Правда, сначала на беговых коньках Юра чувствовал себя очень неловко: ни повернуться на них быстро, ни на носках разбежаться. Но зато какая скорость! На них так несет, что иногда ноги ускользают из-под тебя и ты едва не падаешь на спину. Но вскоре Юрий освоился и с этими коньками и обогнал рослого мальчика, первого своего соперника.

На детских соревнованиях в Архангельске в 1940 году Юра установил рекорд для мальчиков 15—16 лет в беге на 500 метров. Он пробежал тогда эту дистанцию за 47,6 секунды. Этот рекорд продержался одиннадцать лет.

...Скоростным бегом Сергеев снова стал заниматься уже после войны у заслуженного мастера спорта Г. В. Кушина, потом у К. Кудрявцева и, наконец, у И. Аниканова.

— Иван Яковлевич был первым, кто открыл мне сущность спортивного режима,— говорит Сергеев об Аниканове.— Я впервые узнал, что, кроме самых лучших природных данных, необходима большая и систематическая работа над физическим развитием, нужно воспитание выносливости и воли к победе.

Сергеев впервые понял, что спортом нельзя заниматься между прочим, от случая к случаю. Он всецело подчинился требованиям тренера. Все свободное время отдавал конькам.

И вот в 1950 году солдат Сергеев становится чемпионом страны в беге на 500 метров.

С тех пор, как замечательный советский конькобежец Константин Кудрявцев на московском стадионе «Динамо» пробежал 500 метров за 42 секунды и всего на 0,2 секунды не «дотянул» до мирового рекорда, установленного в идеальных условиях швейцарского высокогорья, прошло более десяти лет. И ни один скороход, в том числе и сам Кудрявцев, за эти годы не сумел достичь этого результата.

Мечтой Сергеева, наделенного необыкновенными скоростными данными, стало улучшить застарелый всесоюзный и еще более застарелый мировой рекорд.

И когда близ Алма-Аты был открыт советский высокогорный каток и на нем были обновлены многие рекорды страны, Сергеев и его тренер Аниканов увидели реальную возможность для осуществления давнишней мечты.

Помимо того, что давал Юрию тренер, Сергеев сам вводил в тренировку новые элементы, позволявшие увеличить выносливость и силу. Так, в подготовительном периоде вместо обычной имитации движений бега Сергеев ввел имитацию бега прыжками, приблизив ее, таким образом, к условиям бега на льду. Первое время это было очень трудно выполнять. Домой Юрий приходил совсем разбитый. Но с каждым разом ему все легче и легче удавалось преодолеть все больший участок пути этим скачкообразным бегом. Результаты настойчивой работы сказались уже в начале зимы. На льду свердловского катка Сергеев пробегает 500 метров за 42,8 секунды. Прошло немного времени — и результат улучшился еще на 0,3 секунды. Наконец, конькобежец приезжает на высокогорный каток и с первого же старта доводит результат сезона до 42,2 секунды.

Вечером в день соревнований на приз Совета Министров Казахской ССР Юрий Сергеев пробегает дистанцию за 41,7 секунды. Это был новый рекорд Советского Союза и новый рекорд мира.

Конькобежец с поразительным упорством продолжал тренировки над освоением особенностей скольжения, над техникой поворотов, большим мастером которых был его тренер Аниканов.

...Наступил канун соревнований на первенство СССР 1952 года. С заходом солнца могучим потоком с гор стал стекать в долину холодный ледниковый воздух. Таков закон гор.

Мечтательно глядя на густо, по-южному, усыпанный звездами купол неба, конькобежцы говорили:

— За ночь ледок закрепится, а утром, на солнышке, чуть «поотпустит» — и... рекорды будут.

Сергеев думал о завтрашнем дне. Он чувствовал себя удивительно хорошо, уверенный, что теперь его мировой рекорд будет им же улучшен.

Это было тем более приятно сознавать, что Сергеев знал, как трудно достается каждая десятая доля секунды в коротких дистанциях.

Утро было таким, каким его ждали спортсмены: безоблачным, с рассеянным светом еще не показавшегося из-за вершины солнца.

Свежий ветерок, как ручеек, едва слышно журча в шелку знамен, спускался с гор по ущелью, в долину. Но конькобежцы уже знали: с первыми лучами выглянувшего солнца ветер почтительно ретируется и наступит полный штиль — время рекордов.

К моменту первых стартов, как в концертном зале, когда дают полный свет и начинает играть каждая бусинка люстр, появившееся солнце зажгло ослепительным блеском снег и такой чистый лед, что в него можно было смотреться, как в зеркало.

Каждый новый старт приносил личные рекорды.

«Пора и мне улучшать личный рекорд»,— подумал Сергеев. Он совершенно отчетливо представлял себе весь бег — от начала до конца. Самое главное — суметь на первых 200 метрах сделать максимальный разгон. Ох, если бы удалось пробежать этот отрезок быстрее обычного! Ведь пробегал же он его на тренировке в отличное время!

Но об этом потом, сейчас главное — сосредоточиться. На старте он стоял рядом с Владимиром Прошиным. Скороходы резко рванулись вперед. Издали казалось, что Прошин и Сергеев двигались по лентам конвейеров, пущенных с разной скоростью. Сергеев быстро уходил вперед. Вот он уже вошел в поворот. Юрий мобилизует все силы, чтобы не оторваться от бровки, не пройти ни одного лишнего сантиметра. Из поворота на вторую прямую он не вышел, а «вылетел». Скорость, кажется, еще возросла, а движения попрежнему четки и уверенны.

Последний поворот. Он самый трудный. Радиус меньше, а скорость так же велика. Чуть неверное движение — и завертишься волчком, подметая рейтузами и без того чистый лед. Но труд положен не зря. Коньки вплотную проходят и вдоль этой овальной бровки, словно вдоль могучего магнита, который не дает коньку оторваться ни на один сантиметр.

Промелькнула под ногами линия финиша — и воцарилась тишина. Юрий, выпрямившись и часто, часто переступая ногами, продолжал скольжение, разгоряченный, счастливый. Он чувствовал победу. И через минуту раздались аплодисменты. Это зрители и участники соревнований приветствовали новый мировой рекорд.

— Время Сергеева — 41,2 секунды! — прозвучал голос диктора.

Тренировка хоккеистов ВВС в Свердловске.

Фото мастера спорта Р. Леонова

Хоккейный сезон ОТКРЫТ

Свисток! Маленький пробковый мяч, оплетенный тугой веревочной паутиной, как пуля, скользнул по льду. На широких просторах хоккейного поля, обрамленных невысокими деревянными бортами, мяч мечется под хлесткими ударами гибких камышовых клюшек.

Две команды, 22 крепких спортсмена, создают тонкую сеть комбинаций. Быстрые атаки сменяются эффектными прорывами. Зрители аплодируют ловкости вратарей, восхищаются храбростью и цепкостью защитников, мощными ударами нападающих. Всех увлекает темп игры.

Это наш, русский хоккей!

В 1908 году в тогдашнем Петербурге кружком «Спорт» были устроены первые состязания хоккеистов. Эту дату принято считать годом зарождения хоккея в нашей стране.

В двадцатых годах, когда хоккеем заинтересовались тысячи футболистов, игра приобрела командную тактику, взаимодействие линий.

Хоккей быстро развивается во всех городах, где зимой работают катки, и приобретает огромную популярность у сотен тысяч любителей спорта. После того как в 1922 году была проведена «Неделя зимнего спорта», стали регулярно проводиться всероссийский и всесоюзный турниры.

За последние годы русский хоккей широко распространился среди спортсменов Урала, Поволжья и Сибири. Команды Свердловска, Новосибирска, Омска, Горького, Куйбышева, Иванова, Челябинска, Молотова ныне демонстрируют высокий класс игры.

...В призовом шкафу спортивного клуба Военно-Воздушных Сил в Москве хранится большая серебряная ваза — кубок. Это переходящий приз Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта для команды — чемпиона СССР по хоккею с шайбой.

Шесть надписей выгравированы на гранях вазы: «1946—47 гг. — «Динамо» (Москва)», «1947—48 гг.— ЦДКА (Москва)», «1948—49 гг.— ЦДКА (Москва)», «1949—50 гг. — ЦДКА (Москва)», «1950—51 гг. — ВВС (Москва)», «1951—52 гг. — ВВС (Москва)».

Эти три столичные команды завоевали в минувших турнирах почетное звание чемпиона страны по хоккею с шайбой.

Если русский хоккей (с мячом) имеет в Советском Союзе многолетнюю давность, являясь, по существу, самобытной национальной игрой, то хоккей с шайбой культивируется в СССР совсем недавно.

22 декабря 1946 года в Москве, Ленинграде, Риге, Свердловске и Архангельске были проведены первые соревнования советских хоккеистов на первенство страны по хоккею с шайбой.

Стала быстро появляться талантливая молодежь, которая отлично усвоила все технические трудности новой игры и теперь с успехом выступает в составах сильнейших коллективов страны.

Уже второй турнир показал заметный рост класса советских хоккеистов как в технике, так (особенно) и в тактике. Игра велась на высоких скоростях, поразивших наших гостей — команду Чехословакии. И в последующих всесоюзных чемпионатах наши ведущие коллективы зачастую показывали хоккей высокого класса. В первоклассный коллектив выросла, например, молодая команда «Крылья Советов», ставшая первым обладателем учрежденного два года назад «Кубка СССР» по хоккею с шайбой. Очень сильно провела два последних сезона команда летчиков во главе с В. Бобровым, забившим в розыгрышах первенства СССР около 200 шайб. Улучшили игру команды Ленинграда («Динамо» и Дом офицеров) хотя они еще значительно отстают от сильнейших команд Москвы.

...В тот ноябрьский день, когда на столичном стадионе «Динамо» разыгрывался финал «Кубка СССР» по футболу, на стадионе Новосибирска играли хоккеисты столичного коллектива ЦДСА. Но еще за неделю до этого, в конце октября, на лед вышли хоккеисты красноярского общества «Трактор». Эта молодая талантливая команда в нынешнем сезоне будет впервые играть в составе сильнейших коллективов на первенстве СССР по русскому хоккею. Предсезонная подготовка сильнейших команд началась еще задолго до наступления холодов, в те дни, когда припекало солнце. Так, например, на летнем искусственном катке детского парка Дзержинского района в Москве тренировались хоккеисты столичного «Динамо» и ВВС.

Чемпион страны и обладатель «Кубка» применял в своей подготовке и баскетбол, и кроссы, и гимнастические упражнения.

30 ноября в Свердловске, Челябинске и Молотове поднят флаг VII турнира на первенство СССР по хоккею с шайбой. В этом году золотые медали чемпионов будут оспаривать 17 команд, в числе которых «новички». Это «Химик» из города Электросталь, Московской области, команда новосибирского Дома офицеров (до этого широко известная в русском хоккее). Вновь выступают также коллективы Каунаса, горьковского «Торпедо» и команда спортивного клуба имени Сталина (Молотов). Остальные 12 команд хорошо известны любителям хоккея. Это динамовцы Москвы, Ленинграда, Таллина и Свердловска, спартаковцы Москвы и Минска, профсоюзные коллективы «Крылья Советов» (Москва), «Даугава» (Рига), «Дзержинец» (Челябинск) и армейские спортсмены ВВС, ЦДСА и Дома офицеров (Ленинград).

Изменился и состав сильнейшей восьмерки, которая будет бороться с 18 января 1953 года на стадионах Куйбышева за звание чемпиона СССР по русскому хоккею. Это московские команды «Динамо» и «Буревестник» (выигравший переходную встречу у земляков-спартаковцев), коллективы Домов офицеров Свердловска, Минска и Риги, красноярский «Трактор», коллектив хоккеистов Казани и прогрессирующая ленинградская команда Института физического воспитания имени Ленина.

В составах всех этих команд мы увидим много молодежи.

Хоккейный сезон начался!

Юр. ВАНЬЯТ

В новой школе

Многие московские школьники справляют новоселье — въезжают в новые школы, недавно построенные для них. Прекрасные здания, сооружаемые по единому типовому проекту, радуют глаз своей легкой архитектурой. На пяти этажах размещаются просторные классы, кабинеты, актовый зал, библиотека, буфет.

В новых школах созданы все условия и для лучшей постановки физического воспитания детей. Весь нижний этаж здания занимает большой спортивный зал, разные подсобные помещения: гардеробные, душевая. Изолированность этажа дает возможность нормально вести занятия по физкультуре, не мешая общему ходу учебы.

...Лялин переулок, 12. Среди старинных особняков и домов высится светлое здание, украшенное мрамором, скульптурой. Два месяца назад в этом здании, построенном по типовому проекту, расположилась средняя мужская школа № 336. Тысяча сто ребят сели за новенькие парты.

Тишина. Идет урок. Внизу, в спортивном зале, раздается команда преподавателя физкультуры, слышен шум маршировки, бега. Школа имеет весь нужный спортинвентарь: брусья, перекладины, кольца, шест и канат для лазанья,— устраивается гимнастическая стенка. Во дворе баскетбольная и волейбольная площадки, на одной из них зимой здесь каток. Работают уже разные спорткружки.

Новые школьные здания — замечательный подарок ребятам. Есть тут простор для учебы, раздолье для юных физкультурников. Только в нынешнем году в Москве возведено и возводится двадцать семь таких зданий.

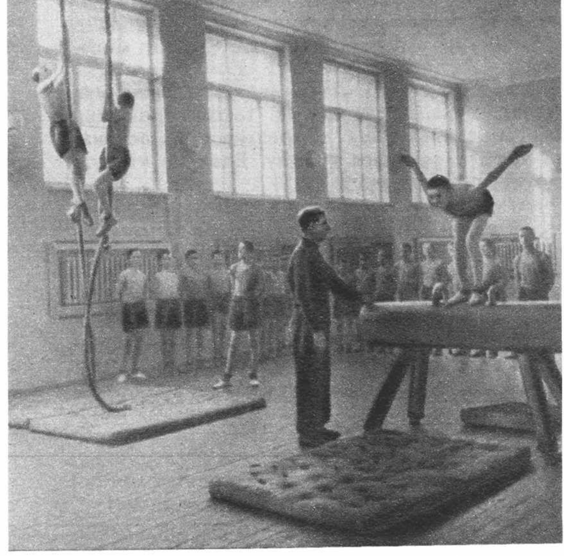
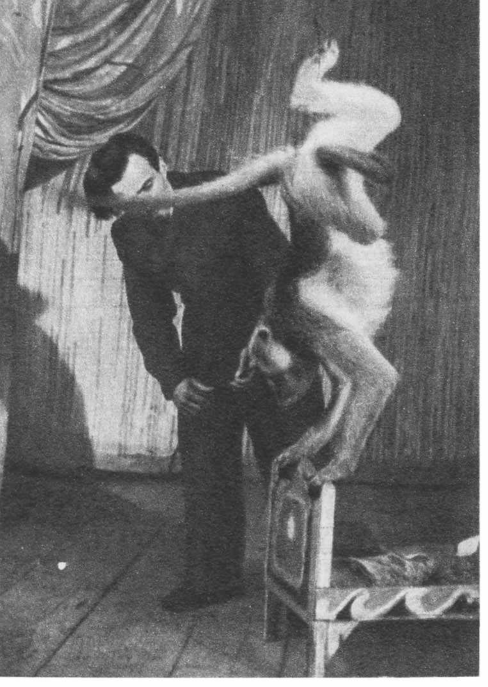

Фото Б. Кузьмина

По команде дрессировщика обезьяна Мики быстро делает стойку.

Инсценировка «Терем-теремок, или день рождения собаки Мушки». Торопливо волокут мешки с мукой мыши-поварята. В кухне их ждет кондитер. Пирог должен быть подан к столу во-время!

ДУРОВСКИЙ УГОЛОК

Кто из маленьких москвичей не знает веселого дуровского уголка, основанного сорок лет назад? Свыше двухсот зверей и птиц собрано в этом своеобразном заповеднике. Здесь можно увидеть говорящего ворона, южноамериканского красавца ламу-гуанако, потешных пингвинов — уроженцев Антарктики, огромного слона и маленького броненосца, похожего на сплющенный танк, наблюдать за мирным содружеством кошки и крыс в «кошкином доме».

В небольшом музее выставлены чучела зверей, птиц, фотографии и документы, демонстрирующие полувековой творческий путь замечательного русского циркового артиста Владимира Леонидовича Дурова — основоположника научного метода дрессировки животных. Дело, начатое отцом, продолжает сейчас и его дочь Анна Владимировна Дурова вместе с коллективом научных сотрудников и дрессировщиков.

Самое замечательное в «Уголке» — «Театр зверей». Это единственный в мире театр, где на сцене выступают не люди или куклы, а четвероногие и пернатые артисты. Они «играют» свободно, с непринужденностью, присущей зверю и птице, резвящимся на воле. В этом состоит дуровский метод — подмечать и закреплять свойственные животному естественные наклонности.

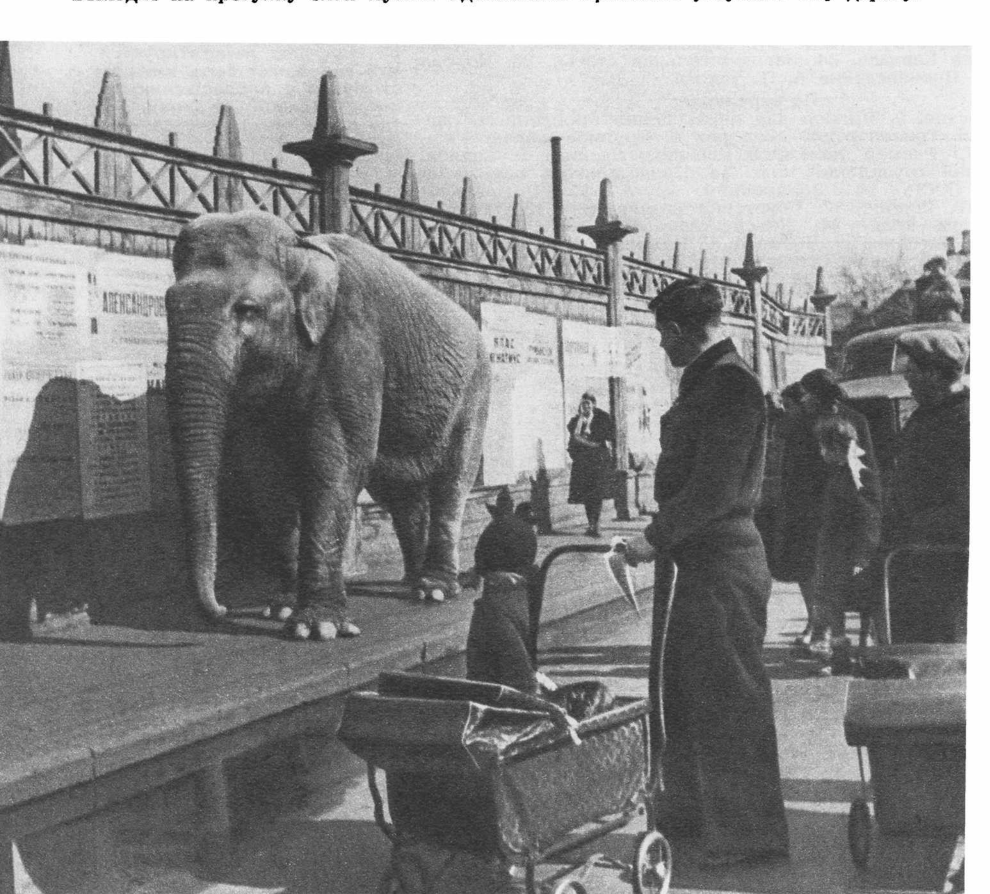
В «Театре зверей» инсценирована сказка «Терем-теремок, или день рождения собаки Мушки». Автор и постановщик ее — А. В. Дурова.

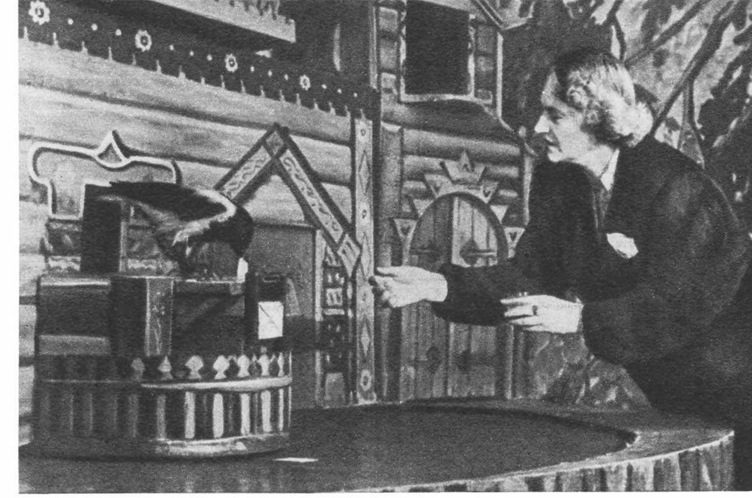
На занавесе театра начертан девиз: «Забавляя — поучать». В пояснениях к спектаклю маленькие зрители узнают много нового и полезного о жизни и поведении животных.

Сотни тысяч детей с восторгом смотрели спектакли дуровского театра в Москве и Ленинграде, куда он недавно выезжал на гастроли.

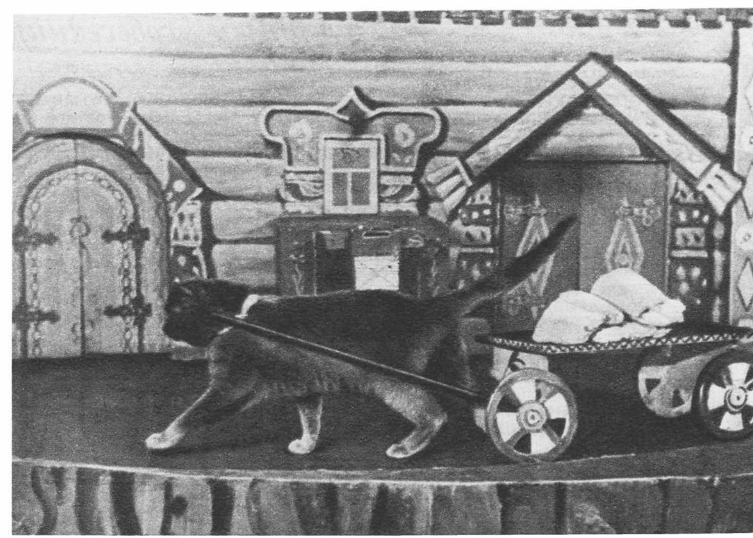
В. ЛЕБЕДИНСКАЯ
Фото О. Кнорринга

Выходит на прогулку слон Пунчи. Удивленные прохожие уступают ему дорогу.

Прилетел почтальон — ворона Кара. А. В. Дурова принимает от нее поздравительные телеграммы, адресованные Мушке.

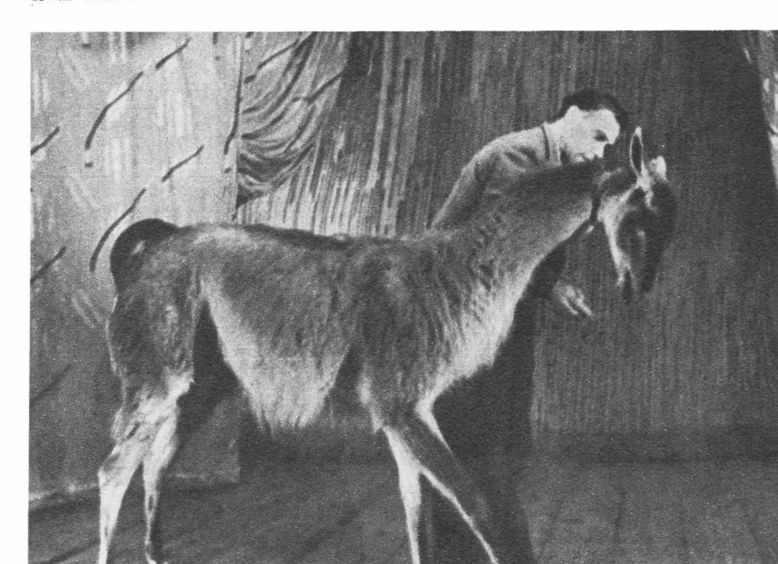

Кошка Дымка привезла из города муку для именинного пирога.

Пес Цыган увозит обезьяну Жако после ее успешного выступления на сцене театра.

— Ну, Петя, давай станцуем! — приглашает ламу-гуанако дрессировщик. Изящно поднимая ноги, лама повторяет за ним «па».

Приятный собеседник

К Петрову в личный кабинет
Вошел мужчина средних лет.

Он сел к столу довольно смело
И, посмотрев по сторонам,
Сказал:
— Ну что ж, приступим к делу.
Я ревизор. Из центра. К вам.

Директор треста машинально
Вскочил со стула моментально
И, еле сдерживая прыть,
Промолвил:
— Чем могу служить?

— Вы расскажите честь по чести
И, попрошу вас, без прикрас,
Как
С бдительностью в вашем тресте
И как с беспечностью у вас.

Директор поспешил с ответом:
— Я проверял у нас везде:
Беспечности в помине нету,
И бдительность на высоте!
Теперь в газетах и журналах,
Мы знаем, пишется немало
О ротозеях...
И у нас
Об этом я издал приказ.
Я проверял неоднократно
И в том заверить вас могу,
Что весь, обширный аппарат мой
И днем и ночью
Начеку!

Да что мне хвастать перед вами —
Вы можете проверить сами!

И вот мужчина средних лет
Прошел в соседний кабинет.

Там проверял он с чувством, с толком
В анкетах каждую графу,
Там он в архивах рылся долго
И в несгораемом шкафу.
Перечитал он за день массу
Бумаг со штампами и без,
А под конец проверил кассу
И
Вместе с кассою
Исчез.
Исчез (простите за сравненье),
Как мимолетное виденье...

И тут Петров сообразил,
Что за приятным разговором
Про бдительность —
У «ревизора»
Он документов не спросил.

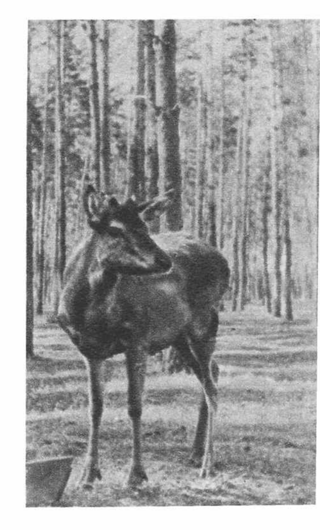
☆ ☆ ☆

Как вам понятно без морали,
С Петровым нянчиться не стали
Но тот мужчина средних лет...
Не входит к вам он в кабинет?

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Из почты «Огонька»

В заповеднике

Благородный олень.

Воронежский государственный заповедник — один из крупнейших в стране. В нем произрастает более тысячи видов различных растений, живут сотни видов животных, среди которых встречаются очень редкие, например, благородный олень. Это замечательное животное почти полностью уничтожено в Западной Европе и в Америке.

В оленьем стаде Воронежского заповедника насчитывается более 600 голов, и стадо продолжает расти.

Один из интереснейших обитателей заповедника — русский речной бобр. В конце дня на берегу реки нередко можно увидеть бобров, вышедших из норы в поисках пищи, строительного материала или чтобы просто порезвиться.

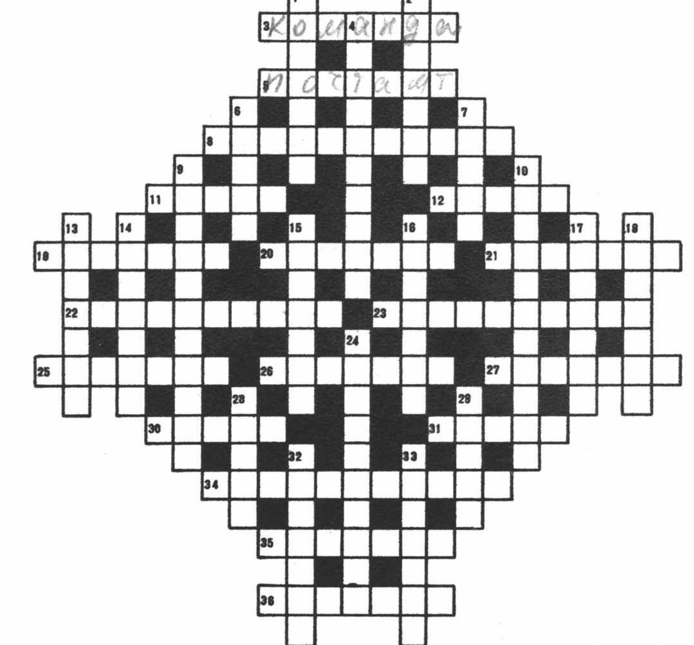
Чрезвычайно пугливые и осторожные в естественных условиях, бобры, живущие на ферме, привыкают к человеку.

М. ЕВСТРАТОВ

Воронеж.

Речные бобры.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Спортивный коллектив. 5. Учреждение связи. 8. Классификация. 11. Приток Иртыша. 12. Автор памфлетов, отмеченных Сталинской премией. 19. Великий русский художник. 20. Химическое соединение. 21. Прибрежное судоходство. 22. Деятель искусств. 23. Совокупность письменных и печатных произведений. 25. Частица, входящая в ядро атома. 26. Благородный металл. 27. Стрелковое оружие. 30. Сад. 31. Дом на Кавказе. 34. Заключительная статья. 35. Порода овцы. 36. Произведение А. П. Чехова.

По вертикали:

1. Известие. 2. Прибор для определения пройденного расстояния. 4. Транспортное средство. 6. Крупное жвачное животное. 7. Размер денежного вознаграждения. 9. Задача. 10. Великий грузинский поэт. 13. Представитель одного из народов СССР. 14. Поперечник круга. 15. Оптический прибор. 16. Родина. 17. Советский композитор. 18. Город в Хабаровском крае. 24. Количественный учет. 28. Опера А. Г. Рубинштейна. 29. Поэма А. С. Пушкина. 32. Отдел математики. 33. Деталь архитектурного сооружения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

5. Культиватор. 8. Полигон. 10. Комитет. 12. Валуй. 14. Везувий. 15. Патриот. 16. Бином. 17. Ствол. 21. Осетр. 22. Ватин. 23. Лаура. 24. Серия. 25. Сурик. 27. Тибет. 30. Класс. 32. Остов. 34. «Печенег». 35. Лигроин. 36. Довод. 38. Брюллов. 39. «Соловей». 40. Агротехника.

По вертикали:

1. Рубидий. 2. «Льгов». 3. Ханой. 4. Комитас. 6. Лопухов. 7 Терраса. 9. Надир. 10. Купол. 11. Нейтралитет. 13. Бортнянский. 18. Лафет. 19. Зинин. 20. Бурун. 21. Орлик. 24. Серебро. 26. Кларнет. 28. Псков. 29. Торос. 31. Ветлуга. 33. Липочка. 36. Дозор. 37. Домна.

Их образ жизни

ГРУСТНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Бюллетень философского общества США вынужден прекратить свое существование. В последнем номере бюллетеня напечатано сообщение издателей его, в котором с грустью констатируется, что «не может быть никаких стимулов к продолжению такого издания в эпоху, когда люди отказываются мыслить».

В этом номере помещены четыре страницы репродукций картин Н. А. Ярошенко и четыре страницы репродукций картин И. Я. Билибина.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 07724. Подп. к печ. 9/XII 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 1003. Заказ № 2119. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Б. И. Пророков. ОРУЖИЕ ВМЕСТО МАСЛА. (из серии «Американцы в Европе». 1952 год).

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

МЛП СССР ГШС ГЛАВШВЕЙСБЫТ

Головные уборы

ОСЕННЕ-

ЗИМНЕГО

АССОРТИМЕНТА

Цена номера 3 руб.